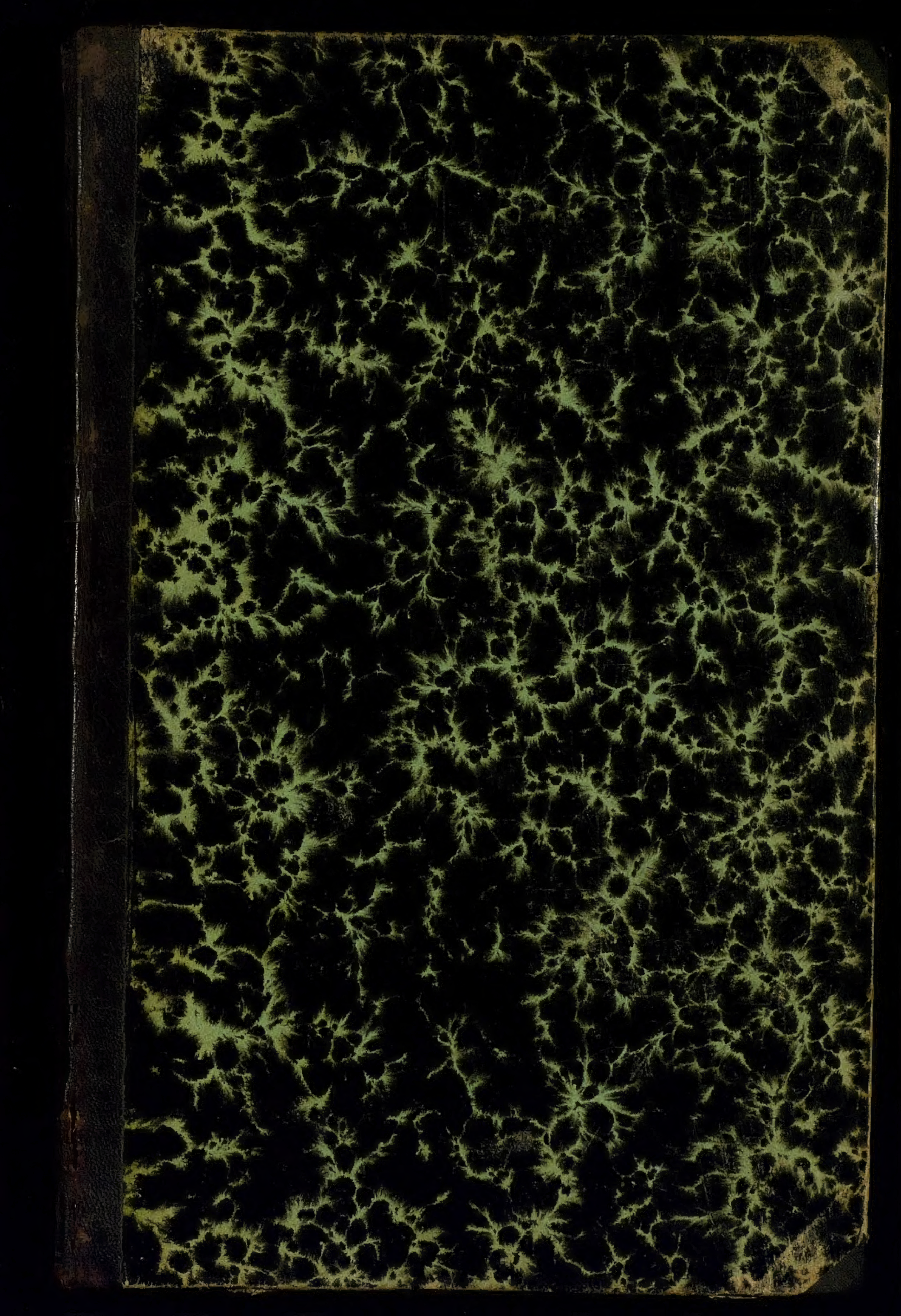

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLI-й. ІЮЛЬ. 1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва п. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.
1910.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1910 года.

Библіографическій листокъ.

Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Томъ V, выпускъ IV.

Этимъ выпускомъ заканчивается это прекрасное и художественно исполненное изданіе. Свыше тысячи портретовъ воспроизведены для потомства, а нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ спасены, такъ какъ и теперь вскорѣ послѣ изданія оригиналы эти совсѣмъ исчезли.

Къ числу интересныхъ портретовъ въ IV выпускѣ находятся превосходно возсозданный Кипренскимъ портретъ Пушкина, дивный портретъ кн. П. А. Зубова во весь ростъ, работы Лампи, портреты: Ю. Я. Чаадаева, извѣстнаго сектанта Дубовицкаго, адмирала Ф. Ф. Ушакова, матери кн. Потемкина—Д. А. Потемкиной, извѣстнаго министра Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія кн. А. Н. Голицына, портретъ участника событія 11 марта 1801 г., кн. В. М. Яшвиля и много другихъ.

Дневныя записки о путешествіи россійско-императорскаго посольства въ Персіи въ 1816 и 1817 г.г., веденныя совѣтникомъ этого посольства Е. А. Соколовымъ.

Записки эти содержатъ описаніе событій по мѣсяцамъ съ октября 1816 г. по апрѣль 1817 г. Съ выѣздомъ посольства изъ Тифлиса 17 апрѣля и до его возвращенія въ Россію 15 октября 1817 г., записи подробно ведутся по днямъ. Особенно интересное описаніе пріема у Аббасъ-Мирзы и персидскаго шаха, а также изложеніе мѣръ, предпринятыхъ посломъ А. П. Ермоловымъ для поднятія престижа Россіи. Къ запискамъ предпослано интересное и обстоятельное предисловіе, составленное Александромъ Ермоловымъ.

И. Корниловъ. Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Матеріалы для исторіи Виленскаго учебнаго округа. Изданіе второе, провѣренное и дополненное (посмертное). Выпускъ первый.

Авторъ состоялъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа съ февраля 1864 г. по мартъ 1868 г. и собралъ служебную переписку по округу, руководящія распоряженія за это время и переписку съ разными лицами. Вся эта переписка чужда формализма; она дышетъ правдой. Видно по всему, что дѣло было живое, и что всѣ лица, принимавшіе участіе въ перепискѣ, „работали сердечно, съ одушевленіемъ, изъ любви къ дѣлу, плоды котораго для возбужденія русскаго народнаго духа, для возрожденія русской культуры и для возстановленія правъ русской народности были у всѣхъ на виду“. Книгу эту можно рекомендовать для прочтенія всѣмъ, кто интересуется исторіей нашей родины. Самъ авторъ говоритъ: „Давно пора русскимъ ученымъ заняться строгимъ и подробнымъ, безпристрастнымъ изученіемъ событій въ Западной Россіи и Царствѣ Польскомъ и происходящей тамъ вражды и кровавыхъ распрей польской шляхты съ русскимъ народомъ. Разработка и обнародованіе историческихъ матеріаловъ, относящихся къ такъ называемой Муравьевской эпохѣ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ, обличатъ, наконецъ, правду, разсѣютъ вымыслы, заблужденія и клевету и дадутъ возможность и право произнести судъ и приговоръ надъ людьми и событіями, и приговоръ исторіи будетъ непремѣнно въ пользу М. Н. Муравьева“.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга двадцать вторая. Съ приложеніемъ подробнаго указателя ко всѣмъ двадцати двумъ книгамъ. С.-Петербургъ. 1910 г.

Эта книга состоитъ изъ шести главъ, совершенно обработанныхъ покойнымъ Н. Барсуковымъ, и, отложенныхъ въ особый планъ съ надписью „Начало XXII книги“, которая издана братомъ покойнаго, Александромъ Барсуковымъ, при трогательномъ библейскомъ изреченіи: „Болѣзную о тебѣ, брате мой, красной ми зѣло“,—съ приложеніемъ превосходно составленнаго указателя (ключа) ко всѣмъ двадцати двумъ книгамъ.

Шесть главъ написаны на основаніи выдержекъ изъ воспоминаній Бориса Николаевича Чичерина, бывшаго профессоромъ безвременно скончавшагося Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и сопровождавшаго Цесаревича во время путешествій.

Чичеринъ увидѣлъ въ первый разъ своего будущаго слушателя въ началѣ сентября 1861 года.

„Онъ произвелъ на меня, пишетъ Чичеринъ, самое выгодное впечатлѣніе. Высокій, стройный, красивый, при этомъ умный, живой и привѣтливый, онъ могъ очаровать и привязать къ себѣ тѣхъ, кто къ нему подходилъ. Вся окружающая атмосфера дышала какимъ-то задушевнымъ и возвышеннымъ строемъ“.

Вскорѣ Чичеринъ началъ читать Великому Князю лекціи. По прошествіи нѣкотораго времени попечитель Наслѣдника, графъ Строгановъ, объявилъ, что надо назначить репетицію прочитаннаго.

„Задача была нелегкая, передаетъ Чичеринъ. Изложить кратко и ясно цѣлый рядъ ученій, большею частью съ философскимъ содержаніемъ, не всегда подъ силу даже не совсѣмъ дюжинному уму. Любой студентъ надъ этимъ бы призадумался. А между тѣмъ, Великій Князь исполнилъ это такъ отчетливо, послѣдовательно и даже изящно, что ничего лучшаго нельзя было желать. И я, и присутствующій при репетиціи графъ Строгановъ остались въ полномъ восторгѣ. Мы тутъ же съ радостнымъ чувствомъ поздравили другъ друга. То же впечатлѣніе произвели на насъ и другія репетиціи. Самыя отвлеченныя

Графъ
Александръ Ѳедоровичъ
Ланжеронъ

ПРИ ЖУРНАЛѢ „РУССКАЯ СТАРИНА"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса".

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13;

и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

основанное 1-го января 1870 г.

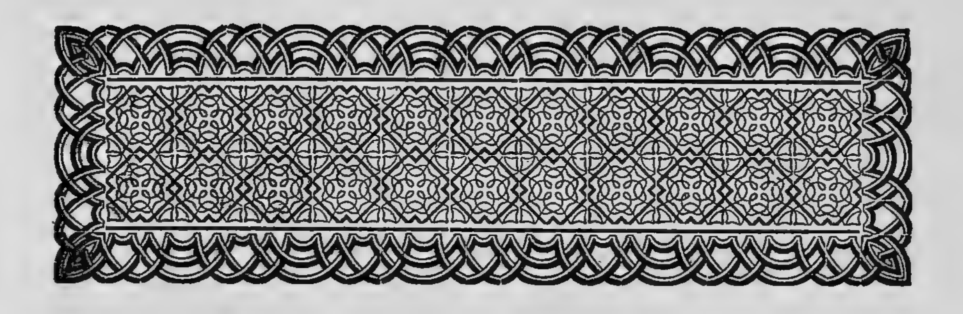
1910.

ІЮЛЬ. — АВГУСТЪ. — СЕНТЯБРЬ.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1910.

Наброски изъ моей жизни[1].

Мятежъ въ Польшѣ, начавшійся въ началѣ 1863 года, разгорался все болѣе, несмотря ни на какія уступки со стороны русскаго правительства. Напротивъ, онъ усиливался по мѣрѣ дѣлаемыхъ уступокъ какъ съ гражданской, такъ и съ военной стороны. Намѣстники, кромѣ временно бывшаго Сухозанета, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, совершенно растерялись и, несмотря на многія указанія со стороны самого Государя, не исполняли Высочайшаго повелѣнія. Всѣ они находились подъ вліяніемъ поляковъ и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Велепольскаго, который, пользуясь оказаннымъ ему довѣріемъ, проектировалъ такія льготы Польшѣ, о которыхъ остальная Россія и думать не могла. По этому проекту, сочиненному Велепольскимъ и утвержденному Государемъ, Польша фактически становилась независимою отъ Россіи. И все это утверждалось русскимъ правительствомъ, которое не видѣло или не хотѣло видѣть, что утвержденный проектъ велъ къ той же цѣли, къ какой стремились и мятежники. Къ счастью Россіи поляки не поняли или тоже, какъ и русскіе, не хотѣли понять игры Велепольскаго и, несмотря на дарованныя имъ милости, продолжали прежнія революціонныя безчинства.

Нельзя не отмѣтить при этомъ, что обо всѣхъ этихъ измѣненіяхъ въ Царствѣ Польскомъ извѣщались иностранныя государства, точно будто Польша не составляла нераздѣльной части Россіи и

[1]) См. „Русская Старина" іюнь 1910 г.

въ своихъ внутреннихъ, такъ сказать, домашнихъ дѣлахъ подлежала суду европейскихъ державъ. Не это ли заискиваніе нашего министерства иностранныхъ дѣлъ послужило поводомъ къ тѣмъ дипломатическимъ нотамъ, въ которыхъ съ такою безцеремонностью давались Россіи разные непрошенные совѣты.

Если можно только съ горечью говорить о томъ гражданскомъ строѣ, который господствовалъ въ Польшѣ, благодаря русскимъ намѣстникамъ, то не менѣе тяжко вспомнить о томъ униженіи, которому, благодаря тѣхъ же намѣстниковъ, подвергались войска.

Не было такихъ униженій и оскорбленій, которымъ бы не подвергались войска со стороны польскихъ мятежниковъ: на войска плевали одиночные люди, какъ это теперь происходитъ въ Финляндіи, поносили, оскорбляли цѣлыми толпами, дѣйствуя иногда оружіемъ, и убивали полицейскихъ. И все это войска выносили со злостью въ сердцѣ, повинуясь властямъ, которыя ничего этого не хотѣли видѣть и не желали остановить безобразія. Но все это кончилось съ назначеніемъ графа Берга намѣстникомъ, а Н. А. Милютина начальникомъ гражданской власти.

Н. А. Милютинъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ и довѣреннымъ лицомъ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского. По удаленіи А. И. Левшина въ 1859 году Ланской представилъ Милютина на должность товарища. Однако Государь, хотя не зналъ Милютина лично, но слышалъ, что онъ слыветъ за либерала, долго не соглашался на это назначеніе. Государь слышалъ, будто Милютинъ страшный врагъ дворянъ и поборникъ крестьянскихъ интересовъ. Въ концѣ концовъ, однако Государь уступилъ Ланскому, назначивъ Милютина временно товарищемъ министра.

Принимая Милютина при вступленіи его въ должность, Государь не скрылъ отъ него, что въ обществѣ его считаютъ едва-ли не за революціонера и что, соглашаясь на его назначеніе, онъ желалъ дать ему возможность оправдаться въ этомъ нареканіи [1]). Конечно, распустить въ придворныхъ сферахъ такой слухъ о Милютинѣ могли тѣ лица, которыя стояли за крѣпостное право, за олигархію дворянства и за остзейскіе и польскіе порядки. На сторонѣ Милютина были только Абаза, Головнинъ, Рейтернъ и князь Оболенскій. Правда, это было немного по числу, но за то на его сторонѣ была большая сила въ лицѣ умной Великой Княгини Елены Павловны, горячо сочувствовавшей всѣмъ благимъ начинаніямъ Царя-Освободителя. Она дѣятельно поддерживала Милютина, выражала ему

---

[1]) Татищевъ.

сочувствіе и оказывала свое покровительство. Неоднократно она заступалась за него передъ самимъ Государемъ.

Надо замѣтить, что она не совѣтовала Милютину принимать предлагаемое ему мѣсто. Того же мнѣнія держался и Великій Князь Константинъ Николаевичъ, который былъ того мнѣнія, что во главѣ правительства въ Царствѣ Польскомъ долженъ быть не русскій, а полякъ.

По окончаніи своихъ работъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ Н. А. Милютинъ, со свойственнымъ ему умомъ и энергіею, принялся за реформы въ Царствѣ Польскомъ.

Лѣтомъ 1863 года онъ былъ вызванъ изъ-за границы, и Государь, несмотря на отказъ съ его стороны, поручилъ ему огромной важности дѣло—введеніе въ Царствѣ Польскомъ капитальныхъ реформъ. При этомъ Императоръ Александръ Николаевичъ изложилъ Милютину свои главныя мысли. Онъ говорилъ, что несмотря на примирительную систему, которой онъ постоянно держался, онъ окончательно убѣдился, что не достигнетъ примиренія между русскими и поляками, несмотря на всѣ уже сдѣланныя уступки. Поэтому остается одно только средство привлечь къ русскому престолу сердце польскихъ крестьянъ, ибо помѣщики и шляхта непримиримы, крестьяне же, несмотря на личную свободу, находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи, состоя въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ были водворены.

Отпуская Милютина, Государь изъявилъ ему милостивое довѣріе и сказалъ, что онъ предоставляетъ ему полную свободу дѣйствій.

Результатъ Милютинскихъ дѣйствій, съ соизволенія Государя, выразился фактическимъ освобожденіемъ крестьянъ, съ надѣломъ ихъ землею, и дарованіемъ независимаго отъ помѣщиковъ суда и устройства учебной части. Всѣ руководящія статьи по этому вопросу, составленныя Гильфердингомъ, Кояловичемъ и Ѳеоктистовымъ, подъ непосредственною редакціею самого Милютина, тотчасъ же печатались въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и такимъ образомъ дѣлались достояніемъ публики, имѣвшей возможность оцѣнивать дѣйствія правительства.

Русское общество ожило и увидѣло, что правительство поняло наконецъ свое униженіе и рѣшилось принять энергическія мѣры для водворенія порядка въ краѣ, гдѣ благодаря Велепольскому и слабымъ намѣстникамъ, Царство Польское едва не отдѣлилось отъ Россіи на законномъ основаніи.

Но если въ Россіи были довольны дѣйствіями правительства, за границею поднялась цѣлая буря. Общественное мнѣніе, возбужденное прессою, негодовало и громко требовало вмѣшательства во вну-

треннія дѣла Россіи. Къ счастью, на этотъ разъ нашлись люди, отстоявшіе честь и достоинство Россіи, съ соизволенія Государя, давшіе внушительный отпоръ Франціи и Англіи.

Принятіе ихъ предложеній равносильно было бы признанію за ними права вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла, отверженіе могло повести къ дипоматическому разрыву и даже къ войнѣ, какъ предупреждали о томъ русскіе дипломаты въ своихъ донесеніяхъ. Взвѣсивъ обѣ случайности, Императоръ Александръ не поколебался подчинить всѣ прочія соображенія сознанію державнаго достоинства России. Прежде чѣмъ подписать: „быть посему" на представленныхъ вице-канцлеромъ проектахъ отвѣтовъ на имя нашихъ представителей въ Лондонѣ, Парижѣ и въ Вѣнѣ, Государь перекрестился и, передавая ихъ князю Горчакову, твердо и рѣшительно произнесъ [1]: Vogue la galère.

Въ числѣ протестующихъ оказался и папа римскій. Онъ съ самаго начала возстанія въ Польшѣ проявилъ сочувствіе полякамъ и оказывалъ имъ всевозможныя поощренія. Наконецъ, онъ обратился съ личнымъ письмомъ къ Государю, въ которомъ жаловался на положеніе римско-католической церкви въ краѣ, на терпимыя ею притѣсненія и требовалъ для себя права непосредственно сноситься, внѣ всякаго правительственнаго контроля, съ мѣстными епископами, а для духовенства—возстановленія его вліянія на народное образованіе.

Императоръ Александръ отвѣчалъ римскому первосвященнику письмомъ, въ которомъ упрекамъ его противупоставилъ обвиненіе духовныхъ лицъ въ соучастіи въ мятежѣ, въ вызванныхъ имъ безпорядкахъ и даже въ совершенныхъ преступленіяхъ. „Этотъ союзъ пастырей церкви", писалъ Государь, „съ виновниками безпорядковъ, угрожающихъ обществу—одно изъ возмутительнѣйшихъ явленій нашего времени. Ваше Святѣйшество должны не менѣе меня желать его прекращенія". Письмо это заключалось слѣдующими словами Государя: „Я увѣренъ, что прямое соглашеніе моего правительства съ правительствомъ Вашего Святѣйшества, на основаніи заключеннаго между нами конкордата, вызоветъ желанный мною свѣтъ, при которомъ разсѣются недоразумѣнія, порожденныя ошибочными или злонамѣренными донесеніями, и не преуспѣетъ дѣло политическаго порядка и религіозныхъ интересовъ, нераздѣльныхъ въ такое время, когда и тому и другимъ приходиться обороняться отъ нападеній революціи. Всѣ дѣйствія моего царствованія и заботливость моя о духовныхъ нуждахъ моихъ подданныхъ всѣхъ

---

[1]) Татищевъ.

исповѣданій служитъ залогомъ чувствъ, одушевляющихъ меня въ этомъ отношеніи".

Въ числѣ другихъ вопросовъ Милютинъ коснулся весьма важнаго вопроса о католическихъ монастыряхъ въ Царствѣ Польскомъ. Какъ въ Польшѣ, такъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, выяснилось, что во всѣхъ волненіяхъ и преступленіяхъ принимало дѣятельное участіе католическое духовенство; во многихъ костелахъ и монастыряхъ найдены были склады оружія и прокламацій. Въ виду этого рѣшено было закрыть тѣ изъ монастырей, которые существовали не на законномъ основаніи, вопреки каноническихъ правилъ.

Когда въ принципѣ вопросъ былъ конченъ, то, по желанію Н. А. Милютина, рѣшено было, не оглашая самаго рѣшенія правительства, приступить къ подготовленію общественнаго мнѣнія къ этому событію. Съ этою цѣлью составленіе статей поручено было Гильфердингу, Кояловичу и Ѳеоктистову. Статья Кояловича по поводу описанія дѣйствій извѣстнаго Кунцевича была представлена предварительно Государю. По этому случаю, я получилъ слѣдующую записку отъ Д. А. Милютина.

„Возвращая при семъ корректурный оттискъ статьи г. Кояловича съ двумя собственноручными отмѣтками Государя Императора, покорнѣйше прошу Васъ, Сергѣй Павловичъ, исправить всѣ тѣ мѣста, гдѣ прямо приписываются самому Папѣ неблаговидныя дѣйствія. Можно сказать совершенно то же самое, только избѣгнувъ наименованія Папы".

Д. Милютинъ.

12 декабря.

По поводу той же статьи я получилъ слѣдующую записку отъ Н. А. Милютина.

„Позвольте обратиться къ Вамъ, Милостивый Государь Сергѣй Павловичъ, съ покорнѣйшею просьбою, доставить мнѣ, если можно № 277 „Русскаго Инвалида" (статью о Іосафатѣ Кунцевичѣ). Желательно бы объ этомъ господинѣ тиснуть статейку во французскихъ газетахъ, чѣмъ мы нынѣ занимаемся".

Искренно преданный
Н. Милютинъ.

1 мая 1865 г.

Предстоящее закрытіе монастырей, какъ сообщилъ мнѣ Николай Алексѣевичъ, требовало величайшей тайны. Рѣшено было, чтобы русская публика узнала объ этомъ событіи изъ газеты въ то утро,

когда въ ночь, въ Царствѣ Польскомъ уже свершалось закрытіе монастырей. Это очень озабочивало Николая Алексѣевича, и потому ему пришлось обратиться ко мнѣ съ разными личными указаніями и письмами. Такъ отъ 2 ноября онъ писалъ:

„Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ.

Спѣшу препроводить къ Вамъ полученную изъ Варшавы и частью мною исправленную корректуру нашего отчета по польскому крестьянскому дѣлу. Нужно бы было еще одну корректуру для окончательнаго просмотра. Пожалуйста доставьте мнѣ ее, если можно въ двухъ экземплярахъ. При этомъ можно бы раздѣлить отчетъ на нѣсколько частей по числу №№, въ которые Вы его предназначаете. Впрочемъ, на этихъ дняхъ потребуется отпечатать весьма длинные оффиціальные документы, о чемъ намъ необходимо предварительно условиться. Не признаете ли возможнымъ переговорить со мною на этихъ дняхъ. Между 12 и 3 часами я буду дома. Предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, требуетъ особенной тайны.
Надѣюсь до скораго свиданія"
Искренно преданный
Н. Милютинъ.

Сохраненіе въ тайнѣ вопроса о предстоящемъ закрытіи монастырей особенно озабочивало Н. А. Милютина потому, какъ объяснилъ онъ мнѣ, что нужно было предупредить появленіе какихъ бы то ни было слуховъ объ этомъ предметѣ, какъ здѣсь, такъ и въ заграничной прессѣ.

— Указы по этому случаю будутъ очень большіе; прибавьте къ тому разъяснительныя статьи, и Вы увидите, какъ трудно будетъ сохранить до времени тайну, если все это будетъ лежать въ наборѣ въ типографіи.

— Но все это можно подготовить заранѣе, не давать въ типографію всего матеріала разомъ. Я дамъ въ типографію матеріалъ безъ начала и безъ конца, а отчасти и безъ середины; когда же получу разрѣшеніе печатать, то будетъ набрано и напечатано и все остальное, отвѣчалъ я.

Такъ и было сдѣлано. Петербургская публика узнала объ этомъ событіи, когда въ Варшавѣ уже всѣ монастыри были закрыты и опечатаны.

Вмѣстѣ съ указами подготовлялись и разъяснительныя редакціонныя статьи, которыя, по порученію Милютина, писалъ А. Ѳ. Гильфердингъ.

По поводу ихъ Николай Алексѣевичъ 3 сентября писалъ:

„Вотъ исправленная статья, которую предполагается напечатать вмѣстѣ съ извѣстными оффиціальными актами. Не знаю, когда статсъ-секретаріатъ ихъ окончательно изготовитъ для печати, но полагаю, что это не замедлится.

Моя убѣдительная просьба: пустить эту статью тотчасъ по полученіи указовъ и доставить мнѣ хоть дюжину отдѣльныхъ оттисковъ. Если почему-либо это замедлится, то нельзя ли не позже воскресенья (вечеромъ) прислать мнѣ хотя корректуру прилагаемой статьи (экз. 3 или 4), такъ какъ въ понедѣльникъ у меня будетъ случай послать ее, для руководства, нѣкоторымъ заграничнымъ корреспондентамъ“.

Преданный
Н. Милютинъ.

3 сентября.

Опубликованіе этихъ документовъ было отсрочено, кажется, даже не одинъ разъ. По этому поводу я опять получилъ увѣдомленіе отъ Н. А. Милютина.

„Публикація извѣстныхъ документовъ отсрочивается, и дня ея опредѣлить еще не могу, тѣмъ тщательнѣе нужно соблюдать глубокую тайну, о чемъ убѣдительнѣйше прошу распорядиться по редакціи и типографіи.

Докладъ вѣроятно уже набирается, и я ожидаю корректуры. Сдѣлайте одолженіе увѣдомить меня, когда именно я могу разсчитывать на полученіе корректуры? Если же въ наборъ еще не отдано, то нельзя ли возвратить мнѣ оригиналы для исправленія нѣкоторыхъ собственныхъ именъ.

Когда день для обнародованія будетъ окончательно избранъ, то я доставлю Вамъ статью А. Ѳ. Гильфердинга вмѣстѣ съ другими документами, вѣроятно въ срединѣ будущей недѣли.

Позвольте напомнить Вамъ мою просьбу: статью Гильфердинга, по отпечатаніи въ Инвалидѣ, доставить мнѣ, въ отдѣльныхъ оттискахъ въ количествѣ 500 экз. Что касается до оттисковъ другихъ документовъ, то объ этомъ я сообщу Вамъ особо.

Если Вамъ угодно будетъ переговорить со мною, то завтра утромъ буду дома“.

Искренно преданный
Н. Милютинъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій я получилъ отъ Д. А. Милютина записку: „Ожидаемые указы и приказы получены. Пожа-

луйста примите зависящія отъ Васъ мѣры къ своевременному напечатанію ихъ.

Не позабудьте о рескриптѣ?“

Въ то же время Дмитрій Алексѣевичъ писалъ мнѣ:

„Братъ проситъ Васъ, Сергѣй Павловичъ, прислать ему, если можно, сегодня же три оттиска статьи, приготовленной по поводу указовъ, такъ какъ есть случай отправить къ отъѣзжающимъ въ Парижъ, дабы статья эта скорѣе появилась въ „le Nord“ и другихъ доброжелательныхъ парижскихъ газетахъ“.

Д. Милютинъ.

6 сентября.

Опубликованіе указовъ о закрытіи монастырей въ Польшѣ произвело большой шумъ въ наполеоновской Франціи. Объ этомъ я былъ извѣщенъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ слѣдующею запискою:

„Указъ о закрытіи монастырей въ Польшѣ напечатанъ въ „Монитерѣ“ въ совершенно искаженномъ видѣ. Прибывшіе изъ Петербурга №№ газетъ, заключавшіе въ себѣ эти указы, были въ Парижѣ запрещены, такъ что „le Nord“ объявилъ, что не можетъ напечатать подлинныхъ указовъ. Всѣ французскія газеты получили mot d'ordre выставлять распоряженія Русскаго Правительства какъ новое насиліе; „штатные“ монастыри названы couvents d'Etat, т. е. какъ бы казенными. Однимъ словомъ, французское правительство высказало при этомъ случаѣ въ полномъ блескѣ свои мошенническія и плутовскія способности. Новая эта продѣлка требуетъ немедленнаго обличенія. Не можетъ ли Евгеній Михайловичъ Ѳеоктистовъ написать статейку къ воскресенью? Братъ мой уже просилъ его къ себѣ сегодня вечеромъ; но я не знаю, можетъ ли онъ быть у него; а время дорого, такъ какъ въ понедѣльникъ не будетъ нумера“.

Д. Милютинъ.

27 ноября.

Статья была уже готова, когда я на слѣдующій же день отъ Дмитрія Алексѣевича получилъ другую записку:

„Князь Горчаковъ убѣдительно проситъ остановить печатаніе статьи о продѣлкѣ „Монитера“ и другихъ французскихъ газетъ по поводу указа о монастыряхъ. Знаю, что такое позднее и внезапное измѣненіе принесетъ Вамъ не малое разстройство, но дѣлать нечего: причины, приводимыя княземъ Горчаковымъ, слишкомъ важны, чтобы не исполнить на сей разъ его желанія. Статья можетъ быть пригодится на другой № Инвалида“.

Д. Милютинъ.

28 ноября.

На основаніи указовъ было упразднено: 71 мужской монастырь съ 304 монахами, 11 женскихъ съ 14 монахинями, какъ не достигавшими опредѣленнаго церковными канонами числа монашествующихъ въ нихъ; за соучастіе въ мятежѣ закрыто 39 мужскихъ монастырей съ 674 монахами; сверхъ того упразднены 4 уніатскія обители; затѣмъ осталось въ Царствѣ Польскомъ римско-католическихъ монастырей 45 мужскихъ съ 657 монахами и 38 женскихъ съ 535 монахинями.

Теперь Н. А. Милютину предстояло громадное дѣло покончить навсегда съ притязаніями папы.

Выше уже было сказано, что Императоръ Александръ и папа Пій IX обмѣнялись письмами, въ которыхъ Государь указывалъ папѣ на католическое духовенство, усиленно поддерживавшее мятежъ въ Польшѣ. Даже, когда мятежъ потухалъ, то папа приказалъ въ церквахъ торжественно молиться за Польшу, какъ за оплотъ католической вѣры противъ вторженія ереси и прося у Бога, чтобы она была освобождена отъ политическихъ бѣдствій. Весною 1864 года онъ въ коллегіи пропаганды произнесъ страстную рѣчь, въ которой взводилъ на Государя обвиненіе въ томъ, что католическая церковь подвергается преслѣдованію въ его владѣніяхъ, а католики гоненіямъ за то только, что они остаются вѣрными религіи Іисуса Христа.

Послѣ этой выходки папы нашъ посланникъ былъ отозванъ изъ Рима.

Окончательнымъ разрывомъ послужили поступки самого папы, которыми воспользовался Н. А. Милютинъ. Въ сношеніяхъ своихъ съ Петербургскимъ кабинетомъ курія, не стѣсняясь, прибѣгала къ устрашенію, грозя возвѣстить всему свѣту рядъ притѣсненій, которымъ якобы подвергается римско-католическая церковь въ Россіи... На это князь Горчаковъ отвѣчалъ: „Совѣсть Нашего Августѣйшаго Государя снимаетъ съ него нареканіе, будто онъ намѣренъ притѣснять католическую вѣру. Мы съ полнымъ спокойствіемъ будемъ ждать исполненія угрозы, которою заключается меморандумъ кардинала Антонелли“.

15-го декабря 1865 года на аудіенціи у папы, когда русскій повѣренный въ дѣлахъ баронъ Мейендорфъ на жалобы его святѣйшества отвѣтилъ, что въ Польшѣ католицизмъ самъ отождествлялъ себя съ революціей, папа въ гнѣвѣ воскликнулъ: „я уважаю и почитаю Его Величество Императора, но не могу сказать того же о его повѣренномъ въ дѣлахъ, который, конечно, въ противность его волѣ, оскорбляетъ меня въ собственномъ моемъ кабинетѣ“.

Послѣдствіемъ этой сцены было приказаніе Мейендорфу объявить кардиналу-государственному секретарю, что въ виду словъ, сказанныхъ ему папою, его политическая миссія окончена, такъ какъ Государь Императоръ не можетъ оставить при Св. престолѣ представителя интересовъ Россіи, достинство котораго не ограждено отъ враждебныхъ посягательствъ. Кардиналъ Антонелли отвѣчалъ, что со дня заявленія барона Мейендорфа и Римскій дворъ не признаетъ болѣе существованія Русской миссіи; что если папа не прислалъ ему еще паспорта для выѣзда, то потому только, что зналъ о намѣреніи его въ скоромъ времени оставить Римъ; что папа не приметъ назначеннаго Русскимъ дворомъ его преемника. Для окончанія этого вопроса князь Горчаковъ заявилъ: „въ виду того, что папа принялъ починъ разрыва, Государь Императоръ отстраняетъ отъ себя отвѣтственность за всѣ могущія произойти отъ того послѣдствія".

Николай Алексѣевичъ воспользовался этимъ, чтобы навсегда покончить съ конкордатомъ.

Въ концѣ 1866 г. въ совѣщаніи по этому поводу онъ такъ горячо отстаивалъ свою идею, что конкордатъ 27 ноября 1866 года былъ уничтоженъ, но за то горячій споръ его стоилъ ему его жизни. По возвращеніи изъ засѣданія, съ нимъ сдѣлался ударъ, лишившій Россію умнаго, талантливаго и энергическаго русскаго государственнаго дѣятеля.

Со смертью Н. А. Милютина оставилъ свой постъ въ Царствѣ Польскомъ и ближайшій его сотрудникъ князь Черкасскій. Тогда въ русскомъ обществѣ возникли опасенія и нѣкоторое безпокойство. Явилось сомнѣніе и опасенія, что всѣ труды Милютина пропадутъ вслѣдствіе неустойчивости и постояннаго колебанія русской политики. Это настолько волновало русское общество, что правительство нашло необходимымъ заявить какъ въ Россіи, такъ и за границею, что не намѣрено измѣнять свой образъ дѣйствій въ отношеніи къ Польшѣ и Сѣверо-Западнаго края, который долженъ сдѣлаться тѣмъ, что сдѣлала его исторія, то-есть существенно русскимъ, гдѣ народный православный элементъ, образуя громадное большинство населенія, долженъ пріобрѣсти принадлежащее ему преобладаніе.

Что касается до Царства Польскаго, то коренныя реформы, сдѣланныя Милютинымъ, не пропали; онѣ оставили глубокій слѣдъ и совершенно преобразовали администрацію Польши.

Выше уже сказано было, что до него былъ уже утвержденъ проектъ маркиза Велепольскаго, на основаніи котораго Польша получала свой Государственный Совѣтъ и совершенно самостоятельныя управленія, независимыя отъ русскаго правительства. Отъ этой фан-

тазіи маркиза Велепольскаго, который держалъ въ своихъ рукахъ всѣхъ бывшихъ намѣстниковъ Царства Польскаго, не осталось и слѣда. По проекту Милютина совершилось полное сліяніе отдѣльныхъ частей управленія въ Польшѣ съ соотвѣтственными учрежденіями остальной Россіи. Такъ, вопреки проекту Велепольскаго, не осуществился польскій Государственный Совѣтъ; финансовыя дѣла перешли въ завѣдываніе министра финансовъ имперіи, почтовая часть въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а вмѣсто пяти прежнихъ губерній было образовано десять. Это сдѣлано было, какъ говорилъ мнѣ Николай Алексѣевичъ, для того, чтобы губернаторъ могъ чуть не каждаго помѣщика знать лично.

Къ сожалѣнію, послѣ Муравьева и Кауфмана не нашлось, или, лучше сказать, не желали найти достойныхъ имъ преемниковъ, почему въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краяхъ, гдѣ дѣломъ руководили Потаповъ и Безакъ, русскіе люди и русское дѣло не въ авантажѣ обрѣтались.

Каракозовскій выстрѣлъ 4-го апрѣля 1866 года взволновалъ всю Россію, онъ показалъ слабость администраціи какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи. Все общество встрепенулось и во всеуслышаніе заявляло, что необходимо принять крутыя мѣры и изслѣдовать подробности этого гнуснаго покушенія на Царя-Освободителя. Конечно, для этого дѣла нуженъ былъ человѣкъ независимый, съ непреклонною волею и неутомимою энергіею. Искали и остановились на человѣкѣ, котораго еще такъ недавно поносили, на котораго еще вчера только сыпались клеветы всякаго рода и одно имя котораго приводило въ ярость придворную партію, среди которой видныя мѣста занимали князь Суворовъ, графъ Шуваловъ и Валуевъ и другіе. Нельзя сказать, чтобы эти господа, долженствовавшіе, какъ государственные дѣятели, имѣть въ виду только интересы правительства, были солидарны между собою. Напротивъ, солидарность ихъ выражалась только въ ненависти къ Муравьеву.

Можно себѣ представить, каково было ихъ положеніе, когда предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи былъ назначенъ тотъ самый Муравьевъ, котораго они почти наканунѣ только съ величайшими усиліями успѣли одолѣть, заставивъ его оставить Сѣверо-Западный край. Не было никакого сомнѣнія, что онъ не остановится ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ, чтобы только радикально изслѣдовать дѣло, которое касалось весьма многихъ высокопоставленныхъ.

И дѣйствительно началось нѣчто въ родѣ чистки. Прежде всѣхъ ушелъ самъ шефъ корпуса жандармовъ князь Долгоруковъ, настойчиво заявивъ Государю, что онъ не можетъ оставаться на своемъ

мѣстѣ, если не сумѣлъ уберечь своего Государя. Но, къ сожалѣнію, на свое мѣсто онъ рекомендовалъ графа П. А. Шувалова, который сталъ такимъ полновластнымъ хозяиномъ въ Россіи, что получилъ даже названіе Петра IV-го.

Но если для князя Долгорукова была трагедія, то князь Суворовъ сыгралъ большую комическую роль, которую князь Мещерскій описалъ весьма подробно и ярко изобразилъ характеръ государственнаго дѣятеля, когда-то бывшаго на отвѣтственномъ посту генералъ-губернатора Остзейскаго края. Какую пользу для Россіи могъ принести подобный генералъ-губернаторъ? Если дѣдъ князя Суворова выкидывалъ разные фарсы, будучи въ то же время непобѣдимымъ фельдмаршаломъ, то выходки его всегда имѣли какую-нибудь цѣль, и съ выходками этими должны были часто считаться люди, весьма высоко стоящіе. Совсѣмъ не то изображалъ изъ себя внукъ свѣтлѣйшаго. По словамъ князя Мещерскаго, близко стоящаго ко двору, онъ такъ описываетъ поведеніе Суворова послѣ покушенія Каракозова.

„Казалось бы, послѣ покушенія ему слѣдовало быть вездѣ, но только не между нами, пребывавшими при дворѣ; дѣйствительно, ему нельзя было не бросаться всюду, чтобы узнавать, хотя поздно, подробности печальнаго событія и причины, сдѣлавшія его возможнымъ. Но князь Суворовъ какъ будто объ этомъ и не подумалъ. Онъ явился во дворецъ разыгрывать комедію сентиментальности. Съ запасомъ носовыхъ платковъ въ карманѣ, онъ себя предназначилъ къ роли плакальщика; онъ плакалъ, подходя къ каждому встрѣчному, говоря по-французски: „вы всѣ веселитесь о спасеніи Государя, а я одинъ плачу, я, генералъ-губернаторъ“. Съ такими же слезами онъ предсталъ предъ Государемъ Императоромъ и Государынею и затѣмъ, переходя въ другое настроеніе, принимался свидѣтельствовать свою преданность ругательствами на преступника. Эта комедія длилась нѣсколько дней. Ежедневно онъ прибѣгалъ въ комнаты молодыхъ великихъ князей Сергѣя и Павла Александровичей, и тамъ, ударяя себя въ грудь и проливая слезы, говорилъ съ какимъ-то паѳосомъ про свою любовь къ Государю. Мало того, въ промежутки между посѣщеніями императорскихъ особъ, онъ забѣгалъ, по обыкновенію, къ камеръ-фрау Императрицы, и цѣлуя ей ручки, изливалъ ей въ душу свои слезы, свое горе, свои вѣрноподданническія чувства. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Тѣ, которымъ онъ выплакивалъ свою душу, приходили къ Государю и къ Императрицѣ говорить про слезы князя Суворова съ умиленіемъ, а ему только этого и нужно было. Какъ бы въ насмѣшку надъ негодованіемъ къ нему общественнаго мнѣнія, онъ въ царскихъ

ложахъ въ театрахъ въ присутствіи Государя, высовывался изъ нихъ, говорилъ громко, какъ бы желая сказать: „ругайте сколько хотите, а я все-таки генералъ-губернаторъ и ближайшій изъ приближенныхъ".

И такъ противъ Муравьева образовалась цѣлая клика, изъ Шувалова, Валуева, Суворова и многихъ другихъ, не терпѣвшихъ даже имени его. Но случилось такъ, какъ это всегда бываетъ на Руси съ лицами, руководящими судьбами Россіи, что всѣ они задались не интересами Государя, а своими личными цѣлями, чтобы, пользуясь событіями, подставлять двугъ-другу ножку. Общаго же между ними, кромѣ вражды къ Муравьеву, ничего не было. Только въ этомъ и сходились всѣ трое: Суворовъ, Шуваловъ и Валуевъ; въ остальномъ получался винигретъ, ибо графъ Шуваловъ былъ противъ Суворова, Суворовъ противъ Муравьева и Шувалова, а Муравьевъ противъ Шувалова и Валуева.

„Назначеніе графа Шувалова шефомъ жандармовъ, говоритъ князь Мещерскій, разсердило князя Суворова только потому, что послѣдній съ элегантною и тонкою своею манерою его въ грошъ не ставилъ и давалъ ему сіе понимать; но когда состоялось назначеніе графа Муравьева, Суворова можно было заподозрить въ сумашествіи отъ бѣшенства; до того его поступки стали непристойны, по ребяческой злобѣ и по безтактности".

„Такъ напримѣръ: онъ громко сталъ говорить полицейскимъ чинамъ, чтобы они не слушали Муравьева и не исполняли его требованій".

Помогая графу Шувалову дѣйствовать противъ Муравьева, князь Суворовъ никакъ не подозрѣвалъ, что его союзникъ готовитъ ему совершенно неожиданный сюрпризъ. Вскорѣ послѣ своего назначенія шефомъ жандармовъ, графъ Шуваловъ сталъ указывать Государю на постъ Суворова, какъ совершенно лишній для Петербурга. Въ этомъ случаѣ много помогло Шувалову то обстоятельство, что розыски Муравьевской коммиссіи показали, что канцелярія генералъ-губернатора была до нѣкоторой степени убѣжищемъ для многихъ скомпрометтированныхъ лицъ.

Цѣль графа Шувалова чрезъ нѣкоторое время была достигнута, а князь Суворовъ неожиданно для него самого съ царскою благодарностью получилъ небывалое назначеніе генералъ-инспектора всей пѣхоты; самое же генералъ-губернаторство въ Петербургѣ было упразднено.

Этотъ сюрпризъ, поднесенный единомышленникомъ, до такой степени поразилъ князя Суворова, что трудно себѣ представить, чтобы человѣкъ, приближенный ко двору, повсюду, еще сегодня

кричавшій о своей преданности, на завтра оказался только комедіянтомъ. Имъ по полученіи извѣщенія овладѣлъ припадокъ не только бѣшенства, но даже ненависти къ Государю, и, выйдя изъ комнаты въ этомъ возбужденномъ состояніи, онъ до того позабылся, что оставшіеся въ комнатѣ должны были его вывести на воздухъ, чтобы дать ему немного прійти въ себя и опомниться. Тутъ же онъ объявилъ, что бросаетъ Петербургъ и Государя и ѣдетъ въ свое Новгородское имѣніе, въ то самое, прибавилъ онъ, гдѣ жилъ его дѣдъ во время опалы при Павлѣ I [1]).

Вмѣстѣ съ Суворовымъ ушли министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ и оберъ-полицеймейстеръ Анненковъ, взамѣнъ которыхъ Шуваловымъ былъ взятъ Треповъ. Съ этими перемѣнами вся правительственная власть перешла въ руки дуумвирата, Шувалова и Валуева, продолжавшаяся до удаленія послѣдняго, скрывавшаго отъ Государя голодъ въ Россіи и изобличеннаго наслѣдникомъ Александромъ Александровичемъ. Съ замѣною Валуева Тимашевымъ Россія ничего не могла выиграть, ибо ни Шуваловъ, ни Тимашевъ, въ особенности первый, развѣ только на картѣ могли показать мѣсто, занимаемое Россіею, а далѣе, воспитанные на французскомъ языкѣ и не имѣющіе никакого понятія о пользахъ и нуждахъ Россіи, могли только вредить ей.

До какой степени была непримирима вражда между Муравьевымъ и Шуваловымъ, можетъ служить тотъ фактъ, что оба они совершенно нечаянно обнаружили свои взаимныя отношенія передъ двумя такими маленькими въ сравненіи съ ними личностями, какъ дѣлопроизводитель слѣдственной коммиссіи Переяславцевъ и я, бывшій въ то время только полковникомъ.

— Сегодня я видѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ Муравьева,— сказалъ мнѣ при моемъ докладѣ Дмитрій Алексѣевичъ; онъ сказалъ мнѣ, что все, что будетъ подлежать обнародованію по дѣлу Каракозова, онъ будетъ тотчасъ же сообщать для „Русскаго Инвалида“. Позаботьтесь, чтобы не было какихъ-нибудь недоразумѣній. Вамъ было бы не лишнее повидаться съ нимъ.

— Онъ нѣсколько знаетъ меня; когда я былъ въ Могилевѣ, то по дѣламъ неоднократно мнѣ приходилось въ Вильнѣ получать разныя приказанія непосредственно отъ него—сказалъ я.—Но во всякомъ случаѣ, я ему представлюсь завтра же.

— Вамъ, конечно, передалъ Дмитрій Алексѣевичъ мое желаніе на счетъ печатанія въ газетѣ слѣдствія о преступномъ дѣлѣ?— спросилъ меня Муравьевъ, когда я къ нему явился.

---

[1]) Князь Мещерскій.

— Да, Ваше Сіятельство, я получилъ уже приказаніе.

— Ну, такъ когда будетъ нужно, я дамъ знать, а теперь я ничего не могу сказать; ждите моихъ приказаній.

И вотъ отъ времени до времени я являлся въ III отдѣленіе и просиживалъ въ пріемной комнатѣ, ожидая статьи для газеты. Сидѣлъ по большей части напрасно, потому что не послѣ каждаго засѣданія посылалъ Муравьевъ свѣдѣнія для газеты. Наконецъ насталъ послѣдній день, когда Муравьевъ занимался одинъ съ дѣлопроизводителемъ коммиссіи оберъ-аудиторомъ Переяславцевымъ. Это было днемъ, если не ошибаюсь, часовъ около трехъ или четырехъ, когда Муравьевъ позвалъ меня.

— Я сейчасъ уѣзжаю, а вы останьтесь здѣсь, и какъ только онъ кончитъ,—при чемъ указалъ на Переяславцева, то вы тотчасъ же получите отъ него бумагу и привезете ко мнѣ. И знайте, полковникъ, что никто не долженъ видѣть ее; вы меня понимаете?—добавилъ онъ своимъ мягкимъ, но внушительнымъ голосомъ.

— Ваше Сіятельство, можете быть увѣрены, что ваше приказаніе будетъ въ точности исполнено.

Вслѣдъ затѣмъ онъ уѣхалъ.

По отъѣздѣ Муравьева, я остался въ той же залѣ, гдѣ писалъ Переяславцевъ, и при томъ, видя, какую важность Муравьевъ придавалъ этой бумагѣ, я сѣлъ какъ можно дальше и во все время писанія не проронилъ ни одного слова.

Чрезъ нѣсколько минутъ къ столу Переяславцева подошелъ Мезенцевъ и что-то началъ вполголоса говорить, а Переяславцевъ, съ нѣкоторыми жестами что-то возражать. Вслѣдъ затѣмъ Мезенцевъ ушелъ.

Меня очень подмывало любопытство, но я, конечно, ни слова не сказалъ и не спросилъ у Переяславцева о предметѣ его разговора съ Мезенцевымъ. Но секретъ этотъ открылся самъ собою.

Едва только Переяславцевъ окончилъ писать и готовъ былъ передать мнѣ пакетъ, какъ вошелъ Мезенцевъ, и, обратясь ко мнѣ, довольно рѣшительно сказалъ:

— Графъ Шуваловъ желаетъ предварительно прочесть.

— Но, Ваше Превосходительство, я получилъ категорическое и весьма строгое приказаніе графа Муравьева доставить непосредственно ему эту бумагу, минуя чьи бы то ни было руки.

Тогда Мезенцевъ, очевидно недовольный тою ролью, которую долженъ былъ сыграть по приказанію Шувалова передъ чиновникомъ и полковникомъ, маленькими людьми, случайно оказавшимися ослушниками всемогущаго временщика, махнулъ рукой и удалился, а я тотчасъ же отправился къ Муравьеву.

Графа Муравьева я нашелъ уже послѣ его обѣда; онъ курилъ трубку и бесѣдовалъ съ Черевинымъ въ своемъ кабинетѣ.

— Ну что, полковникъ, никто не смотрѣлъ бумагу?—спросилъ онъ меня, едва я протянулъ руку, чтобы передать ему пакетъ.

— Никто, ваше сіятельство, ваше приказаніе было исполнено въ точности.

— А графъ Шуваловъ?

Признаюсь, я былъ очень радъ, что Муравьевъ такъ поставилъ этотъ весьма щекотливый для меня вопросъ, на который я смѣло могъ правдиво отвѣчать.

— И графу Шувалову неизвѣстно содержаніе бумаги.

Такъ какъ графъ Муравьевъ ничего болѣе меня не разспрашивалъ, то я былъ очень радъ, что для меня не имѣлось вовсе надобности разсказывать о попыткахъ Шувалова узнать о содержаніи, какъ это выяснится ниже, окончательнаго вывода слѣдственнаго дѣла, составленнаго Муравьевымъ.

— Сегодня вы должны быть вечеромъ въ III отдѣленіи; я думаю, что это будетъ послѣдній разъ. Прощайте.

Въ тотъ же вечеръ я, конечно, явился въ пріемную и часа два сидѣлъ, какъ около 10 или 11 часовъ появился тутъ же дежурный флигель-адъютантъ Кавелинъ, о которомъ тотчасъ же доложили Муравьеву.

— Вотъ, полковникъ, возьмите, — сказалъ онъ мнѣ, передавая пакетъ,—и поѣзжайте съ флигель-адъютантомъ во дворецъ, я буду ждать вашего возвращенія.

Сѣлъ я съ Кавелинымъ въ дежурный флигель-адъютантскій экипажъ и помчался ко дворцу. Дойдя по корридору до царскаго кабинета, я, будучи въ сюртукѣ и никакъ не ожидая призыва въ кабинетъ, передалъ пакетъ Кавелину, а самъ остался въ корридорѣ. Но Кавелинъ тотчасъ же вышелъ изъ кабинета и показалъ мнѣ, чтобы я вошелъ въ кабинетъ. Войдя въ него, я, чтобы заявить, что приказаніе Государя исполнено, щелкнулъ шпорами и остановился у дверей. Государь сидѣлъ спиною ко мнѣ за письменнымъ столомъ и читалъ присланное Муравьевымъ донесеніе. Не обративъ, конечно, никакого вниманія на меня, онъ, окончивъ чтеніе и не оборачиваясь ко мнѣ, протянулъ руку съ бумагою, сказавъ:—отдай Муравьеву.—Щелкнувъ вторично шпорами, я удалился. Не найдя Кавелина, вѣроятно удалившагося уже въ дежурную комнату, обратно я за отсутствіемъ извозчиковъ у Зимняго Дворца, большую часть дороги шелъ пѣшкомъ, чѣмъ задержалъ Муравьева, который, просмотрѣвъ бумагу, отдалъ ее мнѣ, сказавъ:

— Печатайте, полковникъ.

Это было въ послѣднiй разъ, что я видѣлъ Муравьева.

Муравьевъ вѣшатель, муравьевскiй галстукъ (т. е. висѣлица),— вотъ эпитеты, сыплющiеся на память человѣка, который вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ отстояли для Россiи Сѣверо-Западный край и Польшу. Припомнимъ, что говорила Муравьеву покойная Императрица Марiя Александровна, принимая его передъ отправленiемъ въ Сѣверо-Западный край. Это была Императрица вполнѣ русская, интересы которой были нераздѣльно связаны съ интересами Россiи и съ интересами ея супруга Царя-Освободителя. Видя отчаянное положенiе дѣла въ Польшѣ и не разсчитывая сохранить ее, она просила Муравьева отстоять для Россiи хотя этотъ край. И Муравьевъ это сдѣлалъ. Не взирая ни на придворныя интриги, ни на клеветы, онъ твердо и безбоязненно шелъ своею дорогою, побивая польскую крамолу и освобождая русское населенiе отъ польскаго рабства. Не его вина, что мы, по истеченiи 47 лѣтъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ видимъ то же преобладанiе поляковъ надъ русскими, тѣ же преслѣдованiя литовцевъ и бѣлоруссовъ поляками, то же глумленiе надъ православiемъ среди воинствующаго католицизма.

Муравьевъ, правда, вѣшалъ, кого слѣдовало, но, уничтожая мятежъ, онъ въ то же время принималъ органическiя мѣры, которыя въ его управленiи дали вздохнуть отъ панскихъ и католическихъ обидъ, какъ католическому, такъ и православному населенiю. Если бы безъ всякихъ висѣлицъ, въ которыхъ никто уже не нуждался, была продолжена его система, а не система Потаповская, Валуевыхъ и прочихъ господъ, то теперь не пришлось бы говорить въ Государственной Думѣ о забитыхъ поляками русскихъ, которые донынѣ продолжаютъ слезно молить не отдавать ихъ въ жертву полякамъ и полякующимъ русскимъ.

Что касается жестокости Муравьева, то всѣхъ потерпѣвшихъ за его время было 9.361 человѣкъ, изъ которыхъ:

Подвергнуто смертной казни	128
Сослано въ Сибирь	972
Поселены въ Сибири	1.427
Отдано въ солдаты	348
Отданы въ арестантскiя роты	864
Отправлено во внутреннiя губернiи	1.529
Переселено на казенныя земли во внутреннiя губернiи	4.096
Всего	9.361
Помилованы	9.229

Во Франціи послѣ іюньскаго возмущенія:

изгнано изъ Франціи	44.000 чел.
предано военному суду	253 „
сослано въ Алжиръ	12.000 чел.

Переворотъ 1851 года, по свидѣтельству Гранье де-Касаньяка, стоилъ:

ссылки въ Африку и Кайену	26.000 чел.
однихъ депутатовъ	66 „

Ассигновано на перевозку 4 мил. 200 тыс. франковъ.

Въ ложной характеристикѣ Муравьева не лишнимъ будетъ привести разсказъ, недавно напечатанный въ одномъ изъ русскихъ журналовъ. Разсказывается, какъ будто однажды онъ издалъ какое-то циркулярное распоряженіе, которое противорѣчило законамъ и было составлено въ его канцеляріи по какому-то недоразумѣнію, а имъ лично принято на вѣру и подписано. Всѣ уѣздные начальники, конечно, безъ всякихъ разсужденій принялись исполнять приказаніе, кромѣ одного Яновскаго, который дерзнулъ вернуть предписаніе съ обстоятельнымъ изложеніемъ мотивовъ, по которымъ онъ считаетъ себя въ правѣ не исполнять приказанія грознаго генералъ-губернатора.

И вотъ по поводу этого случая происходитъ такая театральная сцена. Онъ, человѣкъ дѣла, не спящій по ночамъ, понуждающій всѣхъ подчиненныхъ къ скорой работѣ, вдругъ ради какого-то Яновскаго, отрываетъ отъ работы всѣхъ уѣздныхъ начальниковъ, созываетъ ихъ всѣхъ въ Вильну и выступаетъ передъ ними въ роли актера дурного тона.

— Какъ вы думаете, господа: можно ли не исполнять моихъ приказаній и ослушаться меня?

Разумѣется, всѣ молчатъ, но, собравшись съ силами, говорятъ, что нельзя не исполнять.

Муравьевъ усмѣхнулся и разыгралъ слѣдующую сцену:

— Ну, такъ я вамъ покажу человѣка, который рѣшился на это.

Всѣ молчали, и только каждый въ отдѣльности думалъ:

— Господи, сдѣлай такъ, чтобы этимъ дерзновеннымъ человѣкомъ оказался не я, а кто-нибудь другой.

— Полковникъ Яновскій,—громко сказалъ Муравьевъ.

Тотъ вышелъ впередъ. Это былъ высокій сѣдой мужчина, спокойно и съ сознаніемъ собственнаго достоинства смотрѣвшій прямо въ глаза Муравьеву.

— Вотъ онъ,—сказалъ Муравьевъ: полюбуйтесь.

— Ну, а какъ мнѣ нужно поступить съ нимъ по-вашему?

Уѣздные начальники облегченно вздохнули; горькая чаша минула ихъ, виновный найденъ, пусть онъ и несетъ кару за свою продерзость.

— Вы молчите? Вы не знаете? Ну, такъ я вамъ скажу. Полковникъ Яновскій, вашу руку; и съ этими словами Муравьевъ жметъ ему руку. Вотъ какъ я поступаю съ такими служаками. Благодарю васъ, полковникъ. Вы указали мнѣ на мою ошибку; ошибаться всякій смертный можетъ, вы не побоялись этого сдѣлать, вы истинный слуга Царю и Отечеству и бережете свое начальство, вотъ какъ надо служить, господа.

Всякій, сколько-нибудь не только знавшій Муравьева, но только слышавшій о немъ, прочтетъ этотъ анекдотъ съ улыбкою. Какимъ это образомъ старый полковникъ не понималъ положенія Муравьева и не имѣлъ никакого понятія о значеніи диктаторской его власти; какъ это онъ, оберегая Муравьева, говоритъ о законныхъ и незаконныхъ дѣйствіяхъ? Въ то время была только одна законная власть — это судебная, все остальное было внѣ закона и зависѣло исключительно отъ Муравьева, которому Высочайшая власть давала право жизни и смерти; почему всякое его приказаніе подлежало немедленному и точному исполненію безъ всякихъ разсужденій. По характеру же своему онъ неспособенъ былъ разыграть подобный фарсъ съ уѣздными начальниками.

Во время польскаго возстанія было едва-ли только не три газеты, которыя горячо стояли за русское дѣло: „Московскія Вѣдомости“, московская газета „День“ и потомъ „Парусъ“ и „Русскій Инвалидъ“. Но всѣ эти газеты, кромѣ „Инвалида“, жестоко платились за свой патріотизмъ, получая отъ Валуева предостереженіе и, наконецъ, полное запрещеніе своихъ изданій. Даже „Московскія Вѣдомости“ могли продолжать свое существованіе благодаря Императору Александру II. Что же касается „Русскаго Инвалида“, то онъ, продолжая свое независимое существованіе, былъ постоянно въ газетѣ „Вѣсть“, поддерживаемой Валуевымъ, обвиняемъ во всѣхъ возможныхъ революціонныхъ преступленіяхъ: то „Инвалидъ“ возбуждалъ крестьянъ, пропагандируя Стеньку Разина, то газета волновала Остзейскій край, возбуждая латышей противъ бароновъ, то, наконецъ, она, не сочувствуя полякамъ, одобряла муравьевскія мѣры, принятыя имъ для успокоенія Сѣверо-Западнаго края.

Однако, не настало еще время закрыть „Русскій Инвалидъ“, и онъ не только продолжалъ свое существованіе, но даже нѣсколько расширилъ свою программу.

Занятый съ утра до поздней ночи работою, Дмитрій Алексѣевичъ одинъ день въ недѣлю, воскресенье, посвящалъ отдыху, собирая вечеромъ своихъ знакомыхъ, въ числѣ которыхъ я болѣе часто встрѣчалъ: К. К. Грота, К. Д. Кавелина, Е. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, Е. М. Ѳеоктистова, Н. Н. Обручева, сестру Дмитрія Алексѣевича, Марію Алексѣевну, и каждый разъ И. П. Арапетова.

Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, послѣ помѣщенія въ „Русскомъ Инвалидѣ" статьи Гильфердинга о польскомъ вопросѣ, кто-то изъ бесѣдовавшихъ сказалъ:

— Все это очень хорошо, но жалко только, что всѣ серьезные доводы и разъясненія польскаго вопроса вліяютъ на не многочисленную публику. Статьи подобнаго рода должны быть пущены въ большомъ числѣ въ народъ, а для заграничной публики на иностранныхъ языкахъ.

— Статьи Гильфердинга и Кояловича дѣйствительно заслуживаютъ перевода на иностранные языки,—сказалъ Дмитрій Алексѣевичъ. А какъ вы, Сергѣй Павловичъ, справитесь съ этимъ дѣломъ?

— Справиться не трудно, но на это нужны средства, которыхъ нѣтъ,—отвѣчалъ я.

Тѣмъ разговоръ и кончился.

При прощаніи министръ, однако, вторично сказалъ: „Такъ вы подумайте, Сергѣй Павловичъ, о нашемъ разговорѣ".

Чрезъ нѣсколько дней мнѣ пришлось быть у министра, который встрѣтилъ меня словами:

— Я говорилъ съ Государемъ по поводу нашего разговора въ воскресенье, и онъ одобрилъ наше предположеніе. Заготовьте докладъ.

Докладъ этотъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, можетъ быть важно развивать въ обществѣ вѣрныя и здравыя понятія о польскомъ вопросѣ, о характерѣ польскихъ стремленій, въ прошедшемъ и настоящемъ и объ образѣ дѣйствій польской революціонной пропаганды.

Извѣстно, что польская партія тратитъ огромныя средства на то, чтобы привлечь на свою сторону всѣ органы общественнаго мнѣнія въ Западной Европѣ, и что она организовала цѣлую, такъ сказать, фабрику извѣстій и статей, въ которыхъ на Россію изливаютъ потоки самой отвратительной клеветы. Замѣчательное нынѣ на западѣ раздраженіе противъ насъ по случаю польскихъ дѣлъ, очевидно, должно быть въ значительной степени приписано вліянію печати, сдѣлавшейся во Франціи и Англіи орудіемъ въ рукахъ поляковъ.

Нельзя не желать, чтобы Россія, по возможности, противодѣй-

ствовала этимъ усиліямъ польской революціонной партіи. Въ последнее время въ нашихъ газетахъ и журналахъ, особенно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Русскомъ Инвалидѣ“ и „Днѣ“, стали появляться довольно удачныя статьи, представляющія польскій вопросъ въ его истинномъ свѣтѣ. Но, къ сожалѣнію, все, что печатается у насъ по этому предмету, не находитъ переводчиковъ на иностранные языки и остается неизвѣстнымъ Западной Европѣ, которая слышитъ, такимъ образомъ, лишь польскіе голоса въ русско-польскомъ спорѣ.

Необходимо постараться, чтобы это крайне невыгодное для насъ положеніе дѣла было, по возможности, устранено посредствомъ обнародованія въ Европѣ, какъ оригинальныхъ статей на иностранныхъ языкахъ по польскимъ дѣламъ, такъ и переводовъ замѣчательнѣйшихъ въ этомъ отношеніи произведеній русской печати. Независимо отъ сего, нужно было бы доставлять въ наши газеты возможно большее количество статей для разъясненія польскаго вопроса и распространять въ публикѣ, посредствомъ особыхъ книгъ и брошюръ, вѣрныя и основательныя свѣдѣнія, какъ объ историческихъ и этнографическихъ отношеніяхъ Польши и Западнаго края, такъ и объ остальныхъ потребностяхъ этого края, въ видахъ освобожденія тамъ русской народности отъ ига польскаго меньшинства.

Нельзя не думать, что при нѣкоторомъ сосредоточеніи и направленіи дѣла, подобнаго рода литературная дѣятельность могла бы получить болѣе обширные размѣры и оказать намъ истинныя услуги. Для успѣха же такого предпріятія необходимо оказать ему извѣстное матеріальное пособіе, нужное для печатанія и вознагражденія авторовъ. Но въ то же время въ видахъ успѣха такого предпріятія надобно желать, чтобы участіе правительства въ этомъ случаѣ оставалось совершенно неизвѣстнымъ.

Если бы Ваше Императорское Величество соизволили одобрить высказанныя мысли, то на первый разъ было бы достаточно отпустить изъ государственнаго казначейства 10-ти тыс. рублей на извѣстное Вашему Императорскому Величеству употребленіе съ тѣмъ: 1-е, чтобы сумма эта расходовалась на печатаніе оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій и статей по польскому вопросу, на вознагражденіе авторовъ и переводчиковъ и издержки на распространеніе сочиненій; 2-е, чтобы выручка отъ продажи была назначаема частью на изданіе новыхъ трудовъ по тому же предмету, частью же въ пользу авторовъ; и 3-е, отчеты въ употребленіи означенныхъ денегъ представлялись бы лично на Высочайшее благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества“.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ послѣдовала слѣдующая резолюція: „Предположеніе это Высочайше одобрено и разрѣшено отпустить изъ государственнаго казначейства 10 тыс. рублей въ непосредственное мое распоряженіе на извѣстное Его Величеству употребленіе, о чемъ министръ финансовъ уже предваренъ“. 19-го іюня 1863 г.

Получивъ такое разрѣшеніе, редакція для скорѣйшаго исполнененія рѣшила издать отдѣльными брошюрами на русскомъ языкѣ слѣдующія статьи Гильфердинга, Кояловича и другихъ, уже напечатанныя въ „Русскомъ Инвалидѣ“:

1. За что борются русскіе съ поляками.

2. Князь Владиміръ Мономахъ и казакъ Богданъ Хмѣльницкій.

3. Встрѣча народности въ Западной Россіи съ русскою государственностью и великорусскою народностью, по поводу народныхъ карауловъ въ Западной Россіи.

4. По поводу польскаго вопроса.

5. Въ чемъ искать разрѣшенія польскому вопросу.

Вслѣдъ затѣмъ были изданы отдѣльными брошюрами:

1. Люблинская унія или послѣднее соединеніе Литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г., Кояловича.

2. Переводъ 3 т. Лелевеля, сдѣланный, подъ наблюденіемъ Гильфердинга, Кропотовымъ и Бобровскимъ.

3. Кіевъ, Москва и Варшава или повѣствованіе о кровной и кровавой связи Великой Руси съ Польшею чрезъ Малую Русь и Литву,— Разина.

Затѣмъ на иностранныхъ языкахъ были изданы слѣдующія брошюры:

Гильфердинга — The polish question or anappeal to the good sense of englich men by a russian, англичанина Дейса—The polish question and general Mouravieff by ar englishman и, наконецъ, Обручева—La restauration de la Pologne appéciée au point de rue de la science historique et ethnographique.

Но изданіе брошюръ на иностранныхъ языкахъ не достигало вполнѣ своей цѣли. Было бы болѣе желательнымъ имѣть какойнибудь періодическій органъ на иностранныхъ языкахъ, съ цѣлью, чтобы имъ пользовались заграничныя газеты. Услуги свои для этой цѣли предложилъ нѣкто баронъ Кене, служившій по придворному вѣдомству, если не ошибаюсь, въ Эрмитажѣ. По этому поводу онъ доставилъ въ редакцію слѣдующую записку [1]):

---

[1]) Оригиналъ на французскомъ языкѣ.

„Общественное мнѣніе есть самое могущественное орудіе. Но общественнымъ мнѣніемъ руководитъ пресса.

Пресса не безгрѣшна; многіе изъ ея органовъ основаны на спекуляціи. Слѣдовательно, въ этихъ газетахъ можетъ появиться всякое сообщеніе, если оно будетъ оплачено; этимъ именно путемъ злонамѣренные люди успѣли возбудить противъ Россіи всю Европу.

Это всеобщее возбужденіе противъ Россіи было весьма опасно: Франція едва не воспользовалась этимъ, чтобы объявить намъ войну въ то время, когда мы не были подготовлены къ ней, и когда Англія, со своей стороны, едва не была вовлечена въ эту войну.

Правда, возбужденіе это было вызвано исключительно клеветою и ложью, совершенно не соотвѣтствующими истинѣ. Но вѣрно и то, что правда только тогда имѣетъ значеніе, когда ее высказываютъ и распространяютъ ее.

Подмѣтивъ это возбужденіе заграничной прессы еще въ 1861 г., когда оно производило, къ ущербу Россіи, неблагопріятное впечатлѣніе на публику, я предложилъ одному изъ нашихъ высшихъ сановниковъ подыскать въ Англіи и во Франціи надежныхъ и искусныхъ агентовъ, чтобы отражать удары, наносимые намъ нашими врагами, и распространить истину относительно Россіи и нашего правительства. Но въ то время дѣло это не устроилось.

Тѣмъ не менѣе, въ теченіе зимы 1862—1863 гг., когда положеніе было опасное, я счелъ долгомъ сдѣлать все возможное, чтобы защитить правительство на страницахъ: „Morning Herald“ и „Evening Herald“, „Standard“, „Kreuz-Zeitung“ и прочихъ газетъ и просилъ кое-кого изъ родныхъ и друзей помочь мнѣ, но, дѣйствуя одинъ и при томъ, какъ частный человѣкъ, я не могъ многаго сдѣлать, тогда какъ болѣе энергичное давленіе на прессу, при поддержкѣ со стороны правительства, могло бы значительно повліять на общественное мнѣніе за границею и избавило бы насъ отъ затраты милліоновъ на поспѣшное укрѣпленіе Кронштадта и приготовленія ко всѣмъ случайностямъ войны, которая угрожала намъ весною.

Я предложилъ нѣкоторымъ изъ высшихъ сановниковъ свои услуги и свою опытность, чтобы повліять на иностранную прессу, но лишь въ іюлѣ мѣсяцѣ 1863 года на меня было возложено порученіе сдѣлать то, что я считалъ нужнымъ и полезнымъ сдѣлать еще зимою.

Мнѣ было поручено:

1) Подыскать возможно большее число органовъ печати, всевозможныхъ оттѣнковъ, а именно: консервативныхъ, либеральныхъ, клерикальныхъ, демократическихъ и т. п. газетъ, которыя могли бы служить намъ;

2) Приглашать надежныхъ и искусныхъ агентовъ; и

3) Организовать корреспонденціи, съ небольшими затратами газетъ.

Вслѣдствіе этого я посѣтилъ Германію, Англію, Бельгію, Францію, Женеву и часть Италіи, повидался болѣе чѣмъ съ двѣнадцатью корреспондентами и условился съ ними; всѣ они, по большей части друзья и родственники, которые почти безвозмездно распространяютъ правду о Россіи. Предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, я написалъ одинъ 167 статьей и замѣтокъ, которыя всѣ были напечатаны въ различныхъ газетахъ, предоставившихъ свои столбцы къ нашимъ услугамъ.

Надобно сознаться откровенно, что мнѣ пришлось, за весьма немногими исключеніями, преодолѣть огромныя препятствія, такъ какъ общественное мнѣніе было уже до того возбуждено противъ Россіи, что приходилось нерѣдко пускать въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить самыхъ почтенныхъ и благонамѣренныхъ людей въ томъ, что въ Россіи нѣтъ ни анархіи, ни возстанія, что поляки не что иное, какъ неблагодарные мятежники и что Государь Императоръ не только не тиранъ, но, напротивъ того, монархъ самый благожелательный, самый справедливый и самый великодушный въ мірѣ.

Наиболѣе благопріятные результаты достигнуты мною благодаря личному свиданію съ тѣми лицами, кои намъ нужны; эти свиданія должны бы повторяться время отъ времени, для того, чтобы въ изустной бесѣдѣ освѣдомлять нашихъ агентовъ о томъ, что дѣлается въ Россіи и, чтобы они могли дѣйствовать въ нашу пользу по убѣжденію.

Вырѣзки изъ написанныхъ мною статьей находятся, частью въ прилагаемыхъ при семъ бумагахъ; я не имѣлъ возможности получить ихъ полностью.

Не легко было добиться того, чтобы всѣ эти статьи были напечатаны. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы быть напечатанными во французскихъ и итальянскихъ газетахъ, должны были появиться сначала въ Англіи; другія могли быть помѣщены въ англійскихъ газетахъ лишь какъ перепечатки изъ нѣмецкихъ газетъ. Словомъ, пришлось преодолѣть бездну затрудненій. Надобно быть лично знакомымъ съ „тиранами“ заграничной прессы, чтобы снискать ихъ довѣріе и пользоваться ихъ газетами. Мнѣ извѣстно, что литографированная корреспонденція, которую попытались вести помимо меня, не имѣла ни малѣйшаго успѣха.

По возвращеніи моемъ изъ-за границы, я предоставилъ всѣ данныя и всѣ необходимые документы въ распоряженіе того лица, ко-

торое возложило на меня эту миссію, и такъ какъ мнѣ было сказано, что мнѣ не придется болѣе этимъ заниматься, то я считаю свою миссію законченной.

Между тѣмъ, я узнаю отъ друзей, которые служили мнѣ посредниками, что организованная мною корреспонденція совершенно прекратилась, и такъ какъ я глубоко убѣжденъ въ необходимости освѣдомлять по-прежнему иностранную прессу о Россіи, то я съ величайшей готовностью предложилъ свои услуги Его Превосходительству г. военному министру, которому пришла счастливая мысль использовать „Русскій Инвалидъ“ въ качествѣ органа, служащаго посредникомъ между Россіею и иностранною прессою.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы прекратить завязанныя мною сношенія, я развилъ ихъ, и въ настоящее время число иностранныхъ газетъ, получающихъ наши статьи и распространяющихъ ихъ, доходитъ до пятидесяти двухъ, а именно:

1 въ Швеціи, 9 въ Англіи, 3 въ Голландіи, 2 въ Бельгіи, 3 во Франціи, 2 въ Швейцаріи, 6 въ Италіи, 3 въ Австріи, 3 въ Баваріи, 6 въ Пруссіи и 14 въ прочихъ нѣмецкихъ государствахъ.

Въ числѣ этихъ газетъ есть самыя вліятельныя въ мірѣ, какъ-то: Аугсбургская Kreuz Zeutung, Вѣнскія: Botschafter и General-Correspondenz, Independence Belge, Constitutionel, Туринская Opinione, Gazetta di Milano и т. д. Но величайшей побѣдой нашего искуснаго Лондонскаго агента было заручиться содѣйствіемъ Times, таинственный редакторъ коего the King Editor, какъ его называютъ въ Англіи, переписывается съ нашимъ агентомъ каждую недѣлю.

Но для того, чтобы правильно поддерживать столь обширную корреспонденцію, необходимо учредить особое тайное бюро. Оно не должно состоять ни при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, ни при 3-мъ отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи, ибо, въ такомъ случаѣ, его оффиціальное существованіе перестало бы быть тайною, и его дѣятельность была бы безплодна. Если же это бюро будетъ состоять при редакціи „Инвалида“, то о немъ будетъ извѣстно лишь его превосходительству г. военному министру и тѣмъ лицамъ, коихъ онъ пожелаетъ посвятить въ это дѣло и, слѣдовательно, дѣятельность бюро будетъ весьма плодотворна. Даже наши заграничные агенты не должны подозрѣвать, что главнымъ двигателемъ нашей корреспонденціи явится правительство.

Помимо литографированной корреспонденціи бюро должно разсылать газетамъ также важнѣйшія изъ спеціальныхъ корреспонденцій.

Всѣ замѣтки, разсылаемыя бюро, должны быть достовѣрны; единственною ихъ основою должна быть истина. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ,

онѣ должны быть разнообразны, точны, кратки и составлены со вкусомъ.

Расходы по содержанію такого бюро будутъ ничтожны по сравненію съ пользою, которую оно можетъ принести. Война можетъ обойтись намъ милліонъ въ день, не считая пролитой крови и пагубныхъ послѣдствій войны, между тѣмъ, какъ за ничтожную, по истинѣ, сумму въ 20.500 руб. въ годъ, можно пріобрѣсти и поддержать благотворное для насъ вліяніе на общественное мнѣніе за границей.

Если эта маленькая сумма будетъ ассигнована, то я ручаюсь, что число иностранныхъ газетъ, которыя будутъ защищать наше правое дѣло, дойдетъ къ концу года до 80, и этого числа будетъ достаточно, для того, чтобы склонить общественное мнѣніе въ нашу пользу".

Записка барона Кене, представленная министру, была имъ передана мнѣ со словами.

— Разсмотрите это, Сергѣй Павловичъ, можетъ быть баронъ Кене и правъ, и вмѣсто брошюръ гораздо лучше выпускать періодически вѣрныя свѣдѣнія о русскихъ дѣлахъ. Надо придумать только способъ слѣдить за тѣмъ, чтобы иностранныя газеты перепечатывали наши сообщенія.

Баронъ Кене говоритъ, что контроль онъ беретъ на себя и будетъ доставлять вырѣзки изъ иностранныхъ газетъ.

— Если это такъ, то составьте докладъ.

Исполняя приказанія военнаго министра, былъ составленъ слѣдующій докладъ:

Газеты и журналы нынѣ составляютъ одно изъ могущественнѣйшихъ орудій для достиженія политическихъ цѣлей. Каждая политическая партія въ Европѣ старается имѣть въ своемъ распоряженіи нѣсколько органовъ печати и постоянно проводитъ свои воззрѣнія въ издаваемыхъ ею сочиненіяхъ, въ журналахъ и брошюрахъ. Денежныя средства, расходуемыя на этотъ предметъ, бываютъ огромны. Извѣстно, напримѣръ, что итальянское правительство во время министерства Кавура, для подготовленія общественнаго мнѣнія Европы въ пользу единства Италіи, израсходовало семь милліоновъ франковъ. Извѣстно также, что польская революціонная партія дѣлаетъ политическую печать однимъ изъ главныхъ орудій своей агитаціи.

Польскіе революціонеры, воспользовавшись тѣмъ невѣдѣніемъ, которое существовало въ европейской публикѣ относительно самыхъ главныхъ основъ нашего народнаго и государственнаго быта, не щадя средствъ на пріобрѣтеніе газетъ и журналовъ, успѣли привлечь на свою сторону общественное мнѣніе.

Самыя неопровержимыя истины о Россіи казались большинству европейской публики ложью, и самая наглая ложь о ней принимались за истину. Недовольствуясь этимъ, руководители польской революціи своими подпольными изданіями съ большою настойчивостью посягали на русское общественное мнѣніе, такъ что пытались возстановить противъ правительства даже простой народъ.

Выше уже было сказано объ изданіи брошюръ, а въ настоящемъ докладѣ предполагалось вмѣсто ихъ раздавать литографированный листокъ на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ подъ заглавіемъ „Correspondence Russe". Заграничные корреспонденты обязаны бы были заботиться о помѣщеніи статей „Correspondence Russe" въ иностранныхъ газетахъ и вырѣзки изъ этихъ газетъ, съ указаніемъ, откуда онѣ перепечатаны, присылать въ редакцію, которая ежегодно чрезъ военнаго министра представляла Государю на благоусмотрѣніе.

Редакціи, которыя перепечатывали статьи, были вначалѣ немногочисленны, а именно: только семь нѣмецкихъ, пять англійскихъ, три итальянскихъ, двѣ французскихъ и одна голландская. Но едва прошелъ годъ, и уже число это возрасло въ сильной степени.

Вотъ, что въ концѣ 1864 года доносилъ министру баронъ Кене, на основаніи имѣвшихся въ редакціи документовъ [1]).

„Иностранная пресса, столь враждебная Россіи въ прошедшемъ 1863 году, стала, въ настоящее время, сдержаннѣе, и мы можемъ похвастать тѣмъ, что этой, для насъ благопріятной перемѣнѣ способствовала въ значительной степени литографированная корреспонденція „Инвалида".

Корреспонденція эта ведется теперь вполнѣ правильно и систематично. Ея XXVIII номеръ появился на французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. Многочисленныя письма нашихъ агентовъ удостовѣряютъ, что наши листки, составляемые внимательно и талантливо, встрѣчаются вездѣ сочувственно.

Помимо этого, комиссія, на которую вашимъ превосходительствомъ возложено порученіе вліять на иностранную прессу, разослала нѣсколько брошюръ, которыя обратили на себя всеобщее вниманіе и всѣхъ заинтересовали.

Главная цѣль, преслѣдуемая этой корреспонденціей—освѣдомлять иностранную публику и въ особенности журналистовъ, о либеральныхъ намѣреніяхъ правительства Его Величества и указать на то, что Россія, съ самаго восшествія на престолъ Императора

---

[1]) Оригиналъ на французскомъ языкѣ.

вступившая на путь цивилизаціи и прогресса, идетъ по этому пути неуклонно къ дальнѣйшему преуспѣянію. Добросовѣстное освѣдомленіе о томъ, что дѣлается у насъ—есть наилучшее средство для того, чтобы побороть вліяніе лживой и систематически враждебной намъ прессы.

Успѣхъ, достигнутый нами въ различныхъ странахъ, различенъ. Въ Германіи, гдѣ пресса, вообще говоря, хорошо освѣдомлена, наши сообщенія перепечатывались цѣликомъ или въ выдержкахъ, во множествѣ газетъ. Особенно большія препятствія пришлось преодолѣть въ Дрезденѣ,—средоточіи мятежныхъ поляковъ, и въ нѣкоторыхъ католическихъ городахъ. Но, благодаря искусству нашего Дрезденскаго агента, г. надворнаго совѣтника Аккермана, даже въ главной газетѣ, издаваемой въ этомъ городѣ, появились передовыя статьи, написанныя въ нашу пользу, и враждебный голосъ ультрамонтантскихъ органовъ не находитъ болѣе сочувствія даже среди католиковъ.

Въ общемъ болѣе или менѣе обширныя выдержки изъ нашихъ замѣтокъ появились въ 41 нѣмецкой газетѣ.

Въ Нидерландахъ, четыре главныя газеты, издаваемыя въ Гаагѣ, Роттердамѣ и Амстердамѣ, подъ вліяніемъ корреспонденцій „Инвалида", всегда были на нашей сторонѣ.

Въ Бельгіи въ нашу пользу высказывались иной разъ Independence Belge и часто Etoile.

Въ Стокгольмѣ на нашей сторонѣ Dagblat Allehanda, которая, за неимѣніемъ иныхъ источниковъ, черпала прежде свои свѣдѣнія изъ „Колокола".

Въ Копенгагенѣ мы вошли въ сношенія съ Berlinske Tidende, которая всегда перепечатываетъ наши передовыя статьи.

Въ Италіи, благодаря таланту нашего агента, туринскаго профессора Летура, наши корресподенціи имѣли успѣхъ у органовъ самыхъ различныхъ направленій, каковы „Opinione",—органъ итальянскаго правительства „Armonia",—ультрамонтанская газета, Diritto, демократическая газета, Giornale de Triste—органъ австрійскаго правительства.

Въ Миланѣ, баронъ Франко Мистрали, второй редакторъ лучшей Ломбардской газеты, „Gazetta di Milano", съ которымъ у меня установились личныя отношенія, до того проникся сознаніемъ, что программа, которую мы себѣ поставили, правильна, что онъ задумалъ издавать независимую газету, которая сослужитъ намъ хорошую службу, снискавъ намъ симпатіи всѣхъ честныхъ людей могущественной Италіи, которая окажется современемъ крупной величиной, способной вліять на равновѣсіе европейскихъ державъ. Сбро-

сивъ съ себя пагубную опеку Франціи, Италія можетъ стать вѣрной союзницей Россіи.

Въ Римѣ, правительственный органъ „Osservatore" нерѣдко черпалъ свѣдѣнія изъ нашихъ корреспонденцій, и наши отношенія прервались только послѣ извѣстной рѣчи папы къ кардиналамъ.

Bibliotêque universelle de Genève—серьезная газета, весьма распространенная не только въ Швейцаріи, но и во Франціи, редактируется образцово молодымъ докторомъ Эд. Фикомъ, который состоитъ также однимъ изъ нашихъ корреспондентовъ. Въ этой газетѣ встрѣчается нѣсколько передовыхъ статей, написанныхъ на основаніи нашихъ сообщеній, онѣ не могли бы быть написаны лучше въ Петербургѣ.

Во Франціи мы привлекли на свою сторону „Constitutionel"—самый значительный органъ французской прессы. Я могу особенно похвастать любезностью главнаго редактора П. Лимайрака, съ которымъ я познакомился лично, и содѣйствіемъ помощника редактора г. Симона. Статьи „Constitutionel" перепечатаны многими второстепенными газетами. Кромѣ того наши корреспонденціи использованы газетами „La Presse", „La Nation", „Le courrier du dimanche" и т. д.

Въ Англіи наши корреспонденціи сообщаются регулярно восемнадцати газетамъ, изъ коихъ четырнадцать издаются въ Лондонѣ. Благодаря необыкновенной дѣятельности и усердію нашего Лондонскаго агента, лэди М. Стюартъ Малькольмъ, враждебное къ намъ отношеніе англійской прессы прекратилось; вотъ уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ, какъ ни одна статья, написанная польскими эмигрантами, столь многочисленными въ Лондонѣ, не была принята. Мы обязаны корреспонденціямъ „Инвалида" тому, что лучшіе редакторы англійскихъ газетъ имѣютъ нынѣ болѣе правильный взглядъ на Россію и понимаютъ великодушныя намѣренія Его Императорскаго Величества. Многія изъ нашихъ статей перепечатаны въ „Times", „Evening Herald", „Standard", „Morning Herald" и въ другихъ газетахъ. Въ „Economist", Lloyde", „Saturdi Rewiew" и т. д. встрѣчаются статьи, напечатанныя на основаніи нашихъ замѣтокъ. Если припомнить, какова была англійская пресса не далѣе какъ лѣтомъ прошлаго года, если подумать о постоянныхъ интригахъ недовольныхъ поляковъ, которые и по сейчасъ стараются взволновать Англію съ цѣлью вызвать движеніе противъ Россіи, то достигнутые нами успѣхи покажутся весьма удовлетворительными.

Слѣдуетъ упомянуть также о стремленіи нашего агента; найдя въ одномъ частномъ журналѣ замѣтку, направленную противъ нашего правительства, лэди Малькольмъ, не теряя ни минуты, обра-

тилась къ редактору означенной газеты, чтобы помѣстить опроверженіе на эту статью и защитить правое дѣло Россіи. Непрестанно заботясь объ общихъ интересахъ Россіи и Англіи, лэди Малькольмъ успѣла добиться того, что въ „Morning Post“—газетѣ, которая была въ прошломъ году ярымъ органомъ польскихъ повстанцевъ, были помѣщены прилагаемыя при семъ двѣ статьи, появившіяся весьма кстати для того, чтобы успокоить умы въ Англіи.

Въ общемъ 82 газеты, издаваемыя въ разныхъ странахъ, получили наши сообщенія непосредственно отъ насъ самихъ или чрезъ посредство другихъ лицъ и воспользовались ими.

Въ 1866 года „Correspondence Russe“ удалось пріобрѣсти такое значеніе въ европейской журналистикѣ, что нельзя указать ни на одну изъ наиболѣе распространенныхъ французскихъ или нѣмецкихъ газетъ, въ которыхъ не перепечатывались бы еженедѣльно статьи, появляющіяся въ „Correspondence Russe“.

Въ этомъ отношеніи дѣйствительность далеко превзошла всѣ ожиданія редакціи. Хорошо зная, наприм., постоянную холодность въ отзывахъ о Россіи со стороны оффиціальной французской газеты „Moniteur Universel“, встрѣчая еще недавно на его столбцахъ отзывы, непріязненные о Россіи, редакція „Инвалида“, не полагая имѣть успѣха въ непосредственномъ сношеніи съ редакціею „Moniteur'а“, не включала въ кругъ обязанностей своего парижскаго корреспондента заботиться о помѣщеніи тамъ своихъ корреспонденцій. Но въ теченіе 1864 и 1865 годовъ „Moniteur“ не только самъ перепечатывалъ всѣ руководящія статьи „Корреспонденціи“, но заимствовалъ изъ нея даже нѣкоторыя мелкія статьи, не имѣющія значенія свѣдѣнія, также только при томъ указывая на источникъ своихъ заимствованій.

Нельзя не указать на то обстоятельство, что это было время важныхъ событій на востокѣ, и французскія газеты вообще не охотно говорившія объ этомъ предметѣ, перепечатывали, однако, всѣ статьи, въ которыхъ говорилось о восточныхъ дѣлахъ и объ отношеніи къ нимъ русскаго общественнаго мнѣнія.

„Correspondence“ издавалась секретнымъ образомъ, о чемъ было извѣстно князю Горчакову и графу Игнатьеву, и разсылалась она исключительно въ редакціи заграничныхъ газетъ. „Московскія Вѣдомости“, встрѣчая въ иностранныхъ газетахъ ссылки на „Correspondence“, называли ее какою-то подпольною газетою.

Статьями этими заинтересованъ былъ и князь Горчаковъ. Вслѣдствіе разговора по этому поводу съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ я получилъ однажды записку слѣдующаго содержанія:

„Покорнѣйше прошу немедленно прислать мнѣ вырѣзки статей изъ иностранныхъ газетъ, чтобы я могъ показать князю Горчакову, въ какой мѣрѣ „Инвалидъ“ имѣетъ вліяніе на иностранную прессу.

Д. Милютинъ“.

При свиданіи со мною министръ передалъ мнѣ слова князя Горчакова, сказавшаго:

— Я не ожидалъ такого большого успѣха.

Какъ ни охранялся секретъ, но онъ въ 1868 году дошелъ до свѣдѣнія наслѣдника цесаревича Александра Александровича. 11-го января министръ прислалъ мнѣ письмо гофмаршала двора наслѣдника цесаревича съ помѣткою на немъ:

„Прошу Сергѣя Павловича переговорить со мною по этому предмету“. Самое же письмо было слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь Дмитрій Алексѣевичъ.

Государь наслѣдникъ цесаревичъ, узнавъ, что при редакціи „Русскаго Инвалида“ издается извѣстная Вашему Высокопревосходительству русская корреспонденція, изволилъ изъявить желаніе получить это изданіе.

Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить меня для доклада Его Императорскому Высочеству, не изволите ли Вы признать возможнымъ сдѣлать зависящее отъ Васъ распоряженіе, чтобы корреспонденція эта, по мѣрѣ выхода ея, доставлялась Его Императорскому Высочеству.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

В. Звенигородскій“.

На это письмо министръ отвѣчалъ:

„Милостивый Государь
Владиміръ Яковлевичъ.

На письмо Ваше отъ 11-го января за № 68 имѣю честь увѣдомить, что, считая за особенное удовольствіе исполнить желаніе Его Императорскаго Высочества, я уже отдалъ приказаніе Главному редактору газеты „Русскій Инвалидъ“, полковнику Зыкову, чтобы каждый номеръ выходящей еженедѣльно „Correspondence“ былъ доставляемъ Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, считаю долгомъ просить Васъ, Милостивый Государь, доложить Его Императорскому Высочеству, что выходящая по Высочайшему Государя Императора соизволенію при редакціи „Русскаго Инвалида“ „Correspondence“ составляетъ тайну и

*

разсылается исключительно въ однѣ только редакціи заграничныхъ газетъ съ цѣлью сообщенія о Россіи свѣдѣній, не искаженныхъ съ умысломъ или по незнанію Россіи. Доставляемый же нынѣ Государю Наслѣднику Цесаревичу экземпляръ есть единственный, посылаемый редакціею не за границу.

Примите увѣреніе въ почтеніи и преданности.

Д. Милютинъ".

Но 1868 годъ былъ послѣднимъ годомъ независимаго существованія, какъ „Correspondence", такъ и самаго „Русскаго Инвалида". Уже съ 1863 года, когда рѣзко и смѣло газета выступала въ защиту русскихъ интересовъ, когда талантливыя статьи г.г. Бушена, Гильфердинга, Кояловича, Ѳеоктистова и другихъ обратили на себя вниманіе не только русской публики, но и вниманіе самого Императора, удостоивавшаго прочтенія ихъ въ корректурѣ и одобрившаго ихъ для печати, въ крѣпостнической газетѣ „Вѣсть", издававшейся Скарятинымъ и Юматовымъ, началась безпрерывная клевета и брань на газету за ея направленіе. Но когда на верху власти очутились элегантные графъ Шуваловъ, Тимашевъ и Валуевъ, то они пустили въ ходъ и элегантныя манеры. Тутъ дѣйствовали не бранью и клеветою, а искуснымъ способомъ лести, отъ которой въ результатѣ приходилось хуже клеветы. „Русскій Инвалидъ" газета хорошая, говорили одни, но очень жалко, что статьи ея слишкомъ рѣзки; такія крайнія статьи не совсѣмъ удобны въ оффиціальномъ органѣ военнаго министерства; статьи „Русскаго Инвалида" объ Остзейскомъ краѣ, говорили другія, были бы не безъ достоинствъ, если бы не были изображены въ такой формѣ, что возбуждаютъ неопредѣленныя надежды крестьянъ на собственность бароновъ. Такія статьи не должны быть въ правительственной газетѣ. Вообще весь тонъ газетныхъ статей „Русскаго Инвалида", говорили третьи, весьма часто противорѣчитъ общимъ правительственнымъ взглядамъ на русскія событія, а между тѣмъ многими можетъ быть принятъ за взглядъ правительственный. Такая двойственность можетъ быть только вредною.

Подобные отзывы о газетѣ начали слышаться на верху все чаще и чаще, и, наконецъ, цѣль была достигнута. Въ октябрѣ 1868 года я уже имѣлъ по этому поводу разговоръ съ министромъ, а 27 октября послѣдовало Высочайшее повелѣніе открыть съ 1869 года при главномъ управленіи по дѣламъ печати изданіе особой и единственной для всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій оффиціальной газеты подъ наименованіемъ „Правительственный Вѣстникъ" и затѣмъ, отнявъ всякій оффиціальный характеръ у газетъ, служившихъ оффиціальнымъ органомъ нѣкоторыхъ мини-

стерствъ и главныхъ управленій, подчинить ихъ на будущее время дѣйствію общихъ законовъ о печати.

И вотъ наступило время, когда вся печать очутилась подъ тяжелымъ прессомъ Шувалова и Валуева.

Однако, вопросъ о „Русскомъ Инвалидѣ“ не считался еще вполнѣ разрѣшеннымъ; нѣкоторое время онъ былъ предметомъ разговора.

30 ноября я получилъ слѣдующую записку военнаго министра: „Сдѣлайте одолженіе, многоуважаемый Сергѣй Павловичъ, постарайтесь достать мнѣ гдѣ-нибудь одинъ или два № газеты „Moniteur de l'armée“ и, если можно,—свѣдѣнія о томъ, на какихъ основаніяхъ издается эта газета. Также желалъ бы имѣть по одному № нѣмецкихъ военныхъ газетъ.

Д. Милютинъ“.

А вслѣдъ затѣмъ 4-го декабря другую:

„Государь Императоръ изволилъ возвратить мнѣ прилагаемые при семъ нумера газеты „Moniteur“, безъ всякаго приказанія; а потому я думаю, что не можетъ уже быть никакого сомнѣнія относительно прекращенія „Русскаго Инвалида“.

Д. Милютинъ“.

Хотя рѣшеніе министра для редактора было въ порядкѣ вещей безапелляціонно, но Дмитрій Алексѣевичъ, по свойственной ему деликатности, обратился ко мнѣ, сказавъ:

— Не думаю, чтобы и для васъ было бы интересно вести газету, въ которой ничего не будетъ кромѣ приказовъ.

Тогда, по приказанію военнаго министра, въ газетѣ было объявлено, что съ 1869 года изданіе „Инвалида“ прекращается вовсе.

Казалось бы, что Шуваловъ и Валуевъ были вполнѣ удовлетворены; независимая отъ ихъ произвола газета, портившая имъ кровь, переставала существовать, и никто изъ нихъ уже не услышитъ осужденія ихъ внутренней политики, поощрявшей все, кромѣ русскихъ интересовъ. Но и этого имъ казалось мало; имъ нужно было, чтобы газета военнаго министерства существовала, но отнынѣ была вполнѣ бы безмолвною. Съ этою цѣлью былъ пущенъ слухъ, дошедшій куда слѣдовало, что прекращеніе „Инвалида“ очень огорчило членовъ Комитета о раненыхъ, и Государь приказалъ министру продолжать изданіе. Вопросъ этотъ былъ предложенъ военно-ученому комитету, который рѣшилъ присоединить газету къ „Военному Сборнику“, который редактировалъ П. К. Меньковъ.

Этимъ покончилъ свое существованіе Милютинскій „Русскій Инвалидъ“.

Въ память о немъ я не могу не сказать нѣсколько словъ.

Не буду говорить о томъ, раціонально или нѣтъ поставлено было самое дѣло; естественно или нѣтъ было существованіе независимаго органа общественнаго мнѣнія, весьма часто болѣе или менѣе открыто противорѣчащаго видамъ того или другого изъ министерствъ; наконецъ, раціонально ли, что оффиціальный органъ одного министерства косвенно осуждалъ дѣйствія другого. Обо всемъ этомъ можно говорить и даже спорить, но нельзя не сказать, что „Русскій Инвалидъ“ въ то время, на-ряду съ „Московскими Вѣдомостями“ и газетою „День“ и „Парусъ“, доколѣ двѣ послѣднія не были закрыты Валуевымъ, принесъ безспорно немалую пользу русскому обществу. Онъ разъяснилъ истинныя отношенія къ польскому вопросу въ ущербъ польскимъ притязаніямъ, а талантливые государственные дѣятели привели въ исполненіе Высочайшую волю вторично, такъ сказать, присоединивъ Польшу къ Россіи. Въ вопросѣ остзейскомъ, несмотря на сильную поддержку балтійскихъ нѣмцевъ со стороны русской администраціи, голоса московскихъ газетъ и „Русскаго Инвалида“ имѣли большое вліяніе на русское общество, которое только изъ этихъ статей узнавало о тамошнихъ порядкахъ. А это было тѣмъ важнѣе, что противъ нихъ до тѣхъ поръ никто не смѣлъ говорить, а знавшій эти порядки и описавшій ихъ поплатился за то крѣпостью. Стоитъ только припомнить, что русскій генералъ-губернаторъ Альбединскій получилъ выговоръ отъ какого-то остзейскаго герихта за то, что онъ осмѣлился написать въ этотъ герихтъ бумагу на русскомъ, а не на нѣмецкомъ языкѣ. И русскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ русскаго Императора, безмолвно перенесъ это оскорбленіе.

И все это глумленіе надъ Россіею и русскими происходило, по словамъ тѣхъ же остзейцевъ, на основаніи какихъ-то, не то матрикулъ, не то договоровъ временъ Петра Великаго. Но благодаря Бога, Императоръ Александръ II умѣрилъ баронскій пылъ и ввелъ нѣкоторыя реформы.

Что касается до упрековъ газеты „Вѣсть“ и другихъ сановниковъ, что „Русскій Инвалидъ“ унижалъ дворянское сословіе и вооружалъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, то это сплошная ложь. Никогда „Русскій Инвалидъ“, вполнѣ признавая всѣ заслуги русскаго дворянства, начиная съ освобожденія крестьянъ, не отзывался о немъ дурно или неуважительно. Только когда въ нѣкоторыхъ дворянскихъ собраніяхъ заговорили, что правительство за освобожденіе крестьянъ должно дать дворянству исключительныя противъ другихъ сословій права, то есть создать олигархію, „Инвалидъ“ горячо возражалъ, разоблачая скрытыя тенденціи дворянства.

Съ преобразованіемъ „Инвалида“, лично я терялъ очень не много

въ матеріальномъ отношеніи, ибо во время своего редакторства я не пользовался никакими служебными преимуществами. Для меня было совершенно достаточно сознанія, что я рядовой работникъ въ рукахъ европейски образованнаго государственнаго человѣка, который горячо отстаивалъ при всякомъ случаѣ русское дѣло.

Можно быть увѣреннымъ, что если бы во главѣ государственныхъ дѣлъ стояли два такихъ человѣка, какъ двое братьевъ Милютиныхъ, то Россія не вынесла бы тѣхъ издѣвательствъ и униженій со стороны финляндцевъ, какимъ она подвергается нынѣ.

Въ 1864 году къ нападающимъ на „Русскій Инвалидъ" присоединилась газета, вдохновленная Черняевымъ и Комаровымъ. Въ ней и въ нѣкоторыхъ журналахъ стали появляться статьи Ѳадѣева, огульно осуждавшія всѣ мѣры, предпринятыя Д. А. Милютинымъ, касавшіяся реформъ въ арміи. Это не имѣло бы никакого значенія, если бы во главѣ этой партіи не встало лицо съ большимъ военнымъ авторитетомъ, а именно фельдмаршалъ князь Барятинскій.

Вступивъ въ министерство, Д. А. Милютинъ горячо принялся за коренныя реформы, осуществленныя вполнѣ къ началу 1871 года, когда вся Россія была раздѣлена на 14 военныхъ округовъ. Новая организація военныхъ силъ и ихъ учрежденій, конечно, нашла, какъ это всегда бываетъ, какъ защитниковъ, такъ и противниковъ. По этому поводу военный министръ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ въ 1864 году доносилъ:

„Совершившіяся въ послѣднее время по военной части преобразованія обняли собою такой обширный кругъ государственной дѣятельности и затронули столько интересовъ, что, при всемъ сочувствіи къ нимъ огромнаго большинства лицъ здраво мыслящихъ и опытныхъ, реформы эти не могли не имѣть и отъявленныхъ противниковъ. Утѣшительно однако то, что всѣ нареканія со стороны сихъ послѣднихъ либо обнаруживаютъ незнакомство съ сущностью и цѣлью совершившихся преобразованій, либо касаются тѣхъ именно недостатковъ нашей арміи, устраненіе которыхъ и должно быть со временемъ результатомъ предпринятыхъ реформъ. Толки эти неоднократно доходили до свѣдѣнія Вашего Величества, но осмѣливаюсь думать, что они не могли ни разу поколебать [1] въ Васъ, Государь, увѣренность, что военное министерство, дѣйствуя постоянно по непосредственнымъ Вашимъ указаніямъ, идетъ вѣрнымъ путемъ къ предположенной цѣли—всестороннему развитію и совершенствованію вооруженныхъ силъ Имперіи".

Все это не имѣло бы никакого значенія, если бы во главѣ недо-

---

[1]) Противъ этихъ словъ Государь написалъ: „нѣтъ, не поколебали". Татищевъ.

вольныхъ не стояло авторитетное лицо—фельдмаршалъ князь Барятинскій. И вотъ онъ почему-то вдругъ энергично при литературномъ содѣйствіи Черняева, Ѳадѣева, Комарова и газеты „Вѣсть“ началъ нападать на всю систему Милютина, при чемъ „Русскому Инвалиду“ пришлось вести не менѣе горячую полемику.

По мнѣнію князя Барятинскаго, новая система грозила едва-ли не гибелью Россіи. Для отвращенія этой опасности онъ испросилъ у Государя дозволенія представить на докладъ Милютина свои замѣчанія, не взирая на то, что положеніе было уже Высочайше утверждено и обнародовано.

Въ своей запискѣ князь Барятинскій перешелъ далеко за предѣлы вопроса, послужившаго къ ней поводомъ. Очертивъ характеръ дѣятельности, какъ военнаго министра, такъ и главнокомандующаго арміею въ военное время, фельдмаршалъ доказывалъ, что новымъ положеніемъ умалена власть и должность главнокомандующаго, поставленнаго имъ въ полную зависимость отъ центральнаго военнаго управленія, которое, являясь руководителемъ войны, получаетъ значеніе гофъ-кригсъ-рата, давно осужденнаго исторіею.

Однако, предсказанія князя Барятинскаго ни мало не оправдались, ибо первая случившаяся въ 1877 году турецкая война показала, что милютинская система вполнѣ выдержала испытаніе во всѣхъ отношеніяхъ и при томъ вполнѣ удовлетворительно, августѣйшій главнокомандующій, если былъ въ чемъ-нибудь стѣсненъ, то отнюдь не гофъ-кригсъ-ратомъ, а военный министръ за осуществленіе тѣхъ реформъ, которыя образовали доблестныя войска, былъ награжденъ высокопочетнымъ орденомъ.

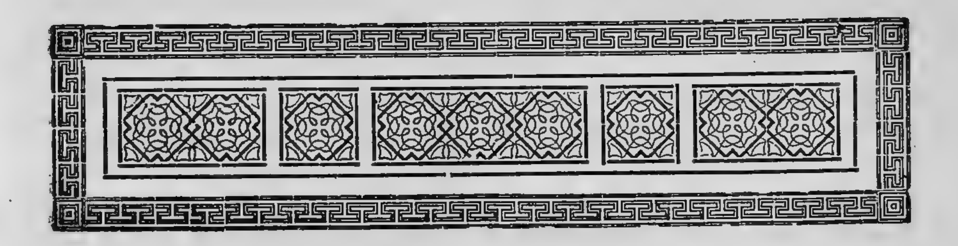
Но и записка князя Барятинскаго имѣла также свою исторію. Чтобы удовлетворить его, была по Высочайшему повелѣнію образована подъ предсѣдательствомъ графа Коцебу комиссія изъ большихъ сановниковъ, разсуждавшая довольно долго о томъ, какія поправки можно ввести въ милютинскую систему. Но здѣсь вполнѣ оправдался французскій афоризмъ, что critique est aisée, mais l'art est difficile. Ничего не выработавъ, комиссія спокойно разошлась.

Разставаясь со мною, какъ съ редакторомъ, Дмитрій Алексѣевичъ проявилъ крайнюю степень вниманія и любезности, рѣшившись даже на передокладъ о моей наградѣ у Государя Императора.

— Мнѣ хотѣлось бы, Сергѣй Павловичъ, наградить Васъ внѣ правилъ и дать Владиміра 3 степени, минуя 4 степень; къ сожалѣнію, мнѣ это не удалось. Государь мнѣ сказалъ, что онъ не любитъ, когда обходятъ эту степень.

С. П. Зыковъ.

М. Х. Рейтернъ.

(Біографическій очеркъ, составленъ А. Н. Куломзинымъ и гр. В. Г. Рейтернъ—бар. Нолькенъ. Съ приложеніями изъ посмертныхъ записокъ М. Х. Рейтерна).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ іюньской книги „Русской Старины" помѣщенъ краткій обзоръ біографическаго очерка М. Х. Рейтерна, бывшаго въ теченіе 16 лѣтъ министромъ финансовъ въ царствованіе Императора Александра II-го. Изложеніе политическихъ вѣяній передъ войной 1877—1878 г.г., разговоровъ Императора Александра II, написанное М. Х. Рейтерномъ въ его посмертныхъ запискахъ, преисполнено такого высокаго, историческаго интереса, что читатели не посѣтуютъ, если мы приведемъ изъ этихъ записокъ тѣ ихъ отдѣлы, которые касаются политики Россіи въ это время.

По словамъ М. Х. Рейтерна: „Государь [1]) издавна со мной говоритъ о политикѣ. Онъ въ это время [2]) говорилъ со мной почти что каждый разъ и всегда безъ всякаго съ моей стороны повода...; казалось, что онъ радъ бывалъ случаю отвести душу (если можно такъ выразиться) съ человѣкомъ въ сочувствіи котораго своимъ мыслямъ онъ былъ увѣренъ". *П.*

Пребываніе М. Х. Рейтерна въ Ливадіи въ октябрѣ м. 1876 года.

Въ августѣ, передъ своимъ отъѣздомъ въ Варшаву и Ливадію, Государь нѣсколько разъ говорилъ со мною о политическихъ дѣлахъ. Онъ, какъ и прежде, весьма сильно выражалъ свою рѣшимость не давать Россію завлечь въ войну. Онъ не безъ горечи говорилъ объ агитаціи славянофильской—о желаніи нѣкоторыхъ лицъ выставлять не его представителемъ интересовъ Россіи.

Сентября 4-го я уѣхалъ въ деревню, а 13-го получилъ тамъ телеграмму, которою меня извѣщали о сущности порученія, возложеннаго на графа Сумарокова, къ чему присовокупляли, что если

---

[1]) Императоръ Александръ II. *П.*

[2]) Передъ войной 1877—78 г.г. *П.*

отвѣтъ Австріи былъ бы неудовлетворителенъ, то будетъ мобилизировано до 200 т. войска. Это первый намекъ, что мы измѣнили свой взглядъ на политическое положеніе.—Я возвратился вслѣдствіе этого скорѣе, чѣмъ полагалъ, т. е. 20-го сентября. Въ воскресенье 24-го я получилъ приглашеніе въ Ливадію, уѣхалъ на другой же день и прибылъ въ Ливадію 1-го октября.

Государь меня тотчасъ принялъ и сказалъ мнѣ, что несмотря на его желаніе кончить дѣло мирнымъ путемъ, это по всему вѣроятію не удастся, и что слѣдуетъ готовить средства для войны. Я началъ было объяснять трудность веденія войны вообще и въ особенности въ годъ, экономически неблагопріятный. Государь, противъ своего обыкновенія, меня прервалъ словами, что нечего дѣлать, приказалъ переговорить съ другими и затѣмъ доложить ему. Изъ „другихъ" я нашелъ князя Горчакова весьма воинственнымъ, Милютина крайне озабоченнымъ трудностями зимняго похода, графа Адлерберга весьма благоразумнымъ, но сдержаннымъ. Игнатьевъ говорилъ много, не всегда одинаково, но, кажется, клонился къ войнѣ. Общая атмосфера Ливадіи была крайне воинственна. Тогда я счелъ своимъ долгомъ изложить письменно и представить Государю (3-го октября) свое убѣжденіе, хотя и предвидѣлъ, что оно едва-ли будетъ раздѣляемо. Послѣ обѣда Государь меня подозвалъ и сказалъ мнѣ съ недовольнымъ видомъ: „Твоя записка [1]) на меня произвела самое грустное впечатлѣніе, мы объ ней переговоримъ завтра въ совѣщаніи". Зная, что на другой день предстоитъ мнѣ выдержать непріятную сцену, я далъ себѣ слово, что бы ни было, не горячиться и не отказываться отъ своихъ убѣжденій. На другой день собрались у Государя: Наслѣдникъ, Горчаковъ, Милютинъ, Адлербергъ, Игнатьевъ и я. Записку мою, какъ оказалось, кромѣ Государя читалъ одинъ Наслѣдникъ.

Государь сказалъ, что записка произвела на него самое грустное впечатлѣніе, что я порицаю всѣ реформы его царствованія, доказывая, что эти реформы ослабили Россію; что я вовсе не указываю на средства для веденія войны и предлагаю унизить Россію. Что этого ни онъ, ни сынъ его не допустятъ.

На это я сказалъ, что на реформы, составляющія славу царствованія Е. В., я положилъ не мало своего труда и даже своей иниціативы и что считаю за величайшую честь и счастье, что могъ это сдѣлать; что реформы эти вызвали экономическое развитіе, которое будетъ остановлено войною, и что раззореніе будетъ громадное потому, что многое начато, и ничего еще не окрѣпло. О средствахъ

[1]) Эта записка напечатана въ біографическомъ очеркѣ. *П.*

къ войнѣ я повторилъ вкратцѣ сказанное въ запискѣ. На это мнѣ Государь сказалъ: „Средства есть, но надобно умѣть и хотѣть ихъ достать“.

За симъ перешли къ другимъ занятіямъ, и въ этомъ засѣданіи было рѣшено послать Игнатьева въ Константинополь, мобилизировать часть арміи 1-го ноября, а въ началѣ декабря перейти границу, если на конференціи не примутъ нашихъ требованій. Послѣ обѣда Государь сказалъ мнѣ нѣсколько милостивыхъ словъ, и я отправился въ СПБ. *Р.*

СПБ. 12-го октября 1876 г.

Различныя стадіи восточнаго вопроса въ теченіе зимы 1876—77 г.г.

С.-Петербургъ, 12-го ноября 1876 г.

Сегодня я въ первый разъ былъ съ докладомъ у Государя послѣ возвращенія его изъ Ливадіи, рѣчи, произнесенной имъ въ Москвѣ и повелѣнія о мобилизаціи войска. Я доложилъ ему, что въ воскресенье будетъ объявленъ стомилліонный заемъ и что онъ, несмотря на сочувствіе къ цѣли этой операціи, не будетъ покрытъ. Что для прикрытія этого факта гос. банкъ оставитъ за собою всю неподписанную сумму, т. е. въ сущности мы будемъ выпускать на наши военные расходы кредитные билеты, что 100 милл. на войну далеко недостаточно, такъ что мы наводнимъ Россію кредитными билетами. Въ то же время размѣнный фондъ будетъ истощаться, потому-что во время войны другого средства къ уплатѣ нашихъ купоновъ за границею не существуетъ; такимъ образомъ мы будемъ черезъ годъ имѣть огромную массу обезцѣненныхъ бумажныхъ денегъ и не будемъ уже, за истощеніемъ размѣннаго фонда, имѣть никакихъ средствъ къ уплатѣ нашихъ долговъ за границею. Я кончилъ тѣмъ, что если видишь два поѣзда, которые мчатся навстрѣчу другъ другу, то нетрудно предвидѣть результатъ. Государь выслушалъ меня внимательно, и я думаю, что слова мои произвели впечатлѣніе, ибо два министра, бывшіе послѣ меня, спрашивали, что я ему сказалъ.

Въ кн. Горчаковѣ, котораго я видѣлъ сегодня до доклада, и въ самомъ Государѣ я замѣтилъ перемѣну, т. е. оба, казались, болѣе миролюбивыми. Извѣстіе о слабой подпискѣ на заемъ кажется подѣйствовало на Государя. По поводу пониженія вексельнаго курса, я замѣтилъ, что это должно еще усилиться по мѣрѣ выпуска кредитныхъ билетовъ; что пониженіе вексельнаго курса обозначаетъ уменьшеніе ихъ цѣнности, такъ что тотъ денежный знакъ, которымъ мы должны (за неимѣніемъ звонкой монеты) вести войну, будетъ по мѣрѣ расходованія терять свою цѣнность, и что мы бу-

демъ принуждены прекратить военное дѣйствіе, потому-что наши деньги потеряютъ платежную силу. *Р.*

С.-Петербургъ, 10-го декабря 1876 года.

Когда я вошелъ сегодня къ Государю, я его нашелъ весьма озабоченнымъ извѣстіемъ о назначеніи Мидхадъ-Паши вел. визиремъ и о появленіи въ Константинополѣ лорда Биконсфильда, интригующаго за спиною маркиза Сольсбури. Полагаютъ, что это предвѣщаетъ отказъ Турціи отъ принятія заключеній. Надобно сказать, что послѣднее время Государь былъ весьма расположенъ вѣрить въ мирный исходъ дѣла и даже сказалъ депутаціи отъ купечества, что войны вѣроятно не будетъ. Потомъ Государь спросилъ: „Мнѣ сказали, что ты чрезвычайно огорченъ моимъ пріемомъ въ Ливадіи; правда ли? Во всякомъ случаѣ въ моемъ намѣреніи не было тебя дурно принять“. Я отвѣтилъ: „Да, Государь, правда, Вы мнѣ сказали, что средства на веденіе войны есть, но надобно умѣть и хотѣть ихъ достать. Если послѣ пятнадцати лѣтъ моего управленія министерствомъ финансовъ, Вы не довѣряете ни моему умѣнію, ни моему хотѣнію, то я не могу не придти къ убѣжденію, что невозможно мнѣ пріобрѣсти Ваше довѣріе съ разстроеннымъ здоровьемъ, съ уменьшившимися силами и при обстоятельствахъ, еще болѣе затруднительныхъ“. Государь: „Я не говорилъ, что средства есть, а что они должны быть, когда послѣ всего, что я сдѣлалъ для сохраненія мира, приходится вести войну“. Я: „Я убѣжденъ, что всѣ такъ называемыя средства сводятся окончательно къ выпуску кредитныхъ билетовъ, а послѣдствія этого Вамъ извѣстны. Они все болѣе будутъ обезцѣнены, и придется прекратить войну, за неимѣніемъ средствъ“. Государь повторилъ, что онъ убѣжденъ, что средства есть. Я: „Я не могу лицемѣрно говорить противъ своего убѣжденія,—возьмите другого министра финансовъ, который бы видѣлъ то, чего я не вижу, дѣло слишкомъ важно, чтобы оставить недоразумѣніе и начать войну, не зная, чѣмъ ее довести до конца“. (Тутъ вошелъ Наслѣдникъ). Государь: „Ты имѣешь опытъ и можешь сдѣлать лучше другихъ,—но всякій человѣкъ можетъ ошибаться,—отчего жъ тебѣ не выслушать то, что могутъ предложить другіе“. Я: „Вопросъ этотъ обсуждался въ комитетѣ финансовъ, я тамъ не слышалъ другихъ мнѣній, но если В. В. изволите мнѣ указать кого еще спросить, то я это исполню“. Тутъ Наслѣдникъ предложилъ Бабста и Бунге. Государь сказалъ, что онъ никого не знаетъ, но что можетъ быть Абаза, Грейгъ или Валуевъ укажутъ на кого-либо. За симъ онъ рѣшилъ спросить отъ

моего имени Бабста и Бунге, и если еще кто найдется, и представить мнѣ ему записку, которую потомъ разсмотрѣть въ комитетѣ финансовъ.

(Я думаю, что о моемъ неудовольствiи Государю сказалъ Горчаковъ; послѣ непрiятной сцены въ Ливадiи я сказалъ Горчакову: „On ne quitte pas son poste au moment du danger,—il sera temps d'aviser quand on sera hors d'affaires".—Недавно Горчаковъ вывѣдывалъ у меня, того ли я еще мнѣнiя). *Р.*

С.-Петербургъ, 17-го декабря 1876 г.

Сегодня я читалъ Государю прилагаемую записку (для комитета финансовъ). Она составлена съ цѣлью, чтобы доказать [1]), что страна, въ настоящемъ ея положенiи, не имѣетъ возможности вести войну. Государь внимательно входилъ въ ея смыслъ и вспомнилъ слова графа Гурьева въ 1853 году, подтверждающiя мой взглядъ. Послѣ засѣданiя особаго совѣщанiя, бывшаго послѣ моего доклада, онъ говорилъ со мной весьма милостиво.

С.-Петербургъ, 13-го февраля 1877 г.

Въ послѣднее время настроенiе Государя все болѣе и болѣе становилось мирнымъ, главнымъ образомъ, кажется, по тремъ причинамъ: 1) Онъ убѣдился, что война была бы пагубна для нашихъ финансовъ и экономическаго развитiя; 2) радикальная перемѣна общественнаго мнѣнiя, и 3) онъ сомнѣвается въ дѣйствительности союза трехъ Императоровъ и начинаетъ, наконецъ, подозрѣвать, что Бисмаркъ старается запутать насъ въ восточный вопросъ. При докладѣ 4-го февраля онъ мнѣ сказалъ, что теперь, кажется, можно надѣяться на миръ. Въ совѣщанiе 5-го февраля военный министръ принесъ записку, въ которой, сознаваясь, что война будетъ для финансовъ и экономическаго развитiя пагубна, утверждаетъ, что мы не можемъ не начать войну, потому что иначе слова, сказанныя Государемъ въ Москвѣ, останутся безъ исполненiя; что Россiя, привыкшая руководиться словами Государя, перестанетъ имъ вѣрить, что духъ войска упадетъ и т. д. Впечатлѣнiе, повидимому, было сильное. Государь задумался и потомъ прекратилъ засѣданiе, назначивъ продолженiе на сегодня, и сказалъ, что если кому угодно, то могутъ также написать записки. Я воспользовался этимъ и приготовилъ прилагаемую записку. Вчера, когда я вошелъ къ Государю съ докладомъ, онъ встрѣтилъ меня словами: „Я совершенно согласенъ съ Милютинымъ; въ жизни

---

[1]) Эта записка напечатана въ бiографическомъ очеркѣ. *П.*

государствъ, какъ въ жизни частныхъ лицъ, есть минуты, когда надобно забыть все другое и отстоять свою честь". Я: „Извините меня, Государь, но я думаю, что со времени московской рѣчи многое существенно измѣнилось. Тогда надобно было ожидать вскорѣ нападенія турокъ на Сербію и на Черногорію, впослѣдствіи продолжено перемиріе, и теперь есть надежда на заключеніе мира между ними и Портою. Тогда вовсе не было соглашенія между державами, теперь оно есть. Тогда общественное мнѣніе наше казалось воинственнымъ, теперь только желаютъ упроченія мира. Вы въ Москвѣ сказали, что интересы Россіи для Васъ выше всего, и сами признаете, что война была бы для нихъ пагубна (онъ употребилъ это слово)". Государь мнѣ отвѣтилъ съ явнымъ неудовольствіемъ: „Я вовсе не раздѣляю твоего мнѣнія". Я: „Въ прошломъ засѣданіи Вы намъ позволили на письмѣ изложить свое мнѣніе". Онъ взялъ записку и сказалъ вошедшему Наслѣднику: „Рейтернъ также написалъ записку, я ее тебѣ дамъ прочесть".

Въ сегодняшнее засѣданіе въ первый разъ были приглашены Тимашевъ и Валуевъ, которымъ, оказывается, Государь вчера послалъ мою записку. Тонъ Государя былъ гораздо спокойнѣе и, казалось, что желалъ бы обойтись безъ войны. Военный министръ не говорилъ вовсе.

Обстоятельства, приведшія къ восточной войнѣ.

Государь вообще искренно миролюбивъ. Тяжелыя обстоятельства, при которыхъ онъ вступилъ на престолъ, оставили въ немъ неизгладимое впечатлѣніе. Онъ былъ свидѣтелемъ, какъ бѣда крымской войны сломила твердую натуру его отца. Государю чрезвычайно тяжело было согласиться на условія Парижскаго трактата. Политическія и финансовыя послѣдствія крымской войны тяготѣли надъ нимъ почти десять лѣтъ по окончаніи ея. Въ послѣднее время къ этому прибавилось еще и то, что онъ, подъ вліяніемъ упадающаго здоровья, вообще потерялъ охоту къ дѣламъ, которыми занимался только изъ чувства долга. Государь придаетъ большое значеніе прецедентамъ. Ему казалось, что если, послѣ продолжительнаго мирнаго царствованія, наступитъ война, то онъ ее не доведетъ до конца, и подобно отцу не вынесетъ бремя.

Князь Горчаковъ также миролюбивъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ въ его политическія соображенія никогда не входила мысль объ употребленіи оружія. Еще весною 1876 года, передъ отъѣздомъ въ Эмсъ, онъ мнѣ говорилъ: „Pas un homme et pas un rouble". Но князь Горчаковъ самолюбивъ; удачно сказанное слово онъ счи-

таетъ успѣхомъ. Къ этому надобно прибавить, что Горчаковъ вообще мало занимался восточными дѣлами, и его интересовали только европейскія. Въ восточныхъ дѣлахъ онъ вполнѣ поддавался Игнатьеву, когда тотъ былъ директоромъ азіатскаго департамента, а потомъ Стремоухову.

Игнатьевъ и Стремоуховъ имѣли главное вліяніе на приготовленіе восточнаго вопроса къ взрыву. Они другъ друга ненавидѣли, и едва-ли былъ между ними сговоръ; но въ извѣстныхъ случаяхъ они другъ друга поддерживали. Я не утверждаю, что дѣятельность ихъ имѣла цѣлью возбужденіе восточнаго вопроса, но убѣжденъ, что она болѣе, чѣмъ что-либо, повела къ этому результату.

Вліяніе Стремоухова на восточный вопросъ состояло преимущественно въ выборѣ лицъ на должности консуловъ и агентовъ и въ направленіи ихъ дѣятельности.

Игнатьева роль чрезвычайно трудно опредѣлить. Въ оффиціальныхъ депешахъ Игнатьева, представляемыхъ Государю, вовсе нѣтъ славянофильскаго направленія. Однѣ должны доказать вліяніе посла на Порту, а другія вліяніе его же на христіанскихъ подданныхъ Порты. Если судить объ Игнатьевѣ только по оффиціальнымъ его депешамъ, то можно бы его считать только ловкимъ дипломатомъ, который успѣлъ войти въ довѣріе Порты и даже султана. Но этимъ нисколько не объясняется то положеніе въ общественномъ мнѣніи Россіи, которое Игнатьевъ занималъ. Вообще въ Россіи мало знаютъ нашихъ заграничныхъ представителей и довольно равнодушны къ ихъ дѣйствіямъ и достоинствамъ. Нельзя назвать ни одного нашего дипломата, о мнѣніяхъ о политикѣ котораго бы говорили, независимо или даже въ противуположность намѣреніямъ канцлера и даже Государя. Игнатьевъ составляетъ единственное исключеніе. Онъ положительно пользовался популярностью, имѣлъ связи съ разными кружками, на которые правительство смотрѣло недоброжелательно. Нельзя не удивляться его ловкости, что при этомъ ему удавалось удержаться, если не въ особой милости Государя, то все-таки посломъ и авторитетомъ въ восточныхъ дѣлахъ. Для Государя онъ былъ исполнителемъ его указаній, т. е. вовсе не славянофилъ, а публика его считала ревнителемъ славянскихъ идей. Игнатьевъ всегда старался убѣдить Государя и вообще всѣхъ въ томъ, что турецкое владычество клонится къ упадку отъ внутренней порчи и слабости, и что оно не можетъ противупоставить нападенію съ нашей стороны сколько-нибудь энергическаго противодѣйствія. Я думаю, что онъ въ этомъ былъ дѣйствительно убѣжденъ. Это мнѣніе Игнатьева имѣло большое вліяніе на рѣшеніе дѣла. Мнѣ извѣстно, что представители другихъ державъ въ Константинополѣ не раздѣляли этого взгляда.

Герцеговинское возстаніе началось лѣтомъ 1875 года. Осенью, по возвращеніи моемъ изъ-за границы и затѣмъ Государя изъ Ливадіи, я нашелъ Его Величество и Горчакова въ совершенной рѣшимости не давать этому дѣлу разростись до размѣровъ восточнаго вопроса. Въ теченіе всей зимы 1875—76 года они оба оставались въ этомъ намѣреніи. Государя я находилъ тогда болѣе озабоченнымъ, чѣмъ Горчакова, который къ этому дѣлу относился довольно легко. Я выше привелъ его выраженіе: „Pas un homme et pas un rouble". Онъ крѣпко надѣялся на союзъ трехъ Императоровъ, былъ убѣжденъ, что Англія ничего не можетъ и не захочетъ сдѣлать безъ континентальнаго союзника, и считалъ согласіе Турціи на рѣшеніе трехъ Императоровъ не подлежащимъ никакому сомнѣнію.

Между тѣмъ началась внутренняя агитація, сначала въ славянофильскихъ кругахъ, потомъ въ газетахъ, потомъ въ высшемъ обществѣ. Государю противна вообще всякая политическая агитація. Онъ ревниво оберегаетъ свою самодержавную власть отъ всякаго вмѣшательства. Въ этомъ единственно случаѣ онъ не запрещалъ и не останавливалъ. Это произвело разладъ между оффиціальной политикой, которая оставалась миролюбивою, и предполагаемыми намѣреніями, о которыхъ публика здѣсь и за границею могла судить по внѣшнимъ признакамъ. Полагали, что Государь связанъ въ своей оффиціальной политикѣ, но что онъ въ существѣ раздѣляетъ славянофильскія идеи и желаетъ войны. Вѣрнымъ тому доказательствомъ считали участіе, которое придворные принимали въ агитаціи. Они едва-ли доступны увлеченіямъ и, конечно бы, имъ не предавались, если бы думали, что это Государю неугодно. Примѣръ лицъ, приближенныхъ ко двору, имѣлъ огромное вліяніе на усиленіе агитаціи: кто слѣдовалъ просто модѣ, кому доставляло удовольствіе громко бранить политику правительства, полагая, что въ эту минуту это не только не опасно, а пожалуй, еще понравится, наконецъ, вожди славянофильской партіи сознательно пользовались обстоятельствами, чтобы раздувать огонь. Сочувствіе славянамъ безъ всякаго сомнѣнія существовало, но при попущеніи правительства и подъ вліяніемъ примѣра двора, было искусственно вздуто до размѣровъ, совершенно обманчивыхъ и не соотвѣтствующихъ дѣйствительности.

Это придавало нашимъ дѣйствіямъ двухсмысленный характеръ, порождало за границею недовѣріе къ нашимъ завѣреніямъ и отнимало у оффиціальнаго правительства власть надъ собственными своими агентами и, слѣдовательно, возможность дѣйствовать успокоительно на христіанское населеніе Турціи. Наши агенты на

востокѣ, исподволь подобранные Стремоуховымъ, смотрѣли на циркуляры и предписанія министерства иностранныхъ дѣлъ какъ на формальность, не выражающую настоящихъ намѣреній правительства. Такимъ образомъ министерство иностранныхъ дѣлъ потеряло всякое вліяніе на христіанское населеніе Турціи, — чтобы оно ни говорило и дѣлало, все считалось необходимою пока маскою, скрывающею завоевательные замыслы. Немыслимо, напр., чтобы Сербія рѣшилась объявить войну въ противность строгаго предостереженія, посланнаго ей отъ имени самого Государя, если бы она не была убѣждена, что имѣетъ здѣсь доброжелателей, которые выручатъ.

Я совершенно убѣжденъ, что въ то время, т. е. до второй половины 1876 года, Государь искренно желалъ покончить эти дѣла миролюбиво, и что агитація, сербская война, добровольцы и т. п. были ему въ душѣ противны. То же самое я думаю и о Горчаковѣ, хотя въ меньшей степени.

Я имѣлъ возможность объ этомъ судить, ибо Государь издавна со мною говоритъ о политикѣ. Онъ въ это время говорилъ со мною почти каждый разъ и всегда безъ всякаго съ моей стороны повода. Онъ часто употреблялъ чрезвычайно сильныя выраженія не только неодобренія, а можно сказать негодованія противъ сербовъ и здѣшнихъ славянофиловъ; казалось, что онъ радъ бывалъ случаю отвести душу (если можно такъ выразиться) съ человѣкомъ, въ сочувствіи котораго своимъ мыслямъ онъ былъ увѣренъ. Опять повторяю, что я совершенно убѣжденъ въ искренности миролюбивыхъ чувствъ Государя и въ полномъ его отвращеніи къ агитаціи, славянофильскимъ идеямъ и пр. Если онъ говорилъ со мною, то это было отъ полноты души. Нѣтъ сомнѣнія, что можно было не допускать славянофильской агитаціи до размѣровъ, которые она приняла въ половинѣ 1876 года. Наши агенты на востокѣ не оставались бы въ сомнѣніи относительно дѣйствительныхъ намѣреній правительства, другія державы и сама Турція не имѣли бы основанія сомнѣваться въ искренности завѣреній Государя. Была также полная возможность удерживать газеты и уменьшать этимъ способомъ распространеніе агитаціи въ публикѣ и народѣ. Тимашевъ всегда былъ къ этому готовъ. Я никогда не былъ поборникомъ стѣсненій печати и не прибѣгалъ къ нимъ ни для защиты своихъ мѣръ, ни для огражденія своей личности, но всякая система должна быть прилагаема послѣдовательно; если правительство, которое преслѣдовало печать за нерасположеніе къ классическому образованію, не мѣшаетъ ей проповѣдывать войну съ Турціею, Англіею и Австріею, то изъ этого нельзя вывести другого заключенія какъ, что само правительство къ этой войнѣ идетъ и желаетъ возбудить народное сочув-

ствіе къ своей наступательной политикѣ. Однимъ словомъ, агитація могла разростись до размѣровъ, до которыхъ она дошла, только при допущеніи, со стороны правительства. До лѣта 1876 года, т. е. до отклоненія Англіею Берлинскаго меморандума, кн. Горчаковъ поддерживалъ Государя въ убѣжденіи, что дипломатическимъ путемъ будетъ достигнуто нѣкоторое улучшеніе положенія славянъ, дано удовлетвореніе симпатіямъ Россіи къ нимъ и, кромѣ того, пріобрѣтенъ въ Европѣ, дешевою цѣною, дипломатическій престижъ. Послѣ Берлинскаго свиданья Государь остался два мѣсяца за границею и вѣроятно не зналъ, что здѣсь дѣлается. Когда же онъ возвратился, то общее возбужденіе дошло уже до крайнихъ размѣровъ и остановить его было уже весьма трудно.

Государь оставался здѣсь еще около мѣсяца и нѣсколько разъ мнѣ повторялъ о своемъ намѣреніи кончить дѣло безъ войны,— но всѣ его рѣчи показывали внутреннюю борьбу и душевныя страданія; миролюбивыя выраженія говорились иногда тономъ какъ бы запальчиваго возраженія лицу, защищающему другое мнѣніе,—тогда какъ такого лица вовсе въ комнатѣ не было.

Въ Ливадію я пріѣхалъ 1-го октября и нашелъ Государя, какъ и кн. Горчакова, уже въ совершенно воинственномъ духѣ. Приближенныя дамы говорили сіяющими лицами: L'Empereur s'est mis à la tête du mouvement national и т. п.; единогласность этихъ выраженій доказывала, что пароль дана свыше. Эти фразы дѣйствительно выражали происшедшій переворотъ. Государь оставался въ Ливадіи, окруженный небольшимъ числомъ лицъ, тянущихъ всѣ въ одну сторону, безъ сообщенія съ другими своими совѣтниками; онъ слышалъ одинъ только голосъ и видѣлъ одну только сторону. Можно сказать, что отголоски Россіи доходили до него только чрезъ славянофиловъ. Аксаковъ переписывался съ Милютинымъ и другими. Государь не выдержалъ и вдругъ бросился въ сторону, противуположную той, которой держался прежде. Онъ воодушевлялся какъ бы идеею освобожденія не только славянъ, но всѣхъ христіанъ и даже Іерусалима. Государь былъ, очевидно, въ лихорадочномъ возбужденномъ состояніи.

Подъ вліяніемъ ливадской атмосферы и измѣненнаго расположенія сдѣлано два шага, которые въ окончательномъ результатѣ рѣшили дѣло. Это мобилизація арміи и московская рѣчь. Мобилизація рѣшена въ совѣтѣ у Государя 4-го октября; произвести ее тогда же предполагалось 1-го ноября, съ тѣмъ, чтобы быть готовымъ перейти границу въ декабрѣ. На замѣчаніе, что едва ли удобно начать войну въ такое время года, отвѣчали, что, напротивъ, зимою нѣтъ лихорадокъ и т. п. На повѣрку, однако,

оказалось, что въ декабрѣ была въ Бессарабіи такая распутица, что походъ былъ бы крайне затруднителенъ. Мѣру эту я считаю роковою. Въ дипломатическомъ отношеніи она окончательно закрыла возможность компромисса. Въ финансовомъ она имѣла послѣдствіемъ безполезное израсходованіе 100 м. р. на содержаніе арміи на военной ногѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ и на столько уменьшила средства для веденія войны; наконецъ, въ военномъ отношеніи это было предостереженіе, данное Турціи, чтобы она готовилась къ отпору на Дунаѣ. Мы имѣли двѣ выгоды передъ Турціею: организацію, дозволяющую скорѣе привести армію на военную ногу, и желѣзныя дороги, дающія возможность скорѣе ее подвезти къ границѣ. Отъ этихъ двухъ выгодъ мы безъ всякой пользы отказались. Если бы произвести мобилизацію съ половины марта до половины апрѣля и тотчасъ перейти границу, то турки при ихъ безпечности были бы взяты врасплохъ и едва ли бы имѣли въ Болгаріи превосходныя силы, какъ теперь оказалось.

Московская рѣчь рѣшена въ Ливадіи въ мое отсутствіе. Ее я считаю роковою потому, что она связала Государя какъ бы вопросомъ чести, какъ онъ самъ выражался впослѣдствіи, когда уже наступило въ немъ отрезвленіе послѣ Ливадскаго упоенія. Отрезвленіе началось чуть не въ Москвѣ. Рѣчь была принята многочисленнымъ собраніемъ съ восторгомъ, вызываемымъ каждымъ заявленіемъ, обращеннымъ Государемъ лично къ своимъ подданнымъ, а тѣмъ болѣе патріотическимъ; но тогда же Государь съ своимъ тонкимъ тактомъ не могъ не замѣтить, что атмосфера Москвы, несмотря на то, что она центръ славянофильской агитаціи, не та, въ которой онъ находился въ Ливадіи. Съ окончаніемъ сербской войны, перемиріемъ, вырваннымъ у Порты нашими угрозами, увлеченіе публики быстро падало; люди, побуждаемые экономическими интересами, рѣшались уже громко высказываться въ пользу мира; эта реакція все больше увеличивалась, и зимою не оставалось почти слѣдовъ прежняго увлеченія. Въ трезвой петербургской средѣ Государь все болѣе и болѣе приходилъ въ прежнее свое мирное расположеніе; въ разговорахъ со мною онъ выражалъ неоднократно свое желаніе кончить дѣло миромъ. Въ декабрѣ онъ сказалъ публично депутаціи отъ купечества, что онъ надѣется, что войны не будетъ.

Я не буду говорить здѣсь объ обстоятельствахъ несчастной дипломатической кампаніи отъ перемирія между Турціею и Сербіею, которое безъ всякаго основанія мы не хотѣли имѣть шестимѣсячнымъ до протокола, отвергнутаго Турціею, но долженъ сказать то, что мнѣ извѣстно о личномъ вліяніи кн. Бисмарка на восточный

вопросъ. Князь Бисмаркъ давно, и при разныхъ случаяхъ, старался насъ, такъ сказать, натравить на поднятіе восточнаго вопроса. Когда утечетъ достаточно времени, чтобы открыть наши архивы послѣднихъ 6—7 лѣтъ изслѣдователямъ исторіи, то слѣды этого найдутся. Въ Австріи думаютъ, что его рука была съ самаго начала въ Герцеговинскомъ возстаніи; я не имѣю никакихъ тому доказательствъ, но не считаю этого невозможнымъ. Съ начала компликацій и до Берлинскаго свиданія (май 1876) кн. Бисмаркъ шелъ съ нами и Андраши, и я думаю, ближе къ нему, чѣмъ къ намъ. Отъ времени отвергнутія Англіею Берлинскаго меморандума до посылки Мантейфеля въ Варшаву, и потомъ до тѣхъ поръ, какъ кн. Горчаковъ изъ Ливадіи обратился къ нему, онъ былъ вообще сдержанъ; когда же, по возвращеніи Государя сюда, идеи болѣе миролюбивыя стали преобладать, то кн. Бисмаркъ всячески старался не допускать, чтобы дѣла уладились. Разговоры его съ нашимъ посломъ были таковы, что отъ нихъ не отказался бы ярый славянофилъ. Они клонились къ развитію шовинистскихъ страстей и замѣчательнымъ образомъ были разсчитаны на характеръ Государя. Бисмаркъ говорилъ о чести Россіи, объ упадкѣ духа въ арміи о вредѣ мирнаго исхода для монархическаго начала—и все это производило свой эффектъ. Съ той минуты какъ война была рѣшена, кн. Бисмаркъ опять сталъ сдержаннѣе.

Я объясняю все это слѣдующимъ образомъ: кн. Бисмаркъ имѣлъ въ виду двѣ цѣли, сохранить и если можно еще ближе скрѣпить дружественныя связи между Германіею и Россіею Императора Александра II; запутать Россію въ неразрѣшимый восточный вопросъ такъ, чтобы она въ будущее царствованіе не имѣла бы ни желанія, ни возможности вмѣшиваться, невыгоднымъ для Германіи образомъ, въ европейскую политику.

Сентябрь 1877.

Октябрь 1878.

Оставленіе должности министра финансовъ.

Я отказался отъ должности министра финансовъ „по разстроенному здоровью“, какъ это у насъ принято. Это не было предлогомъ. Безсонница, нервность, раздражительность и желчность дѣлали всякое напряженіе ума, сношенія съ дѣловыми людьми, споры съ другими вѣдомствами, пренія въ совѣтѣ и комитетахъ невыносимо тяжелыми. Рѣдко я ложился спать безъ желанія болѣе не проснуться. Мысль, что можетъ быть придется кончить безчестіемъ, т. е. несостоятельностью, меня преслѣдовала. Но болѣзнь была не

единственная и даже не главная причина оставленія министерства, т. е., будь я здоровъ, я все-таки вышелъ бы. До отъѣзда Государя за границу весною 1876 года, интересы финансовые и экономическіе, повидимому, принимались въ разсчетъ при рѣшеніяхъ политическихъ. Но вскорѣ послѣ возвращенія Государя я сталъ замѣчать, что эти интересы все болѣе и болѣе отходили на задній планъ. Сербская агитація, развивавшаяся во время отсутствія Государя, его и безпокоила, и сердила, и увлекала. Онъ чувствовалъ себя опереженнымъ и все болѣе и болѣе уносился потокомъ, пока, наконецъ, занялъ мѣсто во главѣ движенія. Апогей этого настроенія я нашелъ въ Ливадіи, куда пріѣхалъ 1-го октября 1876 года. Финансовые и экономическіе интересы какъ бы не существовали. Въ другомъ мѣстѣ я разсказалъ все, что я тамъ испыталъ. Когда я писалъ записку, которую я тамъ подалъ Государю, я зналъ, что она не могла не произвести непріятнаго впечатлѣнія: она слишкомъ рѣзко противорѣчила тогдашнему настроенію. Первая аудіенція тотчасъ по пріѣздѣ 1-го октября показала мнѣ, что Государь, такъ сказать, отвернулся отъ всего, что могло бы напомнить ему прежній его взглядъ, и въ особенности отъ соображеній финансовыхъ и экономическихъ; я зналъ, что онъ не дастъ мнѣ высказаться, и поэтому рѣшился писать, полагая, что онъ, хотя и разсердится, а прочтетъ. Нѣсколько словъ, сказанныхъ мнѣ Государемъ послѣ обѣда въ тотъ день, когда записка была ему подана, показали мнѣ, что онъ особенно и серьезно недоволенъ, и я до другого дня, когда назначенъ былъ совѣтъ, имѣлъ время обдумать вѣроятныя послѣдствія. Мнѣ никогда въ голову не входила мысль, что моя записка могла перемѣнить тогдашнее направленіе нашей политики, но я думалъ, что она дастъ поводъ къ преніямъ, и что услышится голосъ разсудка тамъ, гдѣ все спѣлось на ноты сентимента, что логика, вытѣсненная такъ называемымъ внутреннимъ убѣжденіемъ, хотя нѣсколько войдетъ въ свои права. Я и теперь думаю, что нѣчто подобное могло бы случиться, если бы, напр., Государь, какъ это обыкновенно дѣлаетъ, приказалъ бы сообщить мою записку другимъ членамъ ежедневныхъ совѣщаній. Вѣроятно, никто не рѣшился бы прямо пристать къ моему мнѣнію, потому, что оно слишкомъ противорѣчило Государеву, но я думаю, что, видя, что я принимаю на себя и царскій гнѣвъ и непопулярность, нашлись бы такіе, которые были бы рады случаю охладѣть Государя, mettre de l'eau dans son vin: отрезвленіе пришло и такъ довольно скоро; оно началось тотчасъ послѣ Москвы, въ началѣ ноября, а въ декабрѣ было полное. Такое же преніе могло значительно ускорить оное и можетъ быть предупредить такое пагубное рѣшеніе, какъ

мобилизація въ началѣ зимы, и измѣнить тонъ Московской рѣчи. Мои ожиданія не оправдались, Государь моей записки никому, кромѣ Наслѣдника, не показалъ, разбора моихъ мнѣній не было, а было только лично для меня непріятное и даже оскорбительное отклоненіе. Ночью и утромъ передъ этимъ засѣданіемъ Совѣта, подъ впечатлѣніемъ гнѣвныхъ словъ, сказанныхъ мнѣ послѣ обѣда, я думалъ о томъ, какъ мнѣ встрѣтить бурю. Я рѣшился ни въ какомъ случаѣ не терять хладнокровія. (Мнѣ удалось это выдержать). Засимъ мнѣ представился личный вопросъ: просить ли увольненія? Это мнѣ сначала казалось самымъ естественнымъ и сообразнымъ съ моимъ характеромъ исходомъ. Полное пренебреженіе къ интересамъ, мнѣ ввѣреннымъ, интересамъ, которымъ я посвятилъ всю свою жизнь, не только оправдывало, но какъ бы требовало такого съ моей стороны поступка. Но тутъ навязывалась мнѣ мысль: что будетъ съ финансами? столькими экономическими интересами, развитію которыхъ я способствовалъ? Однимъ словомъ, послѣ долгихъ и тяжелыхъ думъ я пришелъ къ рѣшимости все перенести изъ любви къ своему дѣлу, къ отечеству и къ самому Государю, теперь гнѣвному, но прежде въ теченіе столь многихъ лѣтъ снисходительному и справедливому. Кто меня знаетъ, повѣритъ, что это рѣшеніе мнѣ стоило тяжелой борьбы, и можетъ быть я бы не въ силахъ былъ на немъ остановиться, если бы тогда же я не принялъ бы другое рѣшеніе, а именно оставить должность, какъ только миръ будетъ обезпеченъ; этимъ только я могъ сохранить уваженіе съ самому себѣ,—и впослѣдствіи это поддерживало меня въ теченіе 21 мѣсяца до окончанія Берлинскаго конгресса.

По мѣрѣ того какъ Государь, послѣ возвращенія изъ Ливадіи, приходилъ все болѣе въ прежнее свое мирное настроеніе, онъ становился ко мнѣ на прежнюю довѣрчивую и милостивую точку; это уже не измѣнилось до самаго конца; напротивъ, онъ мнѣ показывалъ какую-то особую мягкость, какъ бы человѣку, котораго надобно беречь. Зналъ ли Государь о моемъ намѣреніи уйти? Я думаю, онъ догадывался. Покупка дома, въ маѣ 1877 года, возбудила много толковъ, которые, вѣроятно, и доходили до него. Я никогда не говорилъ ему о себѣ, и когда онъ спрашивалъ о здоровьи, отвѣчалъ коротко. Государь въ прежнее время любилъ разспрашивать о финансовыхъ предпріятіяхъ на будущее.

Послѣ возвращеніи его изъ арміи, онъ это дѣлалъ весьма рѣдко, и я всегда отвѣчалъ не въ первомъ лицѣ, т. е. не говорилъ: я думаю сдѣлать то или то, а, по моему мнѣнію, министру финансовъ будетъ предстоять необходимость сдѣлать то и то. Этотъ оттѣнокъ Государь, при тонкомъ своемъ тактѣ, вѣроятно, замѣтилъ. Но Государь знаетъ,

что никто не отказывается отъ занимаемой имъ должности, пока имѣетъ или надѣется пріобрѣсти его довѣріе. Говорятъ о своихъ недугахъ, объ усталости, объ отставкѣ,—но все это исчезаетъ, коль скоро онъ удостоитъ милостью. Поэтому Государь привыкъ смотрѣть на все это, какъ на кокетливое ломаніе, имѣющее цѣлью чего-либо добиться. Зная это, я и избѣгалъ разговоровъ о себѣ. Вѣроятно, что Государь, если и слышалъ о моемъ намѣреніи, думалъ: il y pensera à deux fois.

Въ среду 28 іюня я получилъ отъ Н. К. Гирса телеграмму изъ Царскаго Села о мирномъ исходѣ Берлинскаго конгресса. Вечеромъ того же дня я послалъ въ фельдъегерскую на имя Государя записку, которою просилъ увольненія. Въ пятницу 30 іюня, когда я вошелъ въ кабинетъ (въ Царскомъ Селѣ), Государь началъ съ того, что моя просьба ставитъ его въ затрудненіе, что я, пользуясь полнымъ его довѣріемъ, прошу объ увольненіи отъ такой важной должности, въ которой моя опытность и знаніе теперь особенно необходимы, что лучше бы мнѣ уѣхать на нѣкоторое время за границу, отдохнуть и осенью, если я не поправлюсь, подумать о томъ, что сдѣлать. Я отвѣтилъ, что, оставаясь министромъ финансовъ, я не рѣшился бы уѣхать, что обстоятельства слишкомъ серьезны, чтобы оставить министерство финансовъ безъ хозяина, что теперь начинается ликвидація войны, и затѣмъ придется медленно, шагъ за шагомъ, возвести опять то, что разрушено войною, что это во всякомъ случаѣ дѣло многолѣтнихъ усилій и которое не можетъ быть начато однимъ и продолжаемо другимъ. Тутъ я объяснилъ (совершенно по истинѣ), какъ мнѣ невыносимы усилія и работы по управленію министерствомъ, что я давно рѣшился уходить и этого не сдѣлалъ, потому, что считалъ вопросомъ чести во время войны о себѣ не думать, что благодарю Бога, что мнѣ удалось выдержать до конца, и что одна мысль о продолженіи меня ужасаетъ. „Я давно уже замѣтилъ, что тебѣ силы измѣняютъ“, сказалъ Государь. Я: Позвольте Васъ спросить, въ чемъ Вы это замѣтили. Государь: „Во время нашихъ совѣщаній я видѣлъ, какъ ты измѣнялся въ лицѣ“.

На прощанье Государь сказалъ мнѣ съ большимъ чувствомъ весьма милостивыя слова. Онъ былъ видимо тронутъ и я также.

Государь Наслѣдникъ также весьма милостиво со мной простился. Я забылъ сказать, что онъ вошелъ вскорѣ послѣ начала разговора. Общее впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ этой аудіенціи что Государь съ самаго начала рѣшился принять мою просьбу объ увольненіи, и что онъ уговаривалъ меня остаться только потому, что желалъ показать вниманіе старому и вѣрному слугѣ.

Я забылъ сказать, что во время разговора Государь выразилъ

желаніе, чтобы я преемнику своему сообщилъ свои мысли о финансахъ, на что я сказалъ, что мною еще въ 1877 году составлена пространная записка, какъ бы финансовое духовное завѣщаніе. Государь видимо удивился и впослѣдствіи спросилъ Грейга о времени составленія этой записки. Государь также выразилъ свое удовольствіе, узнавъ, что я зиму полагалъ провести въ С.-Петербургѣ.

Я думалъ, что Указъ о моемъ увольненіи послѣдуетъ въ началѣ слѣдующей недѣли, этого однако не было. Когда мы съ Грейгомъ [1]) въ пятницу, 7 іюля, вошли въ кабинетъ, Государь мнѣ сказалъ: „Я подписалъ твое увольненіе и хотѣлъ самъ тебѣ отдать, прочти“.

Содержаніе грамоты и этотъ необыкновенный способъ врученія ея меня сильно тронули, и я могъ только сказать: Государь, я жалѣю, что у меня нѣтъ дѣтей, которымъ я могъ бы оставить этотъ документъ въ наслѣдство. Государь далъ мнѣ руку и сказалъ: „И каждое слово истинная правда“.

Высочайшій рескриптъ, врученный М. Х. Рейтерну лично Государемъ Императоромъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТЬЮ,

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРОЙ

Императоръ и Самодержецъ

Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему статсъ-секретарю, члену Государственнаго Совѣта, дѣйствительному тайному совѣтнику Михаилу Рейтерну.

Съ искреннимъ сожалѣніемъ снизойдя на просьбу вашу объ увольненіи васъ, по разстроенному трудами здоровью, отъ должности министра финансовъ, Мы вмѣняемъ Себѣ въ сердечный долгъ почтить благодарнымъ воспоминаніемъ доблестную дѣятельность вашу и особенно тѣ важныя услуги, которыя вы оказали Государству въ теченіе шестнадцатилѣтняго управленія министерствомъ финансовъ. Вы были призваны на постъ Министра въ трудное время, когда, вслѣдствіе недавно оконченной передъ тѣмъ войны и обширныхъ внутреннихъ преобразованій, требовались чрезвычайныя усилія, дабы вывести финансы Имперіи на путь правильнаго развитія.

Къ выполненію возложенной на васъ задачи, вы приступили съ твердою вѣрою въ будущность Россіи, съ ясно сознанною мыслью, что благосостояніе государственнаго хозяйства зиждется на богатствѣ народа и обусловливается увеличеніемъ производительныхъ силъ его. Рядомъ мѣръ, по указаніямъ Нашимъ, вами непосредственно или при ближайшемъ содѣйствіи вашемъ, настойчиво и неуклонно приведенныхъ въ исполненіе, достигнуты

[1]) Ген.-ад. Грейгъ, преемникъ М. Х. Рейтерна.

были замѣчательные результаты: въ нѣсколько лѣтъ построена обширная сѣть желѣзныхъ дорогъ; промышленное и торговое движенiе приняло небывалые дотолѣ размѣры; государственные доходы стали быстро возрастать и ежегодный избытокъ ихъ надъ расходами смѣнилъ прежнiе хроническiе дефициты нашихъ бюджетовъ; наконецъ, кредитъ Государства, несмотря на увеличившуюся сумму обязательствъ казны, значительно возвысился и упрочился. Благодаря симъ успѣхамъ, страна могла вынести и огромныя тягости послѣдней войны съ непоколебленнымъ, и внутри и извнѣ, довѣрiемъ къ ея силамъ. Признавая справедливымъ ознаменовать столь плодотворное по послѣдствiямъ, достославное служенiе ваше изъявленiемъ особеннаго Нашего благоволенiя, Мы пожаловали васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленiю. Знаки сiи, свидѣтельствуя предъ лицемъ Россiи о государственныхъ заслугахъ вашихъ, да будутъ для васъ выраженiемъ и Нашей душевной признательности за неутомимо-ревностные, просвѣщенные, блестящими успѣхами отмѣченные труды ваши на пользу Престола и Отечества.

Пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостiю неизмѣнно благосклонны.

На подлинной Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ Царскомъ Селѣ
7-го iюля 1878 года.

О посѣщеніи Императоромъ Александромъ III въ бытность его Великимъ Княземъ въ 1864 г. артезіанскаго колодца въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.

Окончивъ въ 1863 году курсъ въ Горномъ Институтѣ съ чиномъ поручика, я былъ прикомандированъ къ артезіанскому колодцу, который бурился во дворѣ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, на Рижскомъ проспектѣ въ Петербургѣ. Работы эти производились горнымъ инженеромъ Н—мъ, подъ руководствомъ горнаго инженера подполковника Р—аго. Зимою того же года буровая скважина достигла наконецъ горизонта, съ котораго пошла артезіанская вода, и когда въ трубу, закрѣпляющую буровую скважину, была вставлена пробка съ трубою всего четыре дюйма въ діаметрѣ, то забилъ фонтанъ высотою въ нѣсколько саженъ. Когда сталъ бить фонтанъ, ежедневно посѣщало артезіанскій колодецъ очень много различной публики и разныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1864 г. мы съ подполковникомъ Р—мъ каждый день съ самаго утра занимались въ конторкѣ при артезіанскомъ колодцѣ смѣтами на производство буровыхъ развѣдочныхъ работъ, кои предполагалось начать лѣтомъ того же года на Самарской лукѣ; а вмѣстѣ съ тѣмъ сидѣли тамъ въ ожиданіи Великаго Князя Николая Николаевича, о посѣщеніи коимъ артезіанскаго колодца мы были предупреждены, но не знали времени его посѣщенія. Я жилъ въ то время на Васильевскомъ О—вѣ, и такъ какъ отъ моей квартиры до артезіанскаго колодца было довольно далеко, то я съ утра, съ 8 часовъ, приходилъ на службу въ надлежащей формѣ; подполковникъ же Р—ій, жившій тамъ же, на Рижскомъ проспектѣ, приходилъ утромъ въ тужуркѣ, а затѣмъ около полудня ходилъ домой переодѣться въ надлежащую форму; такъ было и въ тотъ день, который я собираюсь описать. Едва мы сѣли съ подполковникомъ за работу, какъ входитъ сторожъ и докладываетъ:

— Ваше Высокоблагородіе, тамъ какіе-то два офицера пріѣхали и спрашиваютъ господъ инженеровъ показать имъ работы.

— Ну ихъ! скажи имъ, что г-да инженеры заняты, и имъ некогда показывать работы всѣмъ желающимъ ихъ посмотрѣть, а пускай смотрятъ на фонтанъ въ двери,—отвѣтилъ подполковникъ, продолжая свои занятія.

Тутъ я долженъ дать маленькое объясненіе: надъ буровой скважиной имѣлась буровая башня высотою около двѣнадцати саженъ, въ передней стѣнкѣ которой имѣлись двери почти во всю ея вышину, раздѣленныя по вертикали на нѣсколько створовъ; чтобы посѣщающая фонтанъ публика могла видѣть его, не входя въ буровую башню, эти двери были открыты до самаго верха, а чтобы публика чрезъ эти двери не могла входить внутрь башни, дверь быта заколочена аршина на полтора рѣшеткой изъ деревянныхъ брусковъ; такъ вотъ чрезъ эти-то двери подполковникъ и предлагалъ смотрѣть на фонтанъ и пріѣхавшимъ въ то утро двумъ офицерамъ, о которыхъ доложилъ намъ сторожъ. Но проходитъ нѣсколько минутъ послѣ доклада о двухъ офицерахъ, какъ вбѣгаетъ къ намъ въ контору нашъ буровой мастеръ и поспѣшно говоритъ:

— Ваше Выс-діе, у насъ на работахъ Великій Князь.

— Какой Великій Князь?

— Не могу знать-съ; я подхожу къ воротамъ и вижу—у воротъ стоитъ коляска и кучеръ съ медалью, я и спрашиваю кучера: кто это пріѣхалъ? а онъ мнѣ только отвѣтилъ, что Великій Князь, а какой не сказалъ, и я побѣжалъ скорѣе доложить Вамъ.

Такъ какъ мы ежедневно ожидали пріѣзда Великаго Князя Николая Николаевича, а ни о какомъ другомъ Великомъ Князѣ насъ не предупреждали, то мы и были увѣрены, что это пріѣхалъ Николай Николаевичъ. Подполковникъ мой, будучи въ тужуркѣ, крайне смутился и говоритъ мнѣ:

— Не могу же я явиться Великому Князю въ тужуркѣ, а потому возьмите вы, А. А., почетный рапортъ, каковой всегда лежалъ у насъ наготовѣ, и подайте его Великому Князю, а я утеку домой.

Взявъ рапортъ и выйдя изъ конторки и не видя никого, кромѣ сторожа и бурового мастера, я обращаюсь къ нимъ съ вопросомъ: гдѣ же Великій Князь? Мнѣ отвѣтилъ буровой мастеръ, что они наверху на башнѣ. Я бѣгу вверхъ по лѣстницѣ и нахожу на балкончикѣ ея Великаго Князя, только не Николая Николаевича, котораго я ожидалъ встрѣтить, а Александра Александровича съ генераломъ Арсеньевымъ. Когда я подалъ Великому Князю рапортъ

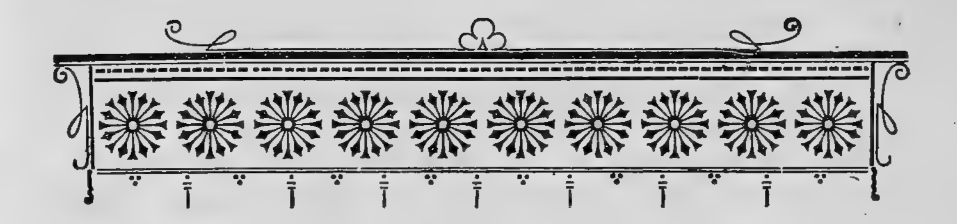
и извинился передъ нимъ, что, не зная о его пріѣздѣ, такъ долго не являлся къ нему, онъ говоритъ мнѣ смѣясь:

— А знаете, вашъ сторожъ не хотѣлъ насъ пускать и даже за ноги меня ухватилъ, когда я сталъ перелѣзать черезъ рѣшетку, говоря мнѣ очень строго: Вамъ сказано, что сюда нельзя, такъ что же лѣзете; на что я ему отвѣтилъ, что намъ-то можно.

Извинившись передъ Его Императорскимъ Высочествомъ за происшедшее недоразумѣніе, надъ которымъ онъ очень смѣялся, я предложилъ ему спуститься внизъ и осмотрѣть какъ инструменты, при помощи которыхъ была пройдена буровая скважина, такъ и коллекцію пройденныхъ скважиной породъ. Осмотрѣвъ все въ подробности, Его Высочество милостиво подалъ мнѣ на прощаніе руку и отбылъ, посмѣявшись еще разъ надъ тѣмъ, какъ сторожъ ухватилъ его за ноги и не хотѣлъ пускать въ буровую башню.

А. А—хъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XXVI [1]).

Пока Лулу-ханумъ занимаетъ общество повѣствованіемъ о прожорливомъ мусульманинѣ, съѣвшемъ цѣлаго жаренаго барана въ магометанскомъ царствѣ небесномъ, я воспользуюсь случаемъ сказать нѣсколько словъ о бракахъ христіанокъ съ турками. Сужденія Элиме по этому предмету были справедливы и вѣрны. Мнѣ пришлось впослѣдствіи познакомиться въ Константинополѣ съ тѣми лицами, о которыхъ упоминала дочь Кіамиль-паши, а также и съ ихъ женами. Послѣднія считали себя вполнѣ счастливыми, любили и были любимы своими мусульманскими супругами, оставаясь, съ ихъ же согласія, христіанками въ замужествѣ—турки, вообще, отличаются большою вѣротерпимостью, вопреки сложившимся о нихъ понятіямъ у западныхъ народовъ.

Дѣтей отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ, согласно требованіямъ основного закона, воспитываютъ по Корану. Это обстоятельство не представляетъ трудностей и не вызываетъ осложненій въ семьѣ. До извѣстнаго возраста мать обязана учить ребенка самымъ необходимымъ изреченіямъ и правиламъ изъ священной книги, а остальное доканчиваютъ школы, улемы, имамы и другіе спеціалисты по образованію и воспитанію въ духѣ ислама.

Всѣ эти свѣдѣнія я почерпнула отъ многихъ гаремныхъ дамъ изъ иностранокъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“ іюнь 1910 г.

По ихъ собственнымъ признаніямъ, живется имъ весьма недурно въ такой обстановкѣ.

Заслуживаетъ вниманія одна интересная черта турка, какъ мужа: на эту особенность, напоминаю читателю, указала также Элиме, сватая меня за Тафти-бея.

Насколько такой супругъ безпощадно строгъ и ревниво требователенъ къ магометанкѣ, настолько же онъ уступчивъ и снисходителенъ къ женѣ-христіанкѣ.

Первую онъ лишаетъ элементарнѣйшихъ потребностей общественной жизни и благъ культуры; второй — онъ позволилъ бы многое, о чемъ турчанка и подумать не посмѣетъ, если бы надъ нимъ не тяготѣлъ неумолимый контроль фанатичныхъ охранителей точной буквы восточныхъ традицій. Къ таковымъ во главѣ большинства принадлежитъ все духовенство магометанъ.

Не препятствуя правовѣрнымъ брать иностранокъ въ гаремы, суровые ревнители старины, ея нравовъ и обычаевъ требуютъ при этомъ неуклоннаго исполненія всѣхъ постановленій Корана, до женщинъ относящихся.

Въ этой священной книгѣ законодатель удѣляетъ не мало вниманія послѣднимъ и до мельчайшихъ подробностей разъясняетъ имъ обязательныя правила благопристойности и хорошаго тона въ обществѣ.

По вѣрованію исламитовъ, душа женщины не имѣетъ загробной жизни и, покидая земную оболочку, подобно дыму, уносится вѣтромъ въ пространство, не достигая даже и до порога дверей, ведущихъ въ сады Магомета, расположенныхъ гдѣ-то тамъ, въ надзвѣздныхъ высотахъ—отсюда индифферентное отношеніе турка къ религіи жены-христіанки: все равно, молъ, обратится въ паръ, какъ и мусульманка. Въ силу того же соображенія, отъ женщинъ и не требуется особеннаго усердія въ дѣлахъ вѣры и благочестія. Но чтобы онѣ не слишкомъ-то злоупотребляли столь выгоднымъ для земного существованія положеніемъ, пророкъ указалъ имъ на возможность проникнуть въ его резиденцію, хотя на довольно трудныхъ условіяхъ.

Для этого прежде всего надо заручиться протекціей мужа, который, по религіозному уставу, имѣетъ право ходатайства за супругу только безупречнаго поведенія, всю жизнь поступавшую сообразно съ волей и вкусами его.

Глава XXVII.

Лулу кончила сказку, и я опять стала собираться домой. Но, нѣтъ! предстояла еще церемонія, которой надо было подчиниться.

Губернаторша приблизилась ко мнѣ съ какою-то молодою, но слишкомъ полною для своихъ лѣтъ женщиной и познакомила насъ.

Это и была Зера-ханумъ, бывшая второй кадыной султана, который и выдалъ ее замужъ съ хорошимъ приданымъ, какъ полагается въ такихъ случаяхъ, за офицера изъ собственной свиты, назначивъ его комендантомъ крѣпости на островѣ Хіосѣ.

Красотой она не блистала: рыхлая, плохо сложенная, съ огромными, круглыми глазами, выраженіе которыхъ напоминало ястреба, и съ многочисленными слѣдами разнообразныхъ косметикъ на лицѣ—все это, вмѣстѣ взятое, не говорило въ пользу изящнаго вкуса Абдулъ-Азиса.

Что за причина была ея удаленія изъ гарема падишаха: надоѣла ли она повелителю или по интригамъ болѣе ловкой фаворитки—неизвѣстно. Но о бывшемъ супругѣ своемъ она говорила, какъ о совершенствѣ всѣхъ совершенствъ въ подлунномъ мірѣ.

Прежде всего, Зера чрезвычайно любезно пригласила меня посѣтить ее, обѣщая разсказать много интереснаго о прежнемъ своемъ житьѣ въ Дольма - Бахче. На мое счастье, она недурно говорила по-французски, а потому я охотно согласилась исполнить ея желаніе.

Элиме опять прилегла возлѣ меня, предлагая быть переводчицей, такъ какъ наступила очередь кадыни забавлять общество.

Бывшая фаворитка въ пламенныхъ выраженіяхъ описывала священную для нея особу падишаха, восхваляя его божескія качества, и клялась свѣтиломъ пророка, что ни одинъ смертный отъ начала вѣковъ не сумѣлъ бы придумать такихъ остроумныхъ и затѣйливыхъ развлеченій, какъ его величество Абдулъ-Азисъ.

— Такъ, однажды—разсказывала она — Валиде-султанша позвала насъ, главныхъ женъ, къ себѣ на парадный обѣдъ. Мы нарядились не хуже англійской королевы.

Пришелъ также и самъ повелитель живущихъ на землѣ, подобно солнцу, согрѣвая всѣхъ.

Евнухи поспѣшно внесли громадное блюдо пилава изъ молодого козленка,—облизнулась она, а за ней и остальныя, — но не успѣли еще поставить его на мѣсто, какъ вдругъ вся масса дымящагося риса колыхнулась, и оттуда съ громкимъ крикомъ вывалилось на скатерть что-то живое! Всѣ мы отъ ужаса хотѣли бѣжать; но султанъ тотчасъ же успокоилъ насъ. Смотримъ, и что же? На столѣ лежитъ и еле дышитъ нашъ крошечный карликъ, весь мокрый, обожженный паромъ и такой смѣшной: глаза склеились, а мордочка красная-красная, какъ у омара!—заливаясь неудержимымъ хохотомъ, закончила свое повѣствованіе Зера, и дружно вторили

ей турчанки, взвизгивая отъ восторга и прославляя мудрость падишаха.

— Какая жестокость!—невольно проговорила я съ отвращеніемъ.—И вамъ не жаль несчастнаго малютки?

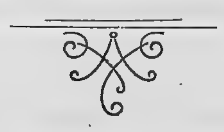
— Чего жаль? — искренно удивилась Элиме; — онъ—карликъ, а султанъ знаетъ, кому что полагается.

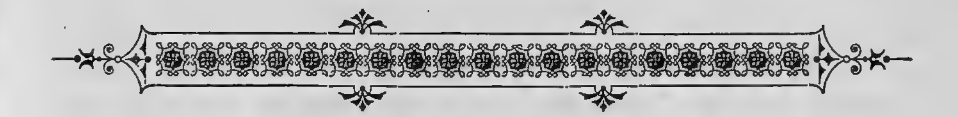
— Однако, надоѣли вы мнѣ съ вашими исторіями.—Лучше поѣдемъ домой,—разсердилась я.

— Ну, и собирайтесь, если вамъ скучно, а я еще хочу послушать о томъ, какъ однажды султанъ приказалъ негру откусить голову живому попугаю, и что послѣ этого случилось; но переводить больше не буду,—угрюмо замѣтила она и вся обратилась вслухъ, такъ какъ Зера-ханумъ продолжала разсказывать о приключеніяхъ изъ гаремной жизни на берегахъ Босфора.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ архива Виленскаго генералъ-губернаторства.

I.

КЪ РОДОСЛОВІЮ СКОБЕЛЕВЫХЪ.

(Донесеніе министру внутреннихъ дѣлъ виленскаго гражданскаго губернатора, датированное ноябремъ 1832 г. за № 899).

Частнымъ образомъ получивъ свѣдѣніе, что состоящій въ Ошмянскомъ Доминиканскомъ монастырѣ Іосифъ Скобелевъ (племянникъ г. генералъ-лейтенанта Скобелева) желаетъ поступить въ бѣлое духовенство и проситъ моего въ томъ ходатайства, отъ 6 числа сего ноября поручилъ я вновь назначенному въ Ошмянскій уѣздъ военному начальнику временнаго полицейскаго управленія отставному подполковнику Кастелянову, сближась съ монахомъ Скобелевымъ подъ предлогомъ, что можетъ ему содѣйствовать въ предстательствѣ у начальства о переводѣ его въ бѣлое духовенство, освѣдомился отъ самого его, какимъ случаемъ поступилъ онъ въ монахи р.-к. духовенства, тогда какъ родитель его долженъ быть греко-россійскаго исповѣданія.

Нынѣ подполковникъ Кастеляновъ доноситъ, что, какъ лично отъ монаха Іосифа Скоболева освѣдомился онъ, родитель его былъ маіоромъ россійскихъ войскъ, который, квартируя въ городѣ Вильнѣ, вступилъ въ законный бракъ съ дочерью помѣщика Сидоровича и при рожденіи у нихъ сына (настоящаго монаха) былъ онъ крещенъ находившимся тогда въ Вильнѣ архимандритомъ, имени коего не помнитъ, по смерти же отца оставался малолѣтнимъ и не болѣе 3-хъ лѣтъ былъ вывезенъ матерью изъ Вильны въ Свенцяны, гдѣ вторично окрещенъ по обряду р.-католической вѣры и послѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ, поступилъ въ Полоцкое училище къ іезуитамъ, кои безпрерывно внушали ему вступить въ ихъ орденъ, но по случаю воспослѣдовавшаго въ Россіи упраздненія ордена іезуитовъ поступилъ въ училище, состоящее въ Волынцѣ подъ присмотромъ ксендзовъ-доминикановъ, гдѣ по окончаніи наукъ вступилъ въ орденъ ксендзовъ-доминикановъ.

О чемъ Вашему Высокопревосходительству имѣю честь всепокорнѣйше донести съ такимъ присовокупленіемъ, что я не призналъ нужнымъ собирать дальнѣйшихъ справокъ и удостовѣреній, дабы не подать причины къ преждевременной огласкѣ настоящаго немаловажнаго по роду своему предмета, о которомъ обязываюсь испрашивать начальническаго разрѣшенія Вашего Высокопревосходительства. Григорій Доппельмайеръ.

II.

1. М. В. Д. Особенная Канцелярія по цензурной части 20 февраля 1826 г. № 23. Г. Литовскому военному губернатору.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы по одному экземпляру всѣхъ литературныхъ, историческихъ и политическихъ изданій, какъ-то: журналовъ, вѣдомостей, альманаховъ, публичныхъ листковъ и проч. было прежде всего по выпускѣ изъ типографій доставляемо издателями оныхъ или, въ отсутствіе сихъ, самими содержателями типографій въ Особенную Канцелярію М-ва Вн. Дѣлъ съ надписаніемъ на конвертахъ „нужное".

Сообщая Вашему Высокопревосходительству о таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, о учиненіи надлежащихъ распоряженій къ непремѣнному исполненію онаго.

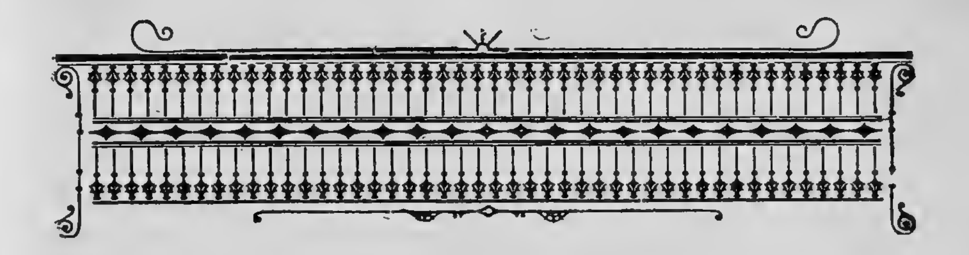
2. Та же Канцелярія. 13 мая 1826 г. № 101. Г. Литовскому военному губернатору.

Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что въ газетахъ, въ Россіи издаваемыхъ, помѣщаются статьи о политическихъ видахъ правительства нашего, столь же мало заслуживающія вѣроятія, сколь неосновательны слухи, изъ коихъ они почерпаются. Его Величество, находя таковыя статьи въ газетахъ нашихъ неприличными, Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ чрезъ г. начальника Главнаго Штаба своего о приказаніи цензурѣ принять за правило и строго наблюдать, дабы ни въ одной изъ газетъ, въ Россіи издаваемыхъ, отнюдь не были помѣщаемы статьи, содержащія въ себѣ сужденія о политическихъ видахъ Его Величества, допуская только тѣ сего рода, кои заимствуются изъ С.-Петербургскихъ Академическихъ газетъ или изъ „Journal de S.-Pétersbourg", издаваемаго при М-вѣ Ин. Дѣлъ.

Таковое Высочайшее Его И. В-ва повелѣніе честь имѣю сообщить Вашему Высокопревосходительству для учиненія надлежащихъ распоряженій къ непремѣнному онаго исполненію.

Сообщ. Ю. В. Татищевъ.

Командировка дивизіона лейбъ-драгунъ въ Финляндію въ г. Вильманстрандъ въ лагерь финскихъ войскъ въ 1888 году.

13 іюля 1888 г.

Хюва пейва? Юмаланда ху!
(Встрѣчное привѣтствіе финновъ).

Въ виду обострившихся теперь донельзя нашихъ отношеній съ Финляндіей, можетъ быть не безъинтересно будетъ читателю познакомиться съ прилагаемымъ небольшимъ воспоминаніемъ моимъ о двухъ-недѣльномъ, болѣе чѣмъ пріятно проведенномъ времени въ этой странѣ. Интеллигенція, по крайней мѣрѣ въ лицѣ ея офицеровъ, солдаты да и крестьяне выказывали намъ тогда сильнѣйшую симпатію и радушіе, и объ возможности того случая, какъ напр. убійство русскаго генералъ-губернатора Н. И. Б., происшедшаго значительно позже, тогда въ описываемое время двадцать одинъ годъ назадъ, странно бы было и подумать! Кто тутъ виноватъ, не мнѣ судить! Впрочемъ, спѣшу оговориться, что и въ то время, судя по слухамъ и даже газетамъ, въ нашихъ отношеніяхъ съ финляндцами не все было ладно. Слышно было о частыхъ столкновеніяхъ, доходившихъ до дракъ между студентами и русскими моряками въ Гельсингфорсѣ. Разсказывали даже, что финскій судъ приговорилъ одного русскаго надворнаго совѣтника, проживавшаго въ Финляндіи на дачѣ, какъ бы вы думали къ чему? выпороть!

Для исполненія этого приговора суда, будто, была послана въ департаментъ, гдѣ служилъ означенный надворный совѣтникъ, пригласительная бумага. Вышелъ громоносный скандалъ, финны же отписались тѣмъ, что у нихъ это произошло отъ незнанія русскаго языка, т. к. они надворнаго совѣтника приняли за дворника. Инте-

*

ресно, могло ли бы что-нибудь подобное у насъ произойти, если бы премьеръ-министромъ былъ бы у насъ прусскій Бисмаркъ, потерявшій бы конечно при этомъ отъ негодованія свои извѣстные три послѣдніе волоска на головѣ! Видимо за 21 годъ система славянской кротости и непротивленія злу по отношенію къ покоренной Финляндіи нашего правительства онаглила первую до нынѣшняго уже почти невыносимаго положенія.

Повторяю, что, несмотря на все только-что сказанное, мы лично тогда въ 1888 г. не испытали на себѣ и не замѣтили со стороны финновъ всѣхъ классовъ общества ни тѣни какого-либо недружелюбія или затаенной вражды, а скорѣе напротивъ того, — полное доброжелательство и радушіе. Во время турецкой кампаніи у финновъ собственныхъ войскъ былъ только одинъ гв. Финскій стрѣлковый баталіонъ, сформированный съ Севастопольской кампаніи, принимавшій участіе въ этой войнѣ, но очень кратковременное, т. к. его вернули съ Балкановъ на родину, по случаю будто образовавшейся у чиновъ этого баталіона тоски по родинѣ?! Затѣмъ послѣ войны въ 1883 г. было образовано опять таки изъ однихъ финновъ еще восемь армейскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Всѣ эти баталіоны собирались въ лагерь подъ Вильманстрандомъ одинъ разъ въ три года. Кавалеріи при нихъ не было никакой, и вотъ, чтобы познакомить ихъ съ таковою, и состоялась командировка въ этотъ лагерь нашего дивизіона драгунъ.

Еще раннею весною 1888 г. прошелъ слухъ, что наши драгуны пойдутъ лѣтомъ въ Финляндію, но какіе эскадроны, на какой срокъ и вообще пойдутъ ли даже, все это невѣрно и въ точности было не извѣстно. Такая неизвѣстность продолжалась чуть ли не до кануна выступленія назначенныхъ перваго и второго эскадроновъ нашего полка, при чемъ 1-й эскадронъ выступилъ въ ту же ночь послѣ продолжительнаго смотра днемъ въ присутствіи германскаго Императора 12 іюля. Вотъ этотъ самый пріѣздъ и смотръ Императора германскаго Вильгельма и порождалъ неизвѣстность выступленія драгунъ въ Финляндію, начальству было не до того и все, за исключеніемъ встрѣчи, чествованія и проводовъ Вильгельма, затемнялось и отодвигалось на задній планъ. Зато лишь кончился смотръ кавалеріи въ присутствіи обоихъ Императоровъ, нашего и германскаго, какъ вспомнили и про Финляндію, и 1-й эскадронъ, не отдохнувъ послѣ смотра, въ ту же ночь отправился за 40 верстъ въ Петербургъ грузиться на Финляндскую желѣзную дорогу. На долю моего 2-го эскадрона выпала лучшая участь, т. к. онъ выступилъ, отдохнувъ день послѣ смотра, кромѣ того ночевалъ 13-го въ кавалергардскихъ казармахъ и лишь

14-го іюля утромъ нагружался въ вагоны Финляндской желѣзной дороги. Командировка наша улыбалась какъ офицерамъ, такъ и солдатамъ нашимъ, т. к. гораздо пріятнѣе было провести намъ пятнадцать дней въ новой невѣдомой странѣ и обстановкѣ, чѣмъ бороздить за это время взадъ и впередъ все то же Красносельское военное поле и его окрестности. Эскадронъ мой въ самомъ радужномъ настроеніи выступилъ изъ д. Нижній, мѣста своей стоянки въ лагерѣ, въ пять часовъ по полудни. Интересно, руководствуясь какою грамматикою чухонская деревня наша называлась „Нижній", названіе это было оффиціально подписано и на дощечкѣ у входа въ деревню. Если деревня, то должна бы быть „Нижняя", наконецъ „Нижнее", но ужъ никакъ не „Нижній". Пройдя военное поле, эскадронъ втянулся въ кажется единственную и безконечную улицу Краснаго Села, вызванные пѣсельники пѣли особенно дружно. Это вызвало кое-гдѣ вышедшихъ поглазѣть на впрочемъ уже пріѣвшуюся имъ картину проходящаго эскадрона, долговязыхъ кирасиръ. Налѣво у штаба нашей дивизіи вышелъ и нач-къ ея, нашъ добродушный старичекъ В. и вдругъ совершенно неожиданно поздоровался съ эскадрономъ словами: „здорово, молодцы гренадеры!" Всѣ пришли въ недоумѣніе, тѣмъ не менѣе, солдаты, какъ всегда, отвѣтили на привѣтствіе дружно.

Смѣшать драгунъ съ гренадерами было болѣе, чѣмъ странно и непонятно, разница огромная и въ формѣ, и въ лошадяхъ, ихъ сортѣ и масти. Нескончаемая улица съ ея неказистыми, безпорядочными постройками селъ Проташинскаго и Павловскаго, изъ которыхъ собственно и составилось Красное Село, подъ конецъ порядочно-таки надоѣла намъ. Отъ военнаго поля до церкви идутъ еще красивыя и интересныя постройки различныхъ штабовъ, дворцовъ, а затѣмъ направо и налѣво тянутся не то кабаки, не то грязные постоялые дворы, и видно, что, кромѣ стоящихъ тутъ постоекъ кирасиръ, живутъ здѣсь какія-то темныя личности и живетъ большинство ихъ здѣсь лишь временно—лѣтомъ. Личности эти, какъ саранча насѣла на гвардейскіе полки, съ уходомъ которыхъ изъ лагеря и вся эта мразь оставляетъ свои грязныя конуры и перелетаетъ индѣ за недостаткомъ матеріала для эксплоатаціи. Подрядъ видны грязныя вывѣски разныхъ торгашей и ремесленниковъ, преимущественно евреевъ, портныхъ, сапожниковъ, часовщиковъ и т. п.

До знаменитой 11-й версты отъ Петербурга, гдѣ стоитъ сумасшедшій домъ, идти еще было сносно, потомъ же въ деревняхъ Автовѣ, Тентелевѣ, обратившихся съ возрастаніемъ Петербурга въ его предмѣстія, и до Тріумфальныхъ воротъ, верстъ пять, мы двигались въ какомъ-то душномъ сѣромъ мракѣ, отъ пыли и чада на-

ходящихся здѣсь фабрикъ и заводовъ; до поливки же шоссе, какъ это дѣлается въ городѣ, деревенская администрація Автова и Тентелева тогда еще не доросла. Особенно старается портить воздухъ огромный чугунно-литейный заводъ налѣво, внутренность котораго даже издалека представляется какимъ-то адомъ кромѣшнымъ; что-то безъ отдыха тамъ шумитъ, кипитъ и горитъ. Бѣдные рабочіе, чѣмъ только они дышатъ тамъ въ этомъ пеклѣ, когда и на улицѣ стоитъ іюльская духота, пыль и смрадъ большого города. За Тріумфальными воротами начался уже порядокъ болѣе или менѣе благоустроеннаго города: мостовая подметена и полита, дышать стало легче. Вскорѣ появился полицейскій чинъ, ожидавшій, почему-то, по его словамъ, прихода эскадрона съ 3-хъ часовъ дня, а было это 11 часовъ вечера! Можно научиться терпѣнію! Чиновникъ этотъ ѣхалъ на извозчикѣ и указывалъ эскадрону путь, иначе, при нѣсколько скудномъ лѣтнемъ освѣщеніи столицы и не твердомъ ея знаніи, мы бы не скоро добрались до своей цѣли—кавалергардскихъ казармъ.

Эскадронъ шелъ по городу не безъ эффекта, такъ какъ всякое встрѣчное намъ движеніе полицейскій пріостанавливалъ. Благодаря относительной темнотѣ, эскадронъ какъ бы утроился и протянулся по улицѣ такъ, точно ему и конца не было. Обыватели съ недоумѣніемъ смотрѣли, куда это, въ такое неурочное позднее время двигается конница. Солдаты мои тоже съ любопытствомъ таращили свои глаза на грандіозныя зданія столицы. Только около часу ночи, послѣ восьми-часового похода, мои драгуны слѣзли у кавалергардскихъ казармъ, что на Захарьевской. Здѣсь обязательный квартирмейстеръ кавалергардскаго полка, поручикъ Г., указалъ эскадрону конюшню и все необходимое, а заранѣе высланный кашеваръ хохолъ „Коврига“, приготовилъ уже сильно проголодавшимся солдатамъ улучшенный ужинъ. На другой день, 14-го іюля, въ 8 часовъ утра, эскадронъ потянулся справа по три по Захарьевской, Литейной и т. д. къ Финляндскому вокзалу. Лошадей погрузили въ вагоны не болѣе, какъ въ полтора часа времени, артачившихся здоровенные молодцы драгуны мигомъ, чуть не на рукахъ, вносили въ вагонъ. Въ вагоны на Финляндской жел. дор. ставятъ лишь по 6-ти лошадей. На вагонахъ подписи уже не русскія. Съ одной стороны дверей написано 6 hevosti, а съ другой — 6 stare, предоставляю лингвистамъ разобраться, которая надпись по-шведски и которая по-фински, какъ можно догадаться. На Финляндскомъ же вокзалѣ, согласно совѣта, пришлось помѣнять на финскія нѣсколько русскихъ денегъ, марку давали за 43 копейки, это вмѣсто 25 коп.

Не слишкомъ ли церемонились мы съ финнами, если послѣд-

нихъ забавляло имѣть собственную монету, то пускай хоть имѣли бы и принудительный курсъ при размѣнѣ ея на русскую. Я впрочемъ плохой финансистъ и не знаю, осуществимо ли бы это было на практикѣ.

Въ 12 ч. 15 м. финскій кондукторъ въ европеизированной формѣ далъ свистокъ, и поѣздъ тронулся, повезъ онъ трехъ офицеровъ, 142 драгуна и 140 лошадей. Сначала за Петербургомъ слѣдовали извѣстныя дачныя мѣста и станціи: Удѣльная, Ланская, Озерки, но вскорѣ пошли уже станціи съ специфическими финскими названіями: Теріоки, Райвола и всяческія Ярви. Выданный намъ заранѣе подробный маршрутъ слѣдованія нашего воинскаго поѣзда съ точнымъ указаніемъ остановокъ и мѣстъ для водопоя лошадей оказался совершенно перепутаннымъ: гдѣ, напр., назначены водопои, поѣздъ почему-то почти не стоялъ на станціи и наоборотъ, при чемъ ѣхавшій съ нами для порядка и всяческаго содѣйствія ротмистръ, комендантъ поѣзда, ни этому порядку, да ничему для насъ полезному совершенно не способствовалъ. Освѣдомленнымъ онъ оказался меньше нашего, по крайней мѣрѣ, онъ насъ же разспрашивалъ: „Вы не знаете, гдѣ будетъ большая остановка?“ или „Когда мы будемъ въ Выборгѣ?“ Своими не къ лицу фатоватыми манерами, а главное, небрежно обиднымъ обращеніемъ съ этими чухнами, какъ онъ называлъ поѣздную прислугу и чиновниковъ на станціяхъ, ротмистръ этотъ, конечно, не могъ способствовать зарожденію симпатіи къ намъ, русскимъ, со стороны финляндцевъ. Самая физіономія нашего коменданта поѣзда отъ искренняго или напускного будированія имѣла такое выраженіе, какъ будто онъ все время нюхалъ что-то непріятное. На остановкахъ люди выпускались по сигналу трубача-ученика, хорошіе же трубачи остались при полку въ Красномъ Селѣ. За то, я думаю, впервые Финляндія огласилась за нашъ проѣздъ такими фальшивыми звуками кавалерійской трубы! Трубачъ этотъ, послѣ нѣсколькихъ киксовъ или тщетныхъ попытокъ произвести желанный звукъ, наконецъ издавалъ его кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ, при чемъ, начавъ сигналъ въ одномъ тонѣ, обязательно оканчивалъ его въ другомъ. Разъ предательская труба сигналиста издала такой необыкновенный звукъ, что заставила заговорить даже извѣстнаго молчальника солдата Гусева, онъ сплюнулъ и изрекъ: „Ну и играетъ, чортъ!“ По приходѣ на станціи солдатъ трудно было удержать въ вагонахъ, все это рвалось поглазѣть поближе на новое. Не меньшее любопытство написано было на мордахъ высунувшихся кое-гдѣ изъ не притворенныхъ дверей вагоновъ лошадей. Нѣкоторые глаза „Васекъ“, „Мишекъ“ и „Машекъ“, какъ обыкновенно ласкательно зовутъ своихъ лошадей вла-

дѣльцы ихъ, казалось, только-что не говорили: „А вѣдь любопытно, право!“ По бокамъ, однако, большею частью тянется очень однообразная лѣсистая мѣстность. Около семи часовъ вечера показались постройки Выборга, по-фински „Випури“.

Поѣздъ остановился, не доходя нѣсколькихъ сотенъ шаговъ до вокзала, вѣроятно, на запасномъ пути, такова уже обыкновенно участь воинскихъ поѣздовъ въ этомъ случаѣ, участь оставлять дорогу для публики почище. Офицерство наше бросилось на вокзалъ, чтобы успѣть поужинать, тѣмъ болѣе, что и поѣздъ, вмѣсто обѣщанныхъ 40 мин. маршрутомъ, стоялъ только 20 мин. На вокзалѣ, кромѣ холодной, правда, довольно обильной закуски, другого готоваго ничего не оказалось. Мы прилегли на закуску, стараясь непремѣнно все выставленное съѣсть, по крайней мѣрѣ, чтобы было понятнѣе, какъ придется расплачиваться, а то гдѣ же запомнить, сколько каждый и именно чего взялъ кусочковъ изъ закуски, да и съ прислугою, ничего не понимающею по-русски, тоже не разговоришься. За всю закуску взяли семь марокъ, по курсу около 3-хъ рублей, что вышло вовсе недорого, такъ какъ насъ закусывало и хорошо закусило цѣлыхъ шесть человѣкъ. Отъ станціи Симола поѣздъ нашъ видимо оставилъ главный путь на Гельсингфорсъ и круто поплылъ на сѣверъ, а черезъ полтора часа, т. е. въ 9 час. 20 мин. вечера, подкатилъ къ деревянной платформѣ вокзала г. Вильманстранда, Красному Селу финскихъ войскъ. Кругомъ масса финскаго офицерства въ ихъ скромныхъ мундирахъ, множество дамъ. Встрѣчу и пріемъ сдѣлали намъ такой, что не знаешь, что дѣлать и какъ тутъ благодарить. Генералы представляются сами, финскіе солдаты не даютъ переносить вещи нашимъ драгунамъ, а сами ихъ подхватываютъ, дамы гладятъ выводимыхъ и немного очумѣвшихъ отъ путешествія въ вагонахъ лошадей нашихъ, а нѣкоторыхъ даже кормятъ сахаромъ. Всѣ мы, какъ офицеры, такъ и солдаты тотчасъ же приглашены къ столу. Особенно я радовался за своихъ солдатъ, вѣроятно, страшно проголодавшихся, такъ какъ ѣли они, даже обѣдали въ этотъ день еще въ Петербургѣ, въ семь часовъ утра, до выступленія изъ кавалергардскихъ казармъ для нагрузки въ поѣздъ. Время обѣда по необходимости было выбрано для нихъ далеко не аристократичное!

Выведенныхъ изъ вагоновъ лошадей привязали уже почти въ полной темнотѣ тутъ же у изгороди, при нихъ оставлено необходимое число драгунъ для присмотра, остальные всѣ направились къ тутъ же недалеко, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ, разставленнымъ въ сосновой рощѣ войскового лагеря и положительно ломящимся отъ питій и яствъ столамъ. Столы для солдатъ освѣщены свѣчками,

покрыты скатертью и сервированы не по-нашему: тарелки мелкія, глубокія, чашки, вилки, ножи и ложки; на каждаго драгуна отдѣльный сервизъ, словомъ, какъ говорится, „Европа, да и только!“ Извѣстно, что, въ противность вышеописанному, наши, какъ крестьяне, такъ и солдаты хлебаютъ по нѣсколько человѣкъ изъ одной миски, въ зависимости отъ величины ея и, кромѣ деревянной ложки, другихъ приспособленій для ѣды не употребляютъ. Угощеніе солдатамъ вышло на славу, подавалось: картофельный супъ, пироги, два мясныхъ блюда, пиво и водка. Одинъ старослужащій фельдфебель-финнъ, съ чаркой въ рукѣ, держалъ рѣчь, обращенную къ нашимъ драгунамъ, примѣрно въ такихъ словахъ: „Ми рады молодцы-драгоны, что ви пріекали къ намъ. Ви будетъ показывайтъ нашимъ молодымъ золдатамъ, какъ защищаться имъ противъ атакъ кавалеріи“... и еще что-то въ такомъ родѣ; затѣмъ, конечно, „пьемъ ваше здоровье!“ По настоящему и моему молодому вахмистру слѣдовало на рѣчь отвѣтить рѣчью, но гдѣ же было ему это исполнить, да еще экспромптомъ; я поспѣшилъ выручить его, крикнувъ, обращаясь къ своимъ драгунамъ: „За здоровье, братцы, молодецкаго финскаго войска, столь радушно встрѣтившаго насъ“. „Ура!“ „Ура“ подхвачено дружно. Впрочемъ, драгуны не менѣе дружно, но, къ сожалѣнію, совершенно несвоевременно гаркнули „ура“ за самихъ же себя, когда его провозгласилъ финскій фельдфебель въ концѣ своей рѣчи за драгунъ же, обращаясь къ своимъ финляндцамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что они, какъ и нужно было ожидать, изъ рѣчи фельдфебеля ровно ничего не поняли. Насъ, офицеровъ обоихъ эскадроновъ, тоже повлекли упитывать и упаивать въ офицерскій клубъ, расположенный тутъ же недалеко въ хорошенькомъ павильонѣ.

Симпатичный, слоноподобный первоприсутствующій генералъ N. усиленно приставалъ къ намъ, чтобы мы больше пили, говоря, что иначе онъ пожалуется нашему шефу, которому онъ обязанъ потомъ дать во всемъ отчетъ. „Вы знаете, господа, что я, сознаюсь откровенно, — говорилъ онъ,—и въ люди вышелъ потому, что умѣю хорошо пить; такихъ любятъ“. Красная, точно налитая виномъ, громадная туша бѣлокураго генерала и безъ его словъ свидѣтельствовала о его вкусахъ и увлеченіяхъ. Кстати, генералъ N. вспомнилъ былое время, когда онъ, будучи еще корнетомъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка, стоявшаго тогда еще не въ Варшавѣ, а у насъ же, на Волховѣ, отбывалъ свой арестъ по сосѣдству съ расположеніемъ своего полка, въ штабѣ нашего полка. „Весь арестъ свой провелъ я, — говорилъ N., обращаясь къ намъ, — не выходя изъ-за карточнаго и закусочнаго стола; и я, какъ вашъ должникъ,

обязанъ теперь угощать васъ, насколько только это возможно". Между прочимъ, какъ нарочно, составъ нашего наличнаго офицерства былъ тогда, кромѣ двухъ, самый трезвенный, начиная съ командира нашего дивизіона, милѣйшаго полковника Г., сохранившаго, можетъ быть благодаря этому, и въ сорокъ лѣтъ розовыя щеки, свѣжесть и невинность вкуса малаго ребенка, такъ какъ засыпалъ ежедневно со сладкими бульдегомами во рту и подъ подушкой. Придравшись къ тому, что эскадронъ пора и необходимо мнѣ вести лично на ночлегъ, я, однако, все-таки не ранѣе, какъ часа черезъ полтора вырвался изъ гостепріимнаго финляндскаго клуба. У солдатскихъ столовъ еще кое-кто изъ драгунъ, вѣроятно, дежурныхъ и дневальныхъ, не попавшихъ въ первую очередь угощаться, доужиновали. Прокричавъ еще „ура" за гостепріимныхъ хозяевъ, несмотря на темноту (было 12 часовъ ночи), привычные драгуны живо пооседлали лошадей, и мы, по указанію любезнѣйшаго капитана Л., почти общаго знакомаго нашей молодежи, которую онъ, еще совсѣмъ недавно, обучалъ стрѣлковому дѣлу въ кавалерійскомъ училищѣ,—потянулись съ громкими пѣснями по невѣдомымъ мѣстамъ къ невѣдомой стоянкѣ нашей. Направо и налѣво отъ дороги, недалеко за городомъ, тянутся маленькіе поселки, въ которыхъ, несмотря на темноту, уже замѣтны слѣды расположенной конницы: то былъ нашъ 1-й эскадронъ; кое-гдѣ видны кучки выгребеннаго изъ конюшенъ внаружу соломистаго конскаго навоза; на черномъ фонѣ неба чернѣются все-таки затѣйливыя вывѣски изъ соломы, нѣкоторое подобіе хоругвей, на которыхъ условно красивыми кисточками обозначены №№ взвода и число расположенныхъ въ одной конюшнѣ лошадей. Пройдя около двухъ верстъ отъ города, эскадронъ разбился на двѣ части: одинъ полуэскадронъ пошелъ со всѣми офицерами въ д. Ювака, а другой—съ однимъ вахмистромъ, за неимѣніемъ офицерскихъ квартиръ, въ д. Куруламяки. Въ означенныхъ деревняхъ мы нашли уже все приготовленнымъ къ нашему приходу: для кухонь сложены новыя печи; офицерскія квартиры вымыты и вычищены; все предусмотрѣно до мельчайшихъ подробностей; заготовлены дрова, доски, гвозди различной величины и даже уголь для самовара. Подобная предупредительность очень пріятно подѣйствовала на насъ, столь мало избалованныхъ въ этомъ отношеніи пріемомъ нашихъ собственныхъ чухонъ въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ. Способъ стройки у крестьянъ—такой же, какъ, напримѣръ, у колонистовъ - латышей въ Новгородской губерніи: поселки все небольшіе, живутъ хуторами, вмѣстѣ не болѣе двухъ-трехъ семействъ, что такъ подходитъ къ нелюдимости финскаго крестьянина. Между этими скучными поселками и развеселою, осо-

бенно въ праздникъ, широкою и длинною улицей русской деревни, съ шумящими на ней заведеніями, гармониками и хороводами дѣвокъ, ничего нѣтъ общаго. Здѣсь праздникъ узнается только потому, что кое-гдѣ изъ домовъ обывателей слышится гнусавое, точно похоронное, пѣнье псалмовъ.

Впрочемъ, финляндскій крестьянинъ тоже, говорятъ, много пьетъ, при чемъ дуетъ онъ чуть не голый спиртъ; но и вино его скучное, замкнутое, такъ сказать не экспансивное — ни крика, ни пѣсенъ, ни ругани; хотя пустить въ дѣло свой финскій ножъ онъ, говорятъ, долго не задумается. Интеллигенція, обыкновенно болѣе обезпеченная сравнительно съ крестьянами, и пьетъ больше ихъ; сколько уничтожается ею шведскаго пунша — говорятъ, уму непостижимо. Самое количество и разнообразіе возбуждающихъ жажду закусокъ, обыкновенно подаваемыхъ вездѣ въ Финляндіи, показываетъ, что финская нація умѣетъ пить и много пьетъ. У трехъ хозяевъ нашихъ, собственно и составляющихъ со своими семьями всю деревню Ювакки, дома не выходятъ даже на дорогу, а построены нѣсколько въ сторонѣ отъ нея; кругомъ каждаго дома настроена цѣлая система сарайчиковъ всѣхъ калибровъ, обступившихъ точно дѣти свою мать. Архитектура строеній, впрочемъ это и не у однихъ мужиковъ, очень не затѣйлива: дома построены коробочками, съ мелкими крышами, безъ всякихъ выступовъ и балконовъ. Странно, что красота природы, хотя и угрюмоватая, совершенно не отразилась на развитіи у финляндскаго населенія архитектурнаго изящества.

Въ финскомъ народѣ, видимо, сравнительно съ нашимъ болѣе развито уваженіе къ законности и чужой собственности. Мнѣ случалось видѣть навѣшенные замки на животрепещущія, чуть не изъ жердочекъ сдѣланныя, подобія воротецъ въ такомъ же, даже не сплошномъ, заборѣ, что-то отдѣляющемъ. Низкій заборецъ этотъ можно было не только вездѣ перелѣзть, но даже и пройти въ его перерывахъ. Однако, замокъ виситъ, и если онъ ничего не запираетъ —значитъ, это не болѣе, какъ символъ, что проходить тутъ нельзя. Вѣроятно, и не проходятъ, иначе зачѣмъ же было вѣшать и самый замокъ. Въ будни жителей почти не видно—они бываютъ на работѣ. Въ праздники мы увидѣли всѣхъ нашихъ сѣверныхъ венгерцевъ (вѣдь, финны — одного съ нимъ племени: я видѣлъ и тѣхъ, и другихъ). Но, Боже мой, что за разница! Благодатный югъ первыхъ изъ того же племени сдѣлалъ чуть-ли не поголовныхъ красавцевъ, съ ихъ огненными черными глазами и молодецкими, быстрыми ухватками. Здѣсь же—почти сплошное безобразіе: угловатыя черты лица, съ безжизненными, какъ у варенаго судака, глазами. Въ pendant къ этому,—конечно, и вялость во всѣхъ дви-

женіяхъ и ухваткахъ. Мужчины, вѣроятно, для того, чтобы еще болѣе походить на обезьянъ, выбриваютъ себѣ усы, баки и бороду, и, понятно, выбриваютъ не чисто и не очень часто, оставляя расти волосы лишь сзади, за щеками и подъ подбородкомъ. По-русски крестьяне говорятъ и понимаютъ очень мало; ихъ же прекрасная половина, какъ болѣе консервативная и болѣе сидящая дома—абсолютно по-русски ни гу-гу.

Очень интересны здѣсь книксены, дѣлаемые при привѣтствіяхъ финскими бабами. Откуда только онѣ переняли эти институтскія манеры?!

На другой день, облекшись въ парадную форму, отправились мы явиться по начальству и отвизитировать, по крайней мѣрѣ, старшихъ, т.-е. командировъ баталіоновъ. Всѣхъ по финляндскому выговору „патальона", батальоновъ, девять, одинъ изъ нихъ гвардейскій, всѣ они стрѣлковые.

Армейскіе стрѣлковые баталіоны назывались по городамъ и губерніямъ, гдѣ они формируются и стоятъ, напр. Абоскій, Куопіоскій, Нюландскій и т. д. Батальоны эти со всѣхъ концовъ Финляндіи собирались въ лагерь подъ Вильманстрандъ въ три года разъ. Говорятъ, во всей пересѣченной Финляндіи нашлось только подъ Вильманстрандомъ небольшое военное поле въ полторы версты длиною и въ полъ-версты шириною, пригодное для устройства лагеря и производства обученія для такого сравнительно большого количества, какъ 9 баталіоновъ пѣхоты, войскъ. Лагерь былъ расположенъ въ прекрасной сосновой рощѣ и щеголялъ своимъ порядкомъ и чистотою. На наше счастье мы почти никого дома не застали, т. к. всѣ въ это время обѣдали въ клубѣ, что значительно сократило наше время визитовъ. Затрудненіе главное представлялось въ томъ, что опрашиваемые солдаты ничего не понимали по-русски, спасибо подвернувшемуся тутъ финскому офицеру, адъютанту съ эксельбантами,—финскіе офицеры всѣ говорятъ по-русски,—который, во-первыхъ сообщилъ намъ фамиліи батальонныхъ командировъ, фамиліи эти всѣ были въ родѣ: „Кремеръ, Бремеръ, Дремеръ" и, конечно, уже Прокопе, фамилія, кажется, особенно излюбленная въ Финляндіи; во-вторыхъ, научилъ насъ спрашивать у солдатъ не командира, а примѣняясь къ финскому, произносить „комендоръ", тогда, молъ, только солдаты поймутъ насъ. Совѣтъ его намъ вполнѣ пригодился. На другой же день эти комендоры намъ отдали визитъ. За время нашего пребыванія въ Вильманстрандѣ финскіе офицеры положительно носили насъ на рукахъ, куда только не покажешься, начинаютъ усиленно угощать, а въ ресторанахъ не позволяли расплачиваться. Вскорѣ, однако, это ужасно надоѣло и стѣс-

няло до безконечности, порождая необходимость не выходить цѣлые дни изъ мундира и все расплачиваться визитами. Изъ чествованій, нами полученныхъ, а для меня не пьющаго, вѣрнѣе сказать, претерпѣнныхъ, особенно выдѣлился вечеръ, данный финскими офицерами, и вечеръ, данный артиллеристами русской бригады, т. к. у финновъ своей артиллеріи совсѣмъ не было. Вечеръ у финновъ былъ безъ дамъ съ исключительною цѣлью выпить. На вечерѣ выпито масса вина, произнесена масса рѣчей все больше по нашему адресу. Прекрасныя рѣчи говорилъ генералъ А., к—ръ гвардейскаго батальона, онъ академикъ и отлично владѣетъ русскимъ языкомъ, грудь его украшена офицерскимъ Георгіемъ за Хивинскую кампанію.

Какъ онъ попалъ въ послѣднюю, А. объяснилъ это тѣмъ, что онъ всегда стремился туда, гдѣ пахнетъ порохомъ, отъ себя прибавимъ, и гдѣ пахнетъ вѣроятно виномъ. Генер. А. своей колоссальною фигурой выдѣлялся среди финскаго офицерства, онъ умудрился почти всѣхъ ихъ перерости, хотя это было не такъ-то легко, т. к. между ними крупные люди не въ рѣдкость. А съ его бѣлыми, какъ ленъ, нѣсколько вьющимися волосами, голубыми глазами, розовыми пухлыми щеками и съ вообще весьма правильными чертами напоминалъ даже херувима. Рѣчь А. въ честь нашего полка сказалъ блестящую, тутъ была и кровь молодыхъ нашихъ офицеровъ, убитыхъ подъ Новачиномъ въ послѣднюю Турецкую кампанію на защищаемыхъ ими орудіяхъ, тутъ была и наша теперешняя блестящая служба въ мирное время, тутъ была и благодарность финскаго войска августѣйшему шефу нашему начальнику всей гвардіи, приславшему какъ особенную милость этому войску именно эскадроны своего полка. Говорилъ А. чуть не цѣлый часъ, говорилъ складно, увлекательно, выказавъ при томъ отличную память и основательное знаніе дѣйствій гвардіи въ войну 1877—1878 гг. вообще, а нашего полка въ особенности. Своею рѣчью А. сумѣлъ настроить всю аудиторію, такъ что мы должны были вырасти въ глазахъ ея въ какихъ-то героевъ, становилось даже не ловко, т. к. взгляды и вниманіе присутствующихъ, а ихъ было болѣе сотни, были устремлены на нашу маленькую кучку изъ семи всего человѣкъ представителей нашего полка. Во время рѣчи наэлектризированные своимъ ораторомъ финны то и дѣло восторженно поддакивали ему возгласами „браво"! или „вѣрно"! а по окончаніи рѣчи бросились особенно сердечно пить за наше здоровье. Отвѣчалъ на рѣчь А. нарочно пріѣхавшій на этотъ день нашъ остзейскій нѣмецъ, командиръ, и, будучи старшимъ представителемъ нашего русскаго полка, говорилъ по-русски хуже всѣхъ ораторовъ, природныхъ финновъ, не говоря уже про Демосѳена А. Свою не-

складную рѣчь командиръ нашъ уснащалъ по обыкновенію своими досадными вставками: э, э, э! а началъ рѣчь съ того, что онъ отказывается и не въ правѣ считать себя природнымъ драгуномъ, это, конечно, и вѣрно, но, казалось бы, въ данный моментъ лучше бы этого было не подчеркивать, а главное досадно то, что, сказавъ отвѣтную рѣчь, онъ этимъ отнялъ возможность произносить таковую нашему рѣчистому полковнику дивизіонеру, который не преминулъ бы скрасить эту рѣчь, конечно, какимъ-нибудь экспромптнымъ стихомъ.

На финскомъ вечерѣ присутствовали оба брата графа Г. Одинъ изъ нихъ былъ самъ генералъ-губернаторъ Финляндіи. Послѣдній одѣтъ былъ въ формѣ гвард. финскаго стрѣлковаго баталіона, хотя, кажется, никогда въ немъ не служилъ.

Генералъ-губернаторъ, очень почтенный старый человѣкъ съ бѣлыми волосами и бородой, внимательно прослушивалъ всѣ рѣчи и тщательно ихъ записывалъ, будучи самъ стенографомъ.

Другой братъ генералъ-губернатора изображалъ изъ себя совершенно согбенную высохшую развалину въ формѣ адмирала, и какъ это ни странно, развалина эта все время мурлыкала себѣ подъ носъ мотивчики изъ оперетокъ.

Корпусный к-ръ, природный, съ глазами на выкатѣ, бѣлокурый, могучій, тоже налитый шведскимъ пуншемъ, финнъ или шведъ, хотя и съ венгерской фамиліей. Этотъ былъ ужъ совсѣмъ не рѣчистъ и всякимъ рѣчамъ предпочиталъ усиленное опоражниваніе бокаловъ вина. Когда ему по его высокому по табели о рангахъ положенію приходилось сказать рѣчь, онъ былъ кратокъ: „Г.г., выпьемъ за здоровье такого-то или такихъ-то,“ затѣмъ гаркнетъ натужившись такъ, что при его комплекціи становилось страшно, чтобы ему не лопнуть; „ура“! и сразу опрокинетъ бокалъ въ ротъ. На русскія рѣчи на этомъ финскомъ вечерѣ вообще очень не везло. Четыре рѣчи нашихъ старшихъ русскихъ артиллеристовъ были изъ рукъ вонъ плохи. Одному батарейному к-ру мѣшала говорить нестерпимая отрыжка и икота; тутъ уже не до рѣчи, другой батарейный предложилъ выпить за что-то русскую чашу, это въ финскомъ-то клубѣ и на финской посудѣ?! Сильно охмѣлившій толстый, артиллерійскій капитанъ предложилъ, для меня, по крайней мѣрѣ, уже совершенно непонятный, тостъ не то за трехъ дѣвушекъ, не то за трехъ дѣдушекъ финской арміи: „какого-то Гольфстрема, Кольдстрема и еще какого-то Стрема“?!

При чоканіи финляндцы вмѣсто Кавказскаго „Алаверды“ приговариваютъ неизмѣнно „скоу“. Можете представить, какъ они приставали къ намъ съ этимъ своимъ „скоу“. Вскорѣ на вечерѣ же

была получена отвѣтная телеграмма нашего августѣйшаго шефа: „Благодарю финскія войска за радушный пріемъ, сдѣланный моимъ дорогимъ драгунамъ".

Не дуренъ былъ на вечерѣ городской бургомистръ, его штатскій костюмъ, на плотной, опять таки обильно, вѣроятно, вспоенной пивомъ и шведскимъ пуншемъ, фигурѣ съ наидобродушнѣйшей въ мірѣ, плоской и красной, физіономіей, рѣзко бросился въ глаза среди исключительно однихъ военныхъ людей.

Едва произнесли въ рѣчи, сказанной по-русски въ честь его, его фамилію и должность, какъ бургомистръ нашъ превратился въ какое-то приторное блаженство, кажется, вотъ сейчасъ совсѣмъ растаетъ человѣкъ!

Кстати еще о понятливости финновъ. Достаточно было нашему полковнику, ища по городу за чѣмъ-то названнаго бургомистра, назвать его бурмистромъ, т.-е. въ сущности пропустить лишь одинъ слогъ „го", чтобы никто его не понялъ. Это вышло повтореніе, смотри выше, относительно финскаго „комендöра, вмѣсто русскаго почти вѣдь того же „командиръ".

Ужинъ кончился въ два часа ночи, всѣхъ драгунъ при выходѣ финны качали.

На другой день, 15 іюля, въ микроскопической крѣпости производилось богослуженіе, шествіе на іордань и парадъ войскамъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Войска стояли шпалерами по узкой въ крѣпость дорогѣ, по которой проходила церковная процессія. Ближе къ маленькой и, конечно, единственной православной въ Вильманстрандѣ церкви, поставлены драгуны и православные, не понимающіе, однако, ни слова по-русски, изъ финскихъ баталіоновъ. Служилъ выборгскій епископъ, рѣдкій по красотѣ и внушительности человѣкъ. За церемоніальный маршъ на парадѣ драгуны наши кромѣ, такъ сказать, шаблоннаго „спасибо" генералъ-губернатора, заслужили и одобреніе публики, изъ среды которой слышались по-русски возгласы въ родѣ: „Ай да молодцы драгуны, видать, что гвардія". Подобное особенно пріятно было слышать намъ, т. к. конкурировать въ пѣшемъ строю съ финской пѣхотой, замѣчательно вымуштрованной, было не такъ-то легко!

На другой день послѣ празднованія 900-лѣтія крещенія Руси эскадронъ долженъ былъ принять участіе въ ученіи съ финской пѣхотой. Передъ выступленіемъ вахмистръ доложилъ мнѣ, что люди здѣсь скучаютъ и ждутъ не дождутся, когда они вернутся въ Россію". „Отчего?" спрашиваю. Отвѣчаетъ: „Говядина очень плоха, какая-то постная!" Вотъ такъ своеобразная оцѣнка страны лишь

со стороны получаемаго въ ней въ пищу мяса! Я-то въ своей наивности предполагалъ, что они подобно мнѣ не налюбуются и не надивятся достаточно новой живописной страной, ея обитателями, особенно послѣ столь прискучившаго Краснаго Села и его окрестностей и нашихъ новгородскихъ болотъ, мѣста постоянной стоянки полка! По приходѣ на военное поле эскадронъ по числу выведенныхъ 2-хъ финскихъ баталіоновъ раздѣлился тоже на-двое. Предложено было эскадрону сдѣлать сначала небольшое ученье, чтобы познакомить финновъ съ видомъ кавалеристовъ. Затѣмъ разсыпанная цѣпь драгунъ проходила разными аллюрами сквозь разсыпанную же пѣхотную цѣпь. Потомъ начались тактическія ученія баталіоновъ, а драгунамъ предложено было производить при этомъ рядъ атакъ какъ на цѣпи, и ея поддержки, такъ и на сомкнутыя части боевого порядка баталіоновъ, то съ фронта, то съ фланга, то съ тылу.

Невозмутимо хладнокровные финны сразу освоились съ видомъ кавалеристовъ и совершенно спокойно встрѣчали конныя атаки драгунъ выдержанными залпами.

Для атакъ эскадронъ разбился, согласно желанію баталіонныхъ к-ровъ, руководившихъ ученіемъ, на четыре взвода, такъ что самостоятельными командирами взводовъ являлись не только младшіе офицеры, гдѣ они были, но и взводные унтеръ-офицеры, гдѣ таковыхъ не было; офицеровъ у меня всего было двое. Приходилось поэтому носиться мнѣ по всему военному полю и быть, такъ сказать, вездѣсущимъ, чтобы драгуны мои нигдѣ не ударили въ грязь лицомъ передъ финнами.

Попало же бѣднымъ лошадкамъ нашимъ на этихъ финскихъ ученіяхъ; глядя на безпрерывныя атаки взводовъ и запыхавшихся поэтому и покрытыхъ мыломъ лошадей, мое сердце, сердце эскадроннаго отвѣтственнаго командира, обливалось кровью, зная въ особенности строгія требованія нашего кавалерійскаго начальства относительно добраго состоянія тѣла строевыхъ лошадей. Пѣхота вообще имѣетъ, а финская и, тѣмъ болѣе того, имѣла, видимо, самыя слабыя понятія о выносливости лошадей и о томъ, что болѣе двухъ-трехъ атакъ подъ-рядъ, безъ большого отдыха, конница дѣлать не можетъ, иначе вѣдь можно перезапалить массу лошадей. Замѣтить к-мъ баталіоновъ, что лошадямъ слишкомъ тяжело производить такіе эксперименты, было какъ-то неловко, гоноръ не позволялъ, да потомъ, пожалуй, финны аттестовали бы драгунъ недостаточно лихими и предпріимчивыми!? Своими дѣйствіями и, особенно атаками, мы дали финнамъ въ 1888 г. въ Вильмандстрандскомъ лагерѣ совершенно фальшивое представленіе о дѣйствіяхъ конницы. Атака конницы, особенно на неразстроенную пѣхоту, ве-

дется, благодаря дѣйствительности ружейнаго огня, въ разстояніи 3-хъ и даже 4-хъ верстъ, въ Вильманстрандѣ же военное поле простирается не далѣе, какъ на $1^1/_2$ версты. Атака ведется на роту, конечно, частью, не менѣе эскадрона, а тутъ она велась взводиками изъ 20 человѣкъ. Такъ какъ всѣ атаки были накороткѣ съ 600, 400 шаговъ и даже чуть-ли не съ мѣста, то лошади не могли развить при этомъ и хорошаго карьера (аллюра). Выходило только какое-то вредное для здоровья, тѣла и повода лошадей мотанье ихъ.

Разъ, послѣ подобной безпутной гонки эскадрона моего, въ теченіе чуть-ли не цѣлаго часа, подъѣзжаю я къ старшему руководителю, баталіонному к-ру Бремеру или Кремеру, уже не помню, и спрашиваю, что еще прикажете дѣлать, полагая, что онъ уволитъ насъ домой, не тутъ-то было! К-ръ этотъ изрекъ безстрастнымъ голосомъ: „Теперь скоро кончаемъ, только сдѣлаемъ еще нѣсколько кавалерійскихъ атакъ на отступающую цѣпь, и довольно! Дѣло въ томъ, что подъ Вильманстрандомъ собрано было тогда 9 стрѣлковыхъ баталіоновъ или 36 ротъ, и на всю эту, сравнительно большую массу пѣхоты, назначено лишь два эскадрона кавалеріи, между прочимъ, даже на одну роту посылается въ атаку не менѣе эскадрона, финны же, по своей, конечно, и понятной на этотъ разъ пунктуальности и педантичности, желали предоставить каждой своей ротѣ практику въ дѣйствіяхъ противъ кавалеріи, отсюда объясненіе производства нами безчисленныхъ атакъ, тѣмъ болѣе, что ученій было за двѣ недѣли нашего совмѣстнаго участія съ финнами, выключивъ праздники и маневръ, очень не много.

Команды у финновъ производились по-русски. Всѣ финскіе офицеры, какъ я уже говорилъ, свободно говорятъ и понимаютъ по-русски, да и не мудрено, большинство изъ нихъ служили раньше въ русскихъ войскахъ, а съ образованіемъ цѣлыхъ восьми своихъ новыхъ баталіоновъ, перешли сюда, здѣсь теперь можно было встрѣтить и бывшихъ гусаръ, уланъ, драгунъ и артиллеристовъ, все это поспѣшило съ образованіемъ новыхъ частей, повторяю я, перейти на родину и служить дома, хотя бы и въ непривычномъ и незнакомомъ доселѣ родѣ оружія, но лишь бы въ своемъ національномъ войскѣ. Вотъ у кого поучиться силѣ національнаго чувства!.. Положимъ, что и содержаніе офицеры финскихъ войскъ получали значительно большее, сравнительно съ русскими офицерами: к-ры баталіоновъ получали по 12 т. марокъ, поручики по 3 т. мар., остальные всѣ въ такомъ же родѣ.

При финляндской дешевизнѣ, содержаніе офицеровъ выходило очень приличное. Кромѣ того, пенсіонъ финскимъ офицеромъ вы-

служивался уже, начиная съ 15 лѣтъ дѣйствительной службы, у насъ же, какъ извѣстно, лишь съ 25 лѣтъ. Хотя, какъ говорили мнѣ, молодые офицеры могли попасть въ финскія войска не раньше, какъ прослуживши два года въ Россіи, но тогда, въ описываемое время, встрѣчалась молодежь, выпущенная въ нихъ прямо изъ финляндскаго кадетскаго корпуса. Думаю, что какъ первая мѣра, такъ, въ особенности вторая, грѣшила нецѣлесообразностью въ смыслѣ необходимости возможнаго обрусѣнія финскаго офицерства до поступленія его въ ряды собственныхъ финскихъ войскъ. Бѣда вся еще не въ финской національной идеѣ, а въ шведской, которую исповѣдуетъ вся интеллигенція страны, а въ томъ числѣ ея офицеры, идеѣ, значительно намъ болѣе враждебной, чѣмъ первая, составляющая достояніе лишь простого народа.

Шведская идея къ тому же находитъ себѣ поддержку и пропаганду недалеко, въ близъ лежащей отъ насъ сосѣдней, къ счастью нашему, хоть не первостепенной Европейской державѣ. Вотъ и тогда на своемъ вечерѣ сами финскіе офицеры показывали намъ шведскаго капитана генеральнаго штаба, одѣтаго, однако, предусмотрительно въ штатскомъ платьѣ, показывали, какъ своего завсегдатая и имѣющаго среди нихъ много друзей.

Финскіе солдаты въ pendant къ своимъ офицерамъ также прекрасно содержаны, всегда щеголевато одѣты и отлично кормлены, послѣднее не мудрено, такъ такъ финскому солдату отпускалось по 12 коп. приварочныхъ въ день въ то время, когда нашему отпускалось всего 4 коп., т. е. ровно втрое больше. Въ солдатское меню входитъ, напр., между прочимъ, картофель въ мундирахъ съ масломъ, съ селедкой или салакушкой.

Про вечеръ, данный русскими артиллеристами, скажу только, что это былъ вечеръ, какъ вечеръ; пили тамъ меньше, чѣмъ у финновъ, такъ какъ вечеръ былъ съ дамами и танцами. Между финскими дамами встрѣчались очень хорошенькія и даже нѣсколько брюнетокъ. Офицеры-финны, особенно постарше, оказались чудными мазуристами. Такая гиперборейская страна, недалеко отъ полярнаго круга, среди апатичнаго и маложизненнаго съ виду населенія — и вдругъ огневая мазурка! Впрочемъ, чего на свѣтѣ не бываетъ.

Пора сказать что-нибудь и о начальникѣ края, и о его семействѣ. Генералъ-губернаторъ вмѣстѣ со своимъ семействомъ и ветхозавѣтнымъ адмираломъ, братомъ своимъ, проводилъ лѣто въ мѣстечкѣ Лаурицъ, въ восьми верстахъ отъ города, на берегу Сайминскаго озера, у начала Сайминскаго канала. Жилъ онъ, конечно, тамъ, какъ царственная особа; дача—роскошь, съ чуднымъ видомъ

на озеро и каналъ, и движеніе на нихъ судовъ. Въ распоряженіи графа имѣлся паровой катеръ съ шестью матросами. При графѣ состояли сразу два адъютанта. Обрѣтались тамъ еще двѣ генералъ-губернаторскія дочки, особы уже въ лѣтахъ; красоты немного, но ума и симпатичности, особенно въ наименѣе красивой, кажется, въ старшей сестрѣ,—масса. Барышни, несмотря на царственную обстановку и положеніе, видимо очень скучали по милому Петербургу и по grand monde'у и теперешнее свое состояніе считали чуть-ли не ссылкой. Двое же молодыхъ безсодержательныхъ адъютантовъ скуку барышенъ, видимо, разсѣять были не въ состояніи. Накормили насъ чуднымъ обѣдомъ. Самъ генералъ-губернаторъ хотя и много бодрѣе своего старшаго брата, адмирала, но все-таки порядочно уже осунувшійся, что особенно было замѣтно, когда онъ, въ день маневровъ, насилу взобрался на лошадь,—не лишенъ еще былъ игривости ума, такъ какъ въ разговорѣ со мной съ первыхъ же словъ совѣтовалъ нашимъ драгунамъ, какъ и раньше стоявшимъ здѣсь казакамъ, посодѣйствовать улучшенію некрасиваго финскаго племени... Послѣ скучнаго крокета и чашки вкуснаго кофе меня съ товарищемъ молодыя графини, въ сопровожденіи обоихъ адъютантовъ, любезно доставили на собственномъ паровомъ катерѣ, по Сайминскому озеру, въ городъ Вильманстрандъ.

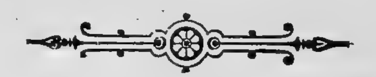
Осталось теперь сказать лишь два слова про самый городъ Вильманстрандъ. Онъ былъ тогда очень невеликъ: въ немъ было счетомъ четыре или пять продольныхъ улицъ и три поперечныхъ. Жителей, кромѣ войскъ, насчитывалось всего 900 человѣкъ, такъ что съ уходомъ военныхъ городъ совершенно пустѣлъ. Въ городѣ есть: маленькая крѣпость и большая тюрьма, гостиница Абрамова, курзалъ, водолечебница, большая деревянная кирка съ отдѣльною въ видѣ громаднаго очиненнаго карандаша колокольней. Есть еще затѣйливая деревянная башенка для coup d'oeil'я, который открывается съ нея на чистенькій городокъ и Сайминское озеро, все въ зеленыхъ островкахъ, — очень красивое. Въ то время строилась еще очень изящной архитектуры гимназія. Характерно то, что всѣ эти постройки да и весь городокъ — деревянныя. Есть еще въ городѣ такъ называемый дворецъ. Снаружи онъ очень простоватъ, внутри же изящно убранъ мебелью и всякими издѣліями финляндскихъ фабрикъ. Издѣлія эти напоминаютъ русскія кустарныя. Хороши и тамерфорстскія ткани подъ шелкъ.

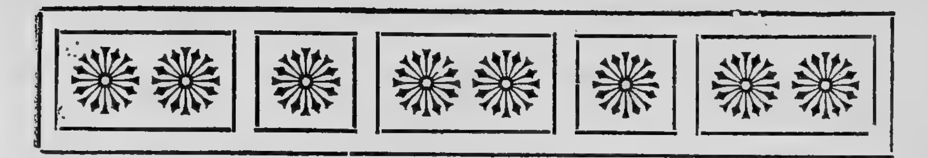
Заканчивая свои воспоминанія и бросивъ еще разъ ретроспективный взглядъ назадъ, интересно рѣшить: былъ ли, принимая во вниманіе тогдашніе слухи и особенно все то нехорошее, что проявилось со стороны финляндцевъ по отношенію къ намъ, русскимъ, за послѣд-

*

нія двадцать лѣтъ, — былъ-ли пріемъ, сдѣланный финскою страной въ лицѣ ея войска и населенія города Вильманстранда въ 1888 г. нашимъ русскимъ лейбъ-драгунамъ, искрененъ и душевенъ? Я, какъ старый скептикъ, скажу: кажется, не былъ. — Самый этотъ, такъ сказать, сверхпріемъ, сверхрадушіе и сверхчествованіе уже возбуждали къ себѣ недовѣріе. Въ этихъ сверхдѣйствіяхъ уже проглядывала идея финляндскаго сепаратизма и игра въ иностранную державу. Это былъ не пріемъ близкихъ гостей своего же государства, своей страны, а какъ бы гостей иностранной державы! Кромѣ милаго оратора, генерала А., значительно уже обрусѣвшаго на долгой русской службѣ и получившаго на ней даже офицерскій георгіевскій крестъ, и, можетъ быть, еще небольшого количества офицеровъ, вѣроятно относившихся къ намъ, русскимъ, тогда вполнѣ сердечно, безъ всякой задней мысли—громадное большинство финновъ, на мой взглядъ, раздѣляло именно только-что высказанную мною идею сепаратизма и руссофобства.

В. А. Ковалевскій.

Народная легенда.

Гдѣ былыхъ годовъ чарующія сказки,
Вѣдьмы, духи злые, лѣшіе, русалки?
— Нашей вѣры нынче такъ неярки краски,
Наши пѣсни нынче такъ тоскливо-жалки.

Умерла въ насъ жажда красоты природы;
Мы умомъ безстрастнымъ вѣру повѣряемъ,
И намъ чужды боги прежніе народа:
Ихъ мы разлюбили, ихъ мы забываемъ.

А въ природѣ скучно: нѣтъ русалокъ въ водахъ,
Сгинулъ старый лѣшій, злой яги не стало:
Самъ Ярило скрылся въ темныхъ неба сводахъ,
— Красоты и сказокъ время миновало...

Знаменитый композиторъ Глинка обмолвился какъ-то слѣдующею фразой:

„Народъ творитъ, а мы только аранжируемъ“.

Это было сказано по поводу народныхъ мелодій и народныхъ пѣсенъ. Однако, насколько справедливы эти слова по отношенію къ музыкѣ, настолько же примѣнимы они и по отношенію къ литературѣ. Возьмемъ Пушкина, Гоголя... Не народное ли творчество „аранжировано“ въ безсмертныхъ сказкахъ?.. Не отклики ли народнаго эпоса — вѣчно-юные „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“? Увы, какъ это ни грустно, но русскій народъ пересталъ творить. Небезызвѣстный собиратель пѣсенъ каторжанъ, бродягъ и сибирскихъ инородцевъ, г. Гартевельдъ, выясняя причину упадка народнаго творчества, писалъ, что въ этомъ дѣлѣ очень дурную роль сыграло проведеніе желѣзныхъ дорогъ, сдѣлавшихъ общедоступнымъ сношеніе съ городскою quasi-цивилизаціей, съ ея зачастую низкимъ уровнемъ, а также и фабрика, гдѣ выработался жанръ такъ называемой „фабричной частушки“, ничего общаго съ истиннымъ народнымъ творчествомъ не имѣющій. Она, эта фабричная частушка, по внутреннему содержанію тяготѣетъ къ „музыкѣ“ пѣсенъ, именуемыхъ „цыганскими“ (хотя послѣдняя имѣетъ, въ сущности, мало точекъ соприкосновенія съ музыкальнымъ творчествомъ

этого племени). Фабричная пѣсня, въ большинствѣ случаевъ, именно фабрикуется и отдаетъ душною атмосферой мастерской, равно какъ и „цыганская“ пѣсня пресыщена винными парами кафешантана. Разница между ними и народною пѣсней—та же, что между бриллiантомъ-самородкомъ и искусною имитацiей „Тэта“. Подобно тому, какъ вытравляется народная пѣсня фабричною частушкой, дешевыми брошюрками и quasi-просвѣщенiемъ, медленно, но упорно вытѣсняются изъ памяти народной ея древнiя сказанiя, былины и легенды. Между тѣмъ, народное творчество полно неизъяснимой самобытной прелести и поэзiи... Русскiй эпосъ занималъ умы не малаго количества ученыхъ, литераторовъ и любителей народныхъ сказанiй. Надъ нимъ много потрудились и собиратели памятниковъ народнаго творчества. Однако, въ этой области у насъ имѣется существенный пробѣлъ. Я говорю о сказанiяхъ нашихъ инородцевъ, въ частности—о чувашахъ. Мнѣ привелось познакомиться съ одной изъ чувашскихъ легендъ. Оказывается, поэтическiя струны далеко не чужды духу этого народа. Вотъ эта легенда:

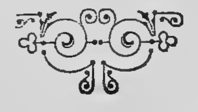
Очень давно, когда лѣса покрывали еще всѣ берега Свiяги и весь тотъ край, гдѣ она протекаетъ; когда всякаго звѣря и птицы водилось великое множество, и люди кормились, убивая ихъ; когда еще священной Керметн (заповѣдная роща чувашъ, не забывшихъ язычества) не касалась рука безбожника, и когда еще самъ великiй Тора помогалъ людямъ добывать изъ дуплистыхъ деревьевъ ароматный медъ дикихъ пчелъ, — жили два брата, Якишъ и Велюкъ. Старшiй—Якишъ былъ злой; младшiй — добрый. Однажды Якишъ охотился въ лѣсу. Тора не захотѣлъ помочь злому охотнику, и охота окончилась неудачей. Голодный и озлобленный, пришелъ Якишъ къ брату. Послѣднiй въ это время ѣлъ медъ. Старшiй попросилъ меду, и Велюкъ охотно подѣлился своимъ обѣдомъ. Якишу понравилось лакомство и, сдѣлавъ видъ, что его интересуетъ жизнь брата, онъ попросилъ показать ему то мѣсто, гдѣ пчелы собираютъ столь сладкую пищу. Простодушный Велюкъ показалъ ему всѣ дупла. Прошло нѣсколько дней. Прокравшись тайкомъ къ деревьямъ брата, Якишъ укралъ меду изъ дупла. Однако, не чтя законовъ Торы, онъ не отнесъ первый кусокъ сота въ Керметь, на священный обрубокъ дерева. Тора разсердился, и пчелы по его приказанiю слетѣлись со всѣхъ сторонъ, чтобы искусать дерзкаго. Якишъ былъ зажаленъ до смерти, а пчелы, вонзившiя въ него свои жала, также умерли. Когда добрый Велюкъ увидѣлъ погибшаго брата и пчелъ, онъ заплакалъ — такъ жаль стало ему Якиша и своихъ кормилицъ. Долго плакалъ онъ и заснулъ въ слезахъ. И вотъ во снѣ слышитъ онъ вдругъ голосъ Торы: „Пойди, поймай

теленка, облей его водой и, что будетъ съ водой, то сдѣлай и съ мертвыми пчелами".

Проснувшись, Велюкъ исполнилъ повелѣніе Торы. Теленокъ отряхнулся, и вода свѣтлыми каплями попадала на землю и скрылась въ ней. Тогда, согласно наученію Торы, Велюкъ разбросалъ мертвыхъ пчелъ и закопалъ ихъ въ землю. Это была первая пашня и первый посѣвъ. Скоро изъ земли появилась травка, на которой выросли колосья. Одни изъ нихъ были покрыты точь-въ-точь такими же жалами, какими пчелы убили Якиша; на другихъ же зерна висѣли, какъ висятъ на деревѣ рои пчелъ. Къ тому времени, когда прежде Велюкъ собиралъ медъ, колосья поспѣли. Велюкъ выбилъ изъ нихъ зерна, часть положилъ на священный обрубокъ Керметь, а остальное растеръ камнемъ, смѣшалъ съ водой, высушилъ и ѣлъ вмѣсто меда. Такъ появился „сюгюръ" (хлѣбъ). А Якишъ былъ унесенъ злымъ духомъ, сдѣлавшимъ изъ его сердца червей и донынѣ убивающихъ молодыхъ пчелъ; изъ злого же тѣла вывелись мыши, воровски поѣдающія хлѣбъ, добытый человѣкомъ.

P. S. Нѣкто Тюбякъ-Чирковскій, отъ котораго я и узналъ настоящую легенду, пишетъ, что обычай обливать быка или теленка водой передъ посѣвомъ вывелся у чувашъ недавно — лѣтъ 15—20 тому назадъ. Чуваши собирались всей деревней и смотрѣли на животное. Если оно отряхивалось отъ воды — это предвѣщало урожай; если нѣтъ—неурожай. Послѣ гаданья животное убивалось и съѣдалось. Въ глухихъ деревняхъ Тетюшскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ (Казанской губ.) обычай этотъ и донынѣ свято хранится чувашами. Только стыдясь русскихъ, они держатъ его втайнѣ.

Е. Г.

Какъ прежде собирались иногда историческіе матеріалы въ духовномъ вѣдомствѣ.

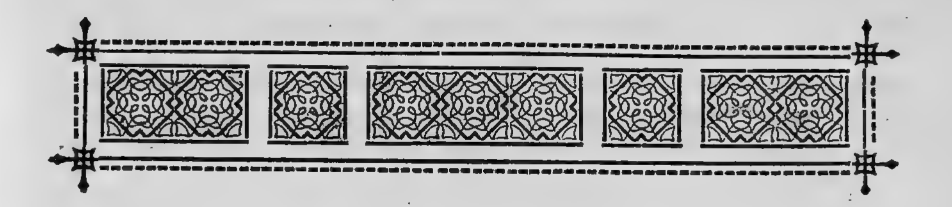
„Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Херсонской духовной консисторіи, протоіерею Серафиму Серафимову.

По указу Его Императорскаго Величества, Херсонская духовная консисторія слушали отношеніе преосвященнаго Макарія, епископа тамбовскаго отъ 10-го прошлаго октября № 57-й, въ коемъ, изъясняя, что Императорская Академія Наукъ предложила ему составить біографическую записку о покойномъ академикѣ высокопреосвященномъ Иннокентіѣ, архіепископѣ херсонскомъ и таврическомъ, къ 15-му числу сего ноября, проситъ распоряженія консисторіи о доставленіи ему, со всевозможною скоростію, копіи съ послужного списка высокопр—го Иннокентія и предложить бывшимъ его ученикамъ по академіи и сослуживцамъ по епархіи, не благоволитъ ли кто изъ нихъ сообщить ему, въ возможной скорости, хотя самыя краткія и скоронабросанныя, но достовѣрныя свѣдѣнія о его дѣтствѣ, его обученіи въ семинаріи и академіи, его академическихъ лекціяхъ, оставшихся въ рукописяхъ, его ученыхъ предпріятіяхъ, не доведенныхъ до конца, его характерѣ, его епархіальныхъ заслугахъ, особенно по епархіи Херсонской,—и резолюцію его преосвященства Димитрія, епископа херсонскаго и таврическаго, на отношеніи семъ въ 3-й день послѣдовавшую такову: „предложить гг. наставникамъ семинаріи и священнослужителямъ одесскимъ доставить требуемыя записки и послать отъ себя преосвященному Макарію. Приказали: съ прописаніемъ отношенія преосвящ—го Макарія, епископа тамбовскаго, и резолюціи его преосвященства, вашему высокопреподобію предписать указомъ требуемыя свѣдѣнія въ возможной скорости доставить прямо отъ себя къ преосвященному Макарію епископу тамбовскому. Ноября 6-го дня 1857 г. Членъ консисторіи, протоіерей Гавелля, секретарь А. Лѣтницкій.

Примѣчаніе. Знаменитый іерархъ-богословъ и проповѣдникъ—*Иннокентій Борисовъ*, архіепископъ херсонскій и таврическій, скончался 26 мая 1857 года. Изъ вышеприведеннаго документа видны первыя работы о составленіи его біографіи. Онѣ выпали на долю ученика его по Кіевской академіи—преосв. *Макарія Булгакова*, въ то время епископа тамбовскаго, впослѣдствіи митрополита московскаго. Біографическая записка его объ Иннокентіи напечатана въ V томѣ „Ученыхъ Записокъ II отд. Импер. Академіи Наукъ“ 1857 г.—Изъ напечатаннаго документа видно, что Макарій обращался за матеріалами для біографіи Иннокентія, между прочимъ, и въ Одессу. Одесскій протоіерей *Серафимъ Антоновичъ Серафимовъ*, въ бумагахъ котораго мы нашли этотъ документъ, магистръ Кіевской духовной академіи выпуска 1841 г., былъ тоже ученикомъ Иннокентія по академіи и товарищемъ Макарія Булгакова. Онъ извѣстенъ въ литературѣ, какъ ревностный изслѣдователь мѣстной Херсонской и Крымской старины. Скончался онъ 27-го февраля 1884 года и погребенъ на Одесскомъ старомъ кладбищѣ.

Сообщ. Л. С. М.

15 писемъ адмирала Александра Ивановича Панфилова.

Рѣчь, сказанная на обѣдѣ въ день 50-ти лѣтняго юбилея адмирала Александра Ивановича Панфилова.

Сегодня исполнилось 50 лѣтъ вашей доблестной службы, душевно уважаемый Александръ Ивановичъ, и вотъ сослуживцы, боевые сотоварищи славной обороны Севастополя, а равно и почитатели Ваши, собрались здѣсь, чтобы выразить Вамъ чувства глубокаго уваженія, и мы всѣ вмѣстѣ привѣтствуемъ Васъ съ этимъ торжественнымъ днемъ.

Жизнь пережить—не поле перейти, говоритъ пословица, а 50 лѣтъ службы составляютъ всегда самую главную и наиболѣе дѣятельную часть человѣческой жизни, и мнѣ хочется въ нѣсколькихъ словахъ напомнить Вамъ и присутствующимъ, какъ проходили Вы это бурное жизненное поле. Прослуживъ 4 года въ Балтійскомъ морѣ, Вы отправляетесь на 3 года въ Средиземное, гдѣ вскорѣ поступаете на корветъ „Наваринъ", подъ команду капитанъ-лейтенанта П. С. Нахимова, и съ этой минуты судьба какъ бы дѣлаетъ Васъ почти неразлучнымъ до конца дней жизни героя Синопа и Севастополя. Такъ Нахимовъ получаетъ фрегатъ „Палладу", а Вы— его старшій офицеръ, Нахимовъ переводится въ Черноморскій флотъ командиромъ корабля „Силлистрія", Вы старшій офицеръ „Силлистріи" и одновременно съ нимъ, даже на одной перекладной, летите служить въ Черноморскій флотъ, которымъ только что вступилъ въ командованіе вице-адмиралъ М. П. Лазаревъ. Не приходило, конечно, на мысль встрѣчавшимъ Васъ въ этой телѣгѣ, что въ ней сидятъ будущій герой Синопа и тотъ адмиралъ, которому будетъ поручено выводить изъ Синопской бухты поврежденные въ бою корабли, съ которыми онъ даже прежде побѣдоносной эскадры взойдетъ въ ликующій Севастополь.

Разставшись на время съ П. С., Вы, еще въ лейтенантскомъ чинѣ, дѣлаетесь командиромъ тендера „Лучъ" и послѣ двухлѣтняго плаванія въ Архипелагѣ, вступаете въ боевую службу на Кавказскую береговую линію въ званіе дежурнаго штабъ-офицера при начальникахъ ея: генералахъ— Раевскомъ, Апренѣ, Будбергѣ. Въ теченіе 10-ти лѣтъ неутомимой бурно-боевой службы вдоль этого негостепріимнаго берега Чернаго моря, гдѣ не разъ во время жестокихъ штормовъ выбрасывало суда и эскадры, Вы непосредственно участвуете во всѣхъ боевыхъ дѣлахъ и занятіяхъ мѣстъ,

лично распоряжаясь десантными амбаркаціями для укрѣпленій возникавшей Черноморской береговой линіи: Кабардинскаго, Вильяминовскаго, Тенгинскаго, Головинскаго, Лазаревскаго, Раевскаго, Святаго Духа, Навагинскаго и Новороссійска.

Разставаясь съ Кавказомъ въ чинѣ капитана 1 ранга, Вы принимаете въ командованіе корабль „12 Апостоловъ“ отъ капитана В. А. Корнилова, на которомъ впослѣдствіи передъ началомъ войны, имѣя контръ-адмиральскій флагъ, Вы перевозите въ эскадрѣ Нахимова 16.000 сухопутныхъ войскъ въ Анакрію, далѣе уже во время начавшейся войны съ эскадрою изъ пароходовъ посылаетесь вдоль линіи Кавказскихъ укрѣпленій для поддержанія бодрости гарнизоновъ и, наконецъ, въ мартѣ 1854 года, т. е. послѣ разрыва съ Западными державами, на Васъ возлагается важное порученіе снять всѣ гарнизоны Черноморской береговой линіи, и сжечь и уничтожить ея укрѣпленія, тѣ самыя укрѣпленія, въ занятіи и построеніи которыхъ Вы принимали такое дѣятельное участіе. Это трудное порученіе Вы исполнили съ блистательнымъ успѣхомъ, въ виду англійскихъ и французскихъ крейсеровъ.

Вскорѣ начинается знаменитая, славная оборона Севастополя. Было бы излишне въ этой залѣ сказать, какимъ отдѣленіемъ оборонительной линіи Вы командуете; кто этого не знаетъ, не только изъ сотоварищей обороны, но и всѣхъ русскихъ, кому дорога и близка слава русскаго оружія; кто не знаетъ, что Вы 9 мѣсяцевъ съ утра до ночи и съ ночи до утра, безустанно укрѣпляете разрушаемое непріятелемъ и разрушаете непріятельскія атаки. Вашъ историческій Большой редантъ (какъ называлъ его непріятель) до самаго конца, до послѣдней минуты, стоялъ какъ могучій богатырь, и отъ него какъ отъ скалы отскакивали всѣ натиски враговъ. Въ день смерти Нахимова Вы занимаете его постъ, помощника начальника гарнизона Севастополя, который по отступленіи войскъ 27-го августа оставляете послѣднимъ, уже послѣ разведенія моста, переправляясь на гичкѣ подъ ядрами на Сѣверную сторону, гдѣ остаетесь въ званіи командира Севастопольскаго порта, до перехода морскихъ командъ въ Николаевъ, котораго оборона Вамъ тотчасъ же поручается. По окончаніи войны Вы остаетесь завѣдующимъ морскою частью въ Николаевѣ, и послѣ кратковременнаго пребыванія главнымъ командиромъ Свеаборгскаго порта, поступаете въ Адмиралтействъ-Совѣтъ.

Вотъ, господа, то служебное боевое поле, которое проходилъ съ такимъ достоинствомъ и славою нашъ почтенный юбиляръ, оставляя по себѣ всюду глубокое уваженіе къ своимъ заслугамъ, мужеству, энергіи и признательность къ благородству своихъ мыслей и дѣйствій, прямодушію и безукоризненности своихъ поступковъ. Черноморскій флотъ и сослуживцы по справедливости могутъ гордиться, произнося имя А. И. Панфилова...

Жизнь есть долгъ, жизнь есть подвигъ, и вотъ предъ этимъ подвигомъ, совершеннымъ съ такимъ достоинствомъ, и преклоняются и старые и молодые. Такіе люди, какъ Вы, живутъ не только для современниковъ, но и для потомства, которое, воздавая справедливую оцѣнку, указываетъ юному поколѣнію, какъ надо служить отечеству, какъ на достойный примѣръ для подражанія, какъ на дорогую, народную гордость...

Да здравствуетъ многія и многія лѣта А. И. Панфиловъ.

Аврамій Асланбековъ.

20 апрѣля 1874 г.

(Письма адмирала Александра Ивановича Панфилова, начальника 3-го бастіона, во время севастопольской обороны, адресованныя въ Николаевъ, къ его женѣ, Л. М. Панфиловой).

1.

8 часовъ утра, 14 окт.

Сію минуту получено отъ Моллера, объявлять по войскамъ, что генералъ Липранди вчерашняго числа взялъ четыре редута, 11 пушекъ, 60 кавалеристовъ съ офицерами; поле сраженія все усѣяно непріятельскими тѣлами, и Липранди укрѣпляется въ деревнѣ Кадыховкѣ. Помоги, Господи, Липранди. Сегодня гораздо менѣе пальба—не такъ часто. Сегодня 10-й день пальбы. Поцѣлуй дорогихъ моихъ Лизу и Соню. Благословляю всѣхъ васъ, дорогихъ моихъ.

А. Панфиловъ.

2.

Бастіонъ № 3.
Суббота 1 января 1855 г., $7^1/_2$ часовъ вечера.

Поздравляю дорогую мою Любиньку съ новымъ годомъ, желаю тебѣ и дѣтямъ здоровья и скораго возвращенія въ Севастополь. Помоги, Господи, окончить и выгнать поскорѣе непріятеля. Благодаря Бога, я началъ сегодня утромъ дѣлать вылазку. Угодилъ Сакену и князю Меншикову, взялъ въ плѣнъ 14 англичанъ и четырехъ французовъ, отправилъ въ 8 часовъ утра къ Сакену и приказалъ имъ поздравить его съ новымъ годомъ. Вотъ какъ я началъ новый годъ: въ полночь всталъ, вышелъ изъ бастіона и послалъ 500 охотниковъ къ англичанамъ и къ французамъ 200 и 400 человѣкъ далъ имъ подкрѣпленія. Наши взяли 18 плѣнныхъ, много перекололи, въ особенности французовъ, которые защищались. Потеря наша: 2 убитыхъ рядовыхъ, 5 тяжело раненыхъ и 11 легко раненыхъ, которые остались во фронтѣ и не пошли въ госпиталь. Осмотрѣлъ раненыхъ плѣнныхъ, возвратился къ $2^1/_2$ часамъ домой, легъ заснуть, въ 6 часовъ всталъ, умылся. Пришелъ священникъ къ намъ на квартиру, отслужилъ молебенъ. Напился чаю, составилъ донесеніе о вылазкѣ. Явились музыканты съ поздравленіемъ; въ 8 часовъ отправилъ плѣнныхъ къ Сакену, а въ 9 часовъ поѣхалъ къ обѣднѣ въ Михайловскую церковь, гдѣ все начальство собирается благодарить Бога за успѣшную, благополучную вылазку. Изъ церкви зашелъ поздравить Сакена, сдѣлалъ нѣсколько около этой церкви визитовъ. Въ часъ возвратился на бастіонъ, гдѣ у меня собрались обѣдать: братъ, Ив. Ив. Винкъ, Косинскій, Антиповъ, Нико-

новъ, Бирюлевъ, саперный полковникъ Макаровъ. Всего насъ обѣдало 9 человѣкъ. За новый годъ выпили бутылку портвейна; варили кофе со сливками, приготовленный въ плиткахъ, и просидѣли до 3-хъ часовъ. Легъ отдохнуть и получилъ твое письмо отъ 24-го декабря. Что дѣлать, родная моя! Грустно встрѣчать новый годъ не вмѣстѣ. Но помоги, Боже, выгнать непріятеля! Тогда все вознаградится, и непріятелю плохо приходится. Сегодня это пятая вылазка у меня, и мы уже знаемъ, гдѣ какой полкъ непріятельскій стоитъ лагеремъ, по взятымъ въ плѣнъ, и спрашиваемъ у плѣнныхъ англичанъ, отчего нѣтъ 50-го полка плѣнныхъ? Они отвѣчаютъ, что 50-й полкъ — русскій, что его у нихъ на дистанціи перекололи и большую часть взяли въ плѣнъ, такъ что 50-й полкъ почти не существуетъ. Да, всѣ плѣнные спрашиваютъ про меня: „Что это, Меншиковъ?“ и увѣряютъ, что я очень похожъ на портретъ, который они видѣли: я бы не желалъ походить дѣяніями на князя, даже и физіономіей, а потому не къ тому я пишу. Но рѣшительно, а въ особенности французы, спрашиваютъ и говорятъ, что я похожъ на его портретъ.

Письма твои всѣ получилъ, и послѣднія, отъ 18 и 22 декабря, на которыя всѣ отвѣчалъ и много писалъ. Насчетъ просьбы Станюковича посылки курьеровъ или офицеровъ нечего терять словъ. Эта шаромыга только думаетъ, какъ бы стянуть что - нибудь, и больше не о чемъ и знать не хочетъ. О квартирныхъ — какъ хочешь, требуй или нѣтъ, какъ тебѣ угодно; о жалованьи нечего и думать, чтобы стали выдавать за годъ, черезчуръ расходное такое содержаніе, да и неоткуда столько денегъ взять. Письма по обыкновенной почтѣ не пишу, потому что много было случаевъ посылать письма и по курьерской. Аккуратно посылаю, которые должны раньше и скорѣе обыкновенной почты. Благодарю, родная моя, за елку дѣтямъ; утѣшила. Я думаю, выросли и очень перемѣнились? Какъ ростъ Сони? Я думаю, скоро сравняется съ Лизой.

2 января, 7 часовъ утра. Сію минуту дали знать, что чиновникъ Петровъ ѣдетъ сегодня, а потому тороплюсь. Поздравь Елизавету Марковну. Сегодня не видалъ еще Ѳедора Михайловича (адмирала Новосильскаго). Молись Богу о скорѣйшемъ избавленіи отъ непріятеля, который теперь въ худшемъ положеніи и есть надежда уничтожить ихъ, а въ особенности, если Богъ пошлетъ мороза хорошенько—какъ мухи, замерзнутъ. Скучно и грустно такіе праздники проводить, но благодарю Бога, что здоровъ и могу исправно заниматься своимъ отдѣленіемъ. Сакенъ Нахимову меня очень хвалилъ и говорилъ, что скромный адмиралъ, а дѣла успѣшнѣе и счастливѣе идутъ, чѣмъ у меня: 5-я вылазка была и, благодарю

Бога, все удалось и мало потери съ нашей стороны. До свиданія, моя дорогая! Поцѣлуй дѣтей и благослови.

А. Панфиловъ.

3.

Пятница, 11 марта, 9 час. утра. 3-й бастіонъ.

Вчера, поздно, дали знать, родная моя Любинька, что сегодня ѣдетъ курьеръ. А у насъ противъ Малахова Кургана была большая перестрѣлка, и я помогалъ изъ орудій, а потомъ, въ 2 часа ночи, со своего отдѣленія дѣлалъ вылазку изъ 500 человѣкъ. Взяли въ плѣнъ и привели ко мнѣ: командира 34-го англійскаго полка, инженеръ-капитана, сержанта, рядовыхъ англичанъ 12, 2 француза; заклепали три большія мортиры, много ружей, инструмента инженернаго до 500 штукъ и много перекололи англичанъ и французовъ въ траншеѣ, а армейскіе наши противъ новаго редута многихъ перекололи. Отъ меня видно—до 400 тѣлъ лежатъ между нашимъ редутомъ и ихъ траншеями. Траншеи французскія, ближайшія къ редуту, срыты. Да, эту ночь задали треску французамъ и англичанамъ! Вчера вечеромъ спрашивали у плѣнныхъ, когда они собираются на штурмъ. Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что нельзя и думать штурмовать послѣ всѣхъ тѣхъ попытокъ противъ невооруженныхъ редутовъ. Полковника плѣннаго я напоилъ чаемъ и отправилъ въ госпиталь: онъ раненъ въ ладонь насквозь штыкомъ и въ голову прикладомъ. Вчера вечеромъ онъ получилъ отъ жены письмо, и у него взяли солдаты. Я велѣлъ объявить: 1 руб. тому, кто принесетъ письмо. Книжечку записную его принесли, а письма еще нѣтъ. Инженерный капитанъ сказалъ, что послѣ смерти нашего Государя всѣ газеты стали писать мирнѣе и что надѣются на миръ и очень желаютъ и тоже что Пальмерстонъ сталъ гораздо миролюбивѣе и что Рассель поѣхалъ въ Вѣну на переговоры. Этотъ инженеръ, проходя мимо нашихъ батарей, удивлялся прочности постройки и нашимъ блиндированнымъ хатамъ. Пошли, Господи, заключить миръ. Тяжело видѣть избіеніе людей въ такомъ множествѣ и такъ жестоко. Теперь видно раненые французы сидятъ, и взять нельзя и помощь дать раненымъ. Господи, сжалься надъ невинными жертвами эгоизма лорда Пальмерстона и прочихъ негодяевъ. Посылаю тебѣ забытый въ прошломъ письмѣ приказъ Горчакова и сегодняшнюю записку Сакена за вылазку. Пишу тебѣ въ разбивку и не даютъ писать — мѣшаютъ, а нужно форменное донесеніе писать. Сію минуту былъ Нахимовъ, поздравлялъ и благодарилъ; отъ

Сакена получилъ записку съ адъютантомъ. Благослови Лизу и Соню. Остаюсь благословляющій васъ всѣхъ отецъ

А. Панфиловъ.

4.

26 мая, 6 часовъ утра. Бастіонъ 3-й.

Родная моя Любинька! Вотъ и третья бомбардировка началась вчерашній день, въ три часа по полудни. Начали пальбу съ лѣваго фланга отъ Инкермана по редутамъ: селенгинскому, волынскому, камчатскому, по 3-му бастіону, съ прилежащими къ нему батареями, и по 4-му бастіону, 5, 6, 7 и 8 и прочимъ; къ морю не открывали огня. Всю ночь палили ядрами и большія бомбы бросали ночью; въ сравненіи съ брошенными бомбами, потери не такъ велики, но много портятъ бастіонъ и брустверъ разрывчатыми бомбами. Съ четырехъ часовъ усилили пальбу ядрами и не прекращали ночью. Много бомбъ въ городъ попадало, но пожаровъ не было. Сію минуту дали знать, что въ столовой стѣнку вышибло и 10 стульевъ разбило. Болѣе вреда не сдѣлано. Поклонись Ѳедору Михайловичу (Новосильскому) и Елизаветѣ Марковнѣ. Желаю имъ всѣхъ благъ отъ Бога. Поцѣлуй и благослови Лизу и Соню. Остаюсь благословляющій отецъ вашъ

А. Панфиловъ.

P. S. Былъ я дома. Какая чудесная наша терраса! Акаціи сходятся вѣтвями. Тѣнь чудесная. Горчаковъ, говорятъ, на Маккизіевской (?) дачѣ. Не было ли тамъ дѣла, что неожиданно и съ той стороны начали пальбу? По слухамъ, что къ намъ много войска идетъ? У васъ должно быть извѣстно изъ английскихъ газетъ и въ обоихъ парламентахъ, говорятъ, предложенъ Россіи почетный и просятъ подать адресъ королевѣ, чтобы заключить миръ! Одна надежда на Господа Бога и миръ. Сохрани и помилуй. За что? Изъ-за желанія одного Наполеона столько жертвъ и несчастныхъ семействъ—женъ, дѣтей, отцовъ, матерей! Господи, буди воля Твоя! Говорятъ, Баумгартенъ нѣсколько дней сказывается больнымъ, и теперь тамъ главнымъ Микрюковъ. Но теперь 4-й бастіонъ гораздо легче. Такъ никогда не было при Ѳедорѣ Михайловичѣ; и вотъ въ эту сторону туда не такъ сильно палятъ; больше — на Николаевскую батарею и 3-й бастіонъ и по всѣмъ этимъ батареямъ. До свиданія, родная, дорогая моя! Сохрани васъ Господь для меня и меня для васъ. Благословляющій васъ вашъ отецъ

А. Панфиловъ

5-е.

Вторникъ, 31 мая, 3 часа дня. 3-й бастіонъ.

Дорогая моя Любинька! Письмо твое получилъ отъ 27 мая вчера утромъ, гдѣ ты пишешъ, что наши поѣхали въ Одессу, дай Богъ съѣздить благополучно и съ пользой. На счетъ Миши, я еще Нахимова не видалъ, да и нельзя думать объ отправленіи, офицеровъ очень мало осталось, не знаемъ, кого назначить на убитыя мѣста. Да, родная моя, вотъ и 3-я бомбардировка седьмой день! На вчера и сегодня пушечной пальбы нѣтъ и только постоянно на 3-й бастіонъ бросаютъ бомбы и, благодаря Бога, потери еще не такъ велики, а меня хранитъ цѣлымъ и невредимымъ. 26 числа меня обдало каменьями и сдѣлало нѣсколько язвъ на лицѣ, но я ни на одну минуту не оставлялъ мѣста, даже умылся часа черезъ три, и теперь совершенно все прошло; я пишу тебѣ это потому, чтобы до тебя не дошло, что я раненъ.

Вчерашнее письмо не скоро получишь, но надо повторить, что я писалъ 26 мая, въ 6 часовъ вечера. Непріятельскія войска бросились разомъ на три редута: Селенгинскій, Волынскій, Камчатскій и скоро заняли, подошли къ Малахову кургану, но тутъ ихъ встрѣтили подбѣжавшія наши войска и славно отдѣлали, выгнали изъ Камчатскаго редута. Хрулевъ пошелъ защищать Селенгинскій и Волынскій редуты, какъ непріятель опять напалъ на Камчатскій и выбилъ нашихъ. Хрулевъ воротился, опять пошелъ на Камчатскій редутъ, но выгнать уже не могъ, у непріятеля слишкомъ было много войска подведено и подготовлено, а у Хрулева не было достаточно, а потому всѣ три редута остались за непріятелемъ. Въ то же время англійская колонна двинулась на уголъ 3-го бастіона, но мы ихъ отбили, а они захватили нашъ ложементъ, у меня пошли, выбили ихъ, но опять оказалось у непріятеля войска гораздо больше, они были приготовлены, а мы отдѣлались тѣмъ, что есть у насъ на дистанціи; въ это время много у насъ палили и непріятельской бомбой разсыпанъ брустверъ и камнями, и землей поцарапало мнѣ лицо и ударило въ правую сторону груди, но такъ, что я ни на одну минуту не оставилъ мѣсто и часа черезъ три потомъ умылся и посмотрѣлъ на себя въ зеркало и теперь все почти прошло, я совершенно здоровъ, но такъ изнурился, постоянно всѣ ночи, вотъ уже 6-я прошла, бываемъ всѣ на брустверѣ, чтобы быть готовыми въ случаѣ нападенія, и днемъ не уходимъ съ бастіона.

Нахимовъ только-что вышелъ изъ Камчатскаго редута и не дошелъ еще до Малахова кургана и чуть не попалъ въ плѣнъ, его

матросы подхватили подъ руки и дотащили до Малахова кургана; такъ это было быстро занятіе Камчатскаго редута и это чрезвычайно окуражило французовъ. Наши взяли человѣкъ 400 въ плѣнъ, да что намъ въ ихъ взятьи, всѣ были мертвецки пьяны и попались болѣе во рву Малахова кургана; штабъ-офицеръ и оберъ-офицеръ едва тоже на ногахъ стояли. Объ нашихъ вылазкахъ никто не думаетъ. Горчаковъ живетъ на Макіезевской дачѣ, пріѣзжаетъ въ Севастополь и ничего не предпринимаетъ! Говорятъ, что 2-го іюня долженъ придти первый эшалонъ, 4-го второй, а 8-го третій — послѣднія войска. Вотъ какіе у насъ слухи, это Хрулевъ говоритъ. Поклонись Е. М. и Ѳ. Мих. и благослови Лизу и Соню, сохрани васъ Богъ, и меня для васъ. Молись Богу и полагайтесь на Его милость, вотъ мы всѣ на что въ Севастополѣ надѣемся. Остаюсь благословляющій вашъ отецъ

А. Панфиловъ.

6-е.

Суббота, 4-го іюня. 11 час. утра. 3-й бастіонъ.

Родная моя Любинька, сію минуту получилъ твое письмо отъ 1-го іюня, что за слухи тебя встревожили? Благодаря Бога, я цѣлъ и невредимъ, всѣ ночи проводимъ на бастіонѣ, а днемъ мало пальбы; вчера переметчикъ далъ знать, что на Малаховый курганъ эту ночь хотѣли дѣлать нападеніе, всѣ примѣты были—сборъ войскъ, подносъ туровъ, фашинъ въ ближайшія мѣста. Мы всѣ были наготовѣ, даже не работали, и всѣ стояли съ ружьями; въ 12 часовъ на Малаховомъ курганѣ сдѣлалась тревога, но оказалась фальшивою, а, можетъ быть, была проба, исправно ли у насъ; смотрятъ—$10^1/_2$ часовъ. Сію минуту получилъ твое письмо отъ 30-го мая съ Евдокимовымъ. Да, родная моя, грустно и тяжело! Но что дѣлать, испытаніе Божье: роптать не слѣдуетъ и свято покоряться Его волѣ, помоги, Господи, отстоять Севастополь! Онъ творитъ чудеса, на Него вся надежда и упованіе. Я писалъ тебѣ съ каждымъ случаемъ, а курьеровъ не всегда вижу, когда они уѣзжаютъ, а потому не пугайся, ежели не получишь письма, теперь время смутное, некогда и думать о другихъ, да и экстренно отправлять: на счетъ Миши не думаю, чтобы его отправилъ Нахимовъ, который хотѣлъ сегодня у меня быть, но боленъ, разстроенъ и сильное біеніе сердца. Я, благодаря Бога, совершено здоровъ. Радость моя, молись Господу, надѣйся и уповай, но не ропщи, это первый грѣхъ. Это Его испытаніе, я прошу только силъ и крѣпости, чтобы защищать Севастополь. Это письмо я пишу и посылаю въ городъ, откуда

перешлютъ. До свиданія, кланяйся Е. М. и Ѳ. Мих.! Поцѣлуй и благослови Лизу и Соню.

А. Панфиловъ.

Чѣмъ же Екатерина тебя напугала? Что она слышала? Зачѣмъ прямо не говоришь, можетъ, найдутся добрые люди и напугаютъ нарочно?

7.

Вторникъ, 7-го іюня, 8 час. утра.

Дорогая моя Любинька! Благодареніе Всевышнему! Вчерашній день, 6-го іюня, въ три часа утра былъ штурмъ на 1-й и 2-й бастіонъ на Малаховомъ курганѣ и 3-е отдѣленіе, т. е. 3-емъ бастіонѣ. Но Господь Богъ помогъ, и мы ихъ славно отбили; осталось передъ бастіономъ много убитыхъ, раненыхъ, взяли много въ плѣнъ людей и лѣстницы, которыя уже были во рву, три раза они бросались, и это продолжалось около $^3/_4$ часа. Какъ наши солдаты отлично дѣйствовали и одушевились въ этотъ день. Былъ свѣтлый праздникъ—французамъ удалось занять только батарею Жерве, т. е. первый флангъ Малахова кургана, но молодецъ Хрулевъ тотчасъ выбилъ, и тутъ они много потеряли. Эту полночь была опять попытка, но мы не отдали, и они отступили; помоги, Господи, отстоять Севастополь, и сохрани всѣхъ! Послѣ штурма насъ спрыснулъ небольшой дождь, какъ будто Божье окропленіе, но очень маленькій. Послѣ штурма опять много палили по нашимъ батареямъ часовъ до 8 утра, а потомъ у насъ стихло, и большая пальба была на 1-е и 2-е отдѣленія. Ночь эту много пальбы и бомбъ, кромѣ того времени, какъ ихъ опять отбили, очень усилили огонь, а съ двухъ часовъ ночи меньше, а теперь ни одного выстрѣла не слыхать.

4-ю бомбардировку начали 5-го іюня, въ 3 часа утра, и до штурма, т. е. ровно сутки не умолкали и страшно били день и ночь, били и не прерывали пальбы!. Плѣнный у меня французъ, пожилой, и серьезный капитанъ, говоритъ, что онъ никакъ не ожидалъ, чтобы послѣ такой страшной пальбы мы успѣли исправить орудія и столько людей имѣли на батареѣ. Благодарю Господа! не имѣю возможности молебенъ отслужить, а ты отслужи всѣмъ святымъ. Поклонись Ѳ. Мих. и Е. М., поцѣлуй и благослови Лизу и Соню, береги ихъ и себя, благословляющій васъ отецъ

А. Панфиловъ.

P. S. Мнѣ прислали къ самому штурму дивизіоннаго начальника 9-й дивизіи г.-м. Лисенко, кажется, старый служака, я очень

доволенъ его назначенiемъ, хотя онъ прибѣжалъ ночью, уже дѣло начато было, и теперь я совершенно покоенъ и сегодня, съ 4-хъ часовъ утра до сихъ поръ спалъ чудесно, что мнѣ было очень необходимо.

8.

Среда, 8-го iюня, 3½ час. пополудни, бастiонъ № 3-й.

Благодари Господа, дорогая Любинька, до сихъ поръ Господь хранитъ цѣлымъ и невредимымъ. Вотъ, родная, 6-го числа, въ 3 ч. утра непрiятель предпринялъ штурмъ на лѣвую сторону Севастополя, т. е. на 1-й и 2-й бастiонъ, на Малаховъ курганъ и на всѣ три отдѣленiя и на пересыпку. Мы были совершенно готовы, и по первому появленiю открыли ружейный и пушечный огонь, непрiятель три раза на всѣ пункты бросался и вездѣ былъ отбитъ. Много тѣлъ ихъ осталось на мѣстѣ. Вчерашнiй день начали убирать, въ 3 часа по полудни не могли убрать, сегодня убираютъ, и у насъ тишина, нѣтъ пальбы. Сегодня утромъ вошелъ ко мнѣ въ отдѣленiе ирландецъ, солдатъ англiйскаго войска, говоритъ, что очень тяжело у нихъ, мало палятъ, потому что снарядовъ мало, и что хотятъ еще попробовать штурмовать, а если не удастся, то идти къ Перекопу, отрѣзать путь сообщенiя. Вчера, при уборкѣ тѣлъ, англичане бранили Наполеона и говорили, что это онъ одинъ желаетъ продолжать войну, и что имъ чрезвычайно тяжело, и съ нетерпѣнiемъ ждутъ мира или окончанiя войны, всѣ безъ исключенiя желаютъ. У насъ сильныя жары и бездождья, удивительно, что за время, штиль и штиль и безъ дождя, котораго намъ теперь крайне нужно; скоро послѣ штурма собрались было тучи, и чуть попрыскалъ дождь, но пыли даже не прибилъ, шкваломъ небольшимъ все пронесло. Да, дорогая моя, великолѣпная картина штурма! По всей батареѣ, на валу сплошь стоятъ люди, стрѣляютъ изъ ружей, а внизу изъ орудiй картечью. Адъ!! точно, если гарнизонъ не прозѣваетъ, то всякiй штурмъ должно отбить, если хоть сколько-нибудь достаточно гарнизону. Какая радость и восторгъ послѣ отбитiя, хотя въ это время со всѣхъ батарей начали страшно бить ядрами и бомбами, но этого какъ будто бы и не замѣчали; во время штурма потери наши сравнительно очень малы, а до этого цѣлыя сутки день и ночь безпрерывно усиленная была пальба ядрами и, въ особенности, бомбами, поэтому мы были увѣрены, что отъ непрiятеля будутъ штурмовать; потери непрiятеля, полагаю, до 5.000 человѣкъ, много генераловъ, полковниковъ, офицеровъ убитыхъ; непрiятель только прорвался съ правой стороны Малахова кургана на батареи Жерве, но черезъ

четверть часа прилетѣлъ Хрулевъ и выбилъ его, и тутъ много тѣлъ осталось. При уборкѣ тѣлъ уже совсѣмъ не тотъ тонъ былъ, что послѣ занятія Камчатскаго и двухъ другихъ редутовъ, они сговорчивѣе были. Сегодня почти выстрѣловъ не слышно, но жара сильная. Какъ обойдешь всѣ батареи и придешь въ хату перемѣнить бѣлье, то какъ будто бы изъ ванны самой теплой, такъ легко станетъ.

9-го іюня, 8 часовъ утра. Благодареніе Господу Богу, здоровъ, цѣлъ и невредимъ; ночь прошла тихо и теперь ни одного выстрѣла. Я тебѣ, моя дорогая, послалъ два письма черезъ штабъ, одно—4-го, другое—6-го числа, не знаю, получила ли ты ихъ, а теперь пишу по курьерской почтѣ; отъ тебя получилъ письмо 4-го іюня, писанное тобою 1-го іюня. Поклонись Ѳ. Мих. и Е. М., поцѣлуй и благослови Лизу и Соню, будьте всѣ здоровы, сохрани васъ Господь для моего счастья и меня для васъ; совершенно все затихло; батареи, флотъ спокойны; изъ Керчи и Азовскаго моря никакихъ свѣдѣній не имѣемъ. До свиданія, дорогая моя Любинька! Остаюсь благословляющій васъ отецъ

А. Панфиловъ.

9.

Бастіонъ № 3.
10 іюня, 9 часовъ утра, пятница.

Дорогая моя Любинька! Письма твои отъ 3 и 7 іюня получилъ вчера, въ 9 часовъ вечера. Благодарю Господа, что вы всѣ поправились и здоровы. Родная моя, неужели ты думаешь, что у меня не болитъ сердце, и мнѣ тяжелѣе всего не видѣть васъ, но что же дѣлать, и кто будетъ защищать Севастополь, въ особенности теперь. На 3-мъ бастіонѣ остались: я, Деливронъ и мичманъ Яновскій; остальные всѣ вновь поступили, и то и дѣло, за ранами и контузіями, уходятъ въ госпиталь по серьезнымъ болѣзнямъ. Что же, если я еще могу служитъ и исполнять обязанности, крайне необходимыя, и я уйду? Что же тогда я буду думать о себѣ? А присяга, мною принятая, гдѣ я клялся не щадить жизнь до послѣдней крайности! Не соблазняй и не искушай, а подкрѣпи меня своими утѣшеніями къ защитѣ Севастополя и къ исполненію своего долга. Съ какимъ счастьемъ увидимся, ежели Господь поможетъ окончить эту войну и отстоять Севастополь! Твердо уповаю на Бога, молюсь и прошу Его исполненія своей обязанности точно и неупустительно, работаю и хлопочу по исправленію своего бастіона и батарей, а теперь еще улаживаю между собой армейскихъ, у которыхъ столько вздорныхъ претензій и жалобъ одного на другого, которыя надо ра-

зобрать и уладить. Мнѣ дали на отдѣленіе командовать сухопутными войсками г.-м. Лисенко, командира 9-й дивизіи, и теперь по счету у меня четыре полка и два баталіона, которые стоятъ всѣ безотлучно по батареямъ и готовы каждую минуту вскочить на брустверъ и отразить нападающихъ. Помоги, Господи! Послѣ отбитія штурма у людей совсѣмъ другой духъ сталъ: бодрѣе, веселѣе переносятъ тяжелую жизнь на бастіонѣ, и всѣ просились взять обратно Камчатскій редутъ. Немного окуражить солдатъ — и они гораздо лучше и бодрѣе дѣлаются. Кто это, родная моя, распустилъ слухъ насчетъ меня? Значитъ, долго жить. Пожалуйста, будь осторожна и не вѣрь всякому вздору. Есть выдумка отъ бездѣлья или чтобы новость распустить. У васъ, въ Николаевѣ, Власьевъ и Гербачевъ—компанія новостей. Въ послѣдніе дни къ намъ на дворъ три бомбы попали, но вреда дому не сдѣлали; сарай и рамы въ его окнахъ всѣ вышибли, а домъ, кромѣ столовой, цѣлъ — можно жить. Крыша кусками набита, но это еще можно починить. Да, родная моя, штурмъ; дѣло великое отбить его. Вчера Горчаковъ пріѣзжалъ на мое отдѣленіе, цѣловалъ меня, благодарилъ всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ и въ особенности къ морскимъ обращался.

5 часовъ пополудни.

Сію минуту пріѣхалъ верхомъ изъ города; обѣдалъ у Нахимова. 2-я дивизія пришла уже къ Горчакову, но утѣшительнаго ничего нѣтъ и неизвѣстно, что предпримутъ. У Горчакова семь пятницъ на часу. Насчетъ Миши нечего и думать объ отправкѣ, покуда не вышлютъ офицеровъ изъ Николаева; кого ни пошлютъ въ Николаевъ, всѣ и остаются. У меня на бастіонѣ два молодыхъ офицера и еще армейскій прапорщикъ и ежедневно убываютъ. На многихъ бастіонахъ уже унтеръ-офицеры батареями командуютъ, а все вашъ прославленный М. держитъ изъ дружбы къ Нахимову—не отправляетъ офицеровъ. Сегодня, въ 7 ч. веч., нарочно посылается курьеръ къ М., чтобы выслать праздношатающихся офицеровъ изъ Николаева. Рѣшительно офицеровъ морскихъ нѣтъ—всѣ уѣхали: кто раненъ, кто курьеромъ. Пособи и помоги, Господи, отстоять Севастополь! Заѣзжалъ къ намъ въ домъ. Жить еще можно, но все-таки стекла выбиты, а большія, толстыя—держатся и мало побито. Искалъ чего-нибудь дѣтямъ послать; рѣшительно ничего не нашелъ. А Нахимовъ посылаетъ конфектъ петербургскихъ, привезенныхъ Коломенцевымъ, но дрянныя и дорогія. Все-таки Нахимовъ усердно напрашивается ихъ послать съ курьеромъ. Поклонись Ѳедору Михайловичу и Елизаветѣ Марковнѣ. Пожелай успѣха въ леченіи и душевнаго спокойствія. Баумгартенъ мѣсяца не пробылъ на 4-мъ

бастіонѣ и такой рапортъ хохлатскій написалъ, что не чувствуетъ себя способнымъ на подобную службу, и уѣхалъ лечиться въ Россію. Да, немного армейскихъ у насъ патріотовъ!

До свиданія, моя дорогая Любинька! Молись Богу о сохраненіи Севастополя. Я всю надежду имѣю на Господа: угодно Ему сохранить—сохранитъ, а нѣтъ, то да будетъ Его святая воля. Благослови Лизу и Соню. Я думаю, много выросли послѣ всѣхъ пережитыхъ болѣзней. Боже, приведи увидѣть васъ! Какой будетъ счастливый день! Остаюсь благословляющій вашъ отецъ

А. Панфиловъ.

P. S. Попроси извиненія, что не пишу отдѣльно Ѳедору Михайловичу. Ей-Богу, некогда, да и не идетъ въ голову, что писать. Ты видишь, какое я тебѣ разбросанное письмо написалъ. У насъ страшная жара и совершенный штиль. Сегодня по горизонту собирались тучи, но все разнесло, и нѣтъ надежды на дождь, который намъ такъ нуженъ, какъ манна египетская. Сушь и сушь. Пиши, пожалуйста, сестрѣ. Я сегодня писалъ и опять повторяю о высылкѣ тебѣ банковаго билета. Когда-то я васъ увижу, дѣти, Лиза и Соня? Поцѣлуй и обними крѣпко-крѣпко. Приведи, Господи, спаси и сохрани для васъ.

А. Панфиловъ.

10.

Пятница, 17 іюня, 10 часовъ утра. 3-й бастіонъ.

Дорогая моя Любинька! Письмо твое получилъ отъ 11 іюня и тороплюсь сегодня отвѣтить по простой почтѣ. Насчетъ моей раны не безпокойся: совсѣмъ зажила, только синева еще осталась; но и ничего не чувствую, и не ожидаю никакихъ послѣдствій. Родная моя, какъ можно теперь, въ настоящее время, думать оставить Севастополь, если здоровье и силы позволяютъ. Что дѣлать! Долгъ отечеству сильнѣе долга семейству. Да будетъ Его святая воля. Что угодно Ему, то и будетъ, а безъ важной причины оставить свой важный постъ—грѣхъ и противно присягѣ. Сохрани и помилуй Господь—вотъ моя ежеминутная мысль—и дай силы и крѣпости перенести это страшное время. У насъ слухи носятся, что англичане очень желаютъ мира и что большая надежда, и что это пишетъ Горчаковъ изъ Вѣны. Это мнѣ Хрулевъ говорилъ, да и въ газетахъ англійскихъ, рѣчи въ парламентѣ бывшихъ министровъ—всѣ говорятъ, чтобы миръ заключить. Дай, Господи. За отбитіе штурма мы уже сегодня по телеграфу царское спасибо получили

13 іюля Горчаковымъ. Поклонись Θедору Михайловичу и Елизаветѣ Марковнѣ. Поцѣлуй и благослови дѣтей. Береги себя и дѣтей для моего счастья.

А. Панфиловъ.

P. S. Отчего вы вздумали выѣзжать изъ Николаева? Развѣ Николаевъ—Керчь? Но если это нужно, то съ Богомъ. Куда наши поѣдутъ, туда и ты. Не нужно на этотъ случай лошадей — переговори съ Θедоромъ Михайловичемъ. У насъ перепалка, и ружейная сильная слышится. Вотъ другой день, что дождь перепадаетъ и освѣжаетъ наши батареи, а то страшная пыль была, вѣтромъ разносило и дышать нельзя было на батареяхъ. Я писалъ Θедору Михайловичу отвѣтъ на его письмо, а теперь, родная моя, ни времени, ни мысли нѣтъ. Всю ночь не спалъ: ожидалъ опять штурмъ; днемъ — бумаги и обходимъ бастіоны. Одурь находитъ и памяти нѣтъ.

11.

Воскресенье, 6 часовъ вечера, 19 іюня. 3-й бастіонъ.

Дорогая моя Любинька! Сегодня былъ въ церкви Михайловской и потомъ у Нахимова обѣдалъ, и сейчасъ вернулся на бастіонъ. Благодарю Господа: хранитъ цѣлымъ и невредимымъ. Твое письмо получилъ въ четвергъ вечеромъ. Въ пятницу отвѣчалъ по простой почтѣ, а сегодня Михаилъ Шмидъ съ моего отдѣленія отправляется курьеромъ. У него отецъ померъ и мать больна. Въ городѣ Асланбеговъ сегодня разсказывалъ, что онъ былъ въ главной квартирѣ и видѣлъ маршрутъ войскамъ, должнымъ скоро прибыть въ Крымъ, и что очень много, 4-я, 5-я дивизіи, гренадерскій корпусъ и до 30-ти тысячъ ополченцевъ, которые должны идти на пополненіе полковъ и, говорятъ, черезъ двѣ недѣли всѣ должны быть въ нашемъ лагерѣ. Дай Богъ выйти изъ этого страшнаго положенія. Сегодня на 3-мъ отдѣленіи—малая пальба; даже бомбъ до сихъ поръ мало бросали — не знаю, чему приписать: воскресенье они всегда больше стрѣляютъ изъ ружей. Мы оправились батареями, прибавивъ орудій. Погода послѣ дождя чудесная. Поклонись Θедору Михайловичу и Елизаветѣ Марковнѣ. Поцѣлуй дѣтей и береги себя. Остаюсь благословляющій отецъ вашъ

А. Панфиловъ.

P. S. Сегодня не удалось зайти домой. Послѣ обѣдни былъ у раненаго Тотлебена въ икру ноги навылетъ. Рана заживаетъ хо-

рошо, но вставать еще не скоро можетъ. Вчера вечеромъ много бомбъ бросали на Николаевской площади, а сегодня я хотѣлъ идти во Владимірскую церковь, но опоздалъ и поѣхалъ въ городъ, и видѣлъ, какъ бомба попала во Владимірскую церковь. Вотъ, значитъ, Господь хранитъ. Не знаю, что она тамъ задѣла, но, возвратясь на бастіонъ, сказали—во Владимірскую упала бомба во время службы; и я издали видѣлъ большую пыль около этой церкви. Господи, Господи, спаси и сохрани! На Тя уповаю. Поцѣлуй и благослови Лизу и Соню. Приведи, Богъ, васъ всѣхъ увидать и поцѣловать.

А. Панфиловъ.

12.

1 часъ ночи, 28 іюня. 3-й бастіонъ.

Дорогая моя Любинька! Посылаю тебѣ письмо князя Горчакова. Поздравляю съ такими многими наградами. Поздравь Ѳедора Михайловича съ брильянтовою саблей. Это — прекрасная награда. Въ мирное время ея не заслужить, да и видная. За брильянты на своей саблѣ я потребую деньги, и дарю ихъ вамъ съ Лизой и Соней на брильянты. Вчера вечеромъ дали знать, что сегодня утромъ ѣдетъ курьеръ, а потому, обойдя всѣ отдѣленія, я пришелъ домой и сѣлъ на террасу у хаты, писать. Ночь тихая, но перепалки частыя—ружейныя, пушечныя и бомбы. Мы много палили; не даемъ имъ работать, укрѣпляться, и они отвѣчаютъ. Тихо на дворѣ. Пишу при свѣчкѣ, которую почти не шевелитъ вѣтеръ, а только пальба и раскаты выстрѣловъ безпрерывны. Днемъ было тихо, кромѣ бомбъ, которыхъ много бросали на 3-й бастіонъ и теперь исправляютъ. Много рабочихъ. Но, слава Богу, ночью бомбы перелетали, а днемъ всѣ въ брустверъ попадали. Вчера былъ званъ обѣдать къ Горчакову на Сѣверную, но потомъ сказали—въ лагерь, и я не поѣхалъ такъ далеко и въ 4 часа. Жалѣю, потому что Иннокентій тамъ обѣдалъ. Ждемъ постоянно штурма, но, кажется, непріятель знаетъ, что мы совершенно готовы къ отпору. Но каждую ночь у него большое число войскъ въ траншеяхъ. Лазутчикъ или перебѣжчикъ сказалъ, что у него будутъ войска въ сборѣ съ 23 по 28 іюня; что въ эти дни назначено, если найдутъ возможнымъ, штурмовать. Вѣроятно, ты получишь эти письма 29, въ день твоего рожденія. Поздравляю, родная моя, и желаю увидаться поскорѣе. Я хлопоталъ, чтобы съѣздить въ Николаевъ, но это можно сдѣлать не иначе, какъ подать рапортъ больнымъ, но я здоровъ, а только страшно усталъ, измучился. Когда-то Господь приведетъ васъ увидать. На-

грады: Нахимову—аренда въ 2.000 руб., Розену — по чину, Юкарину—Анна съ короной, Клемченкову, Керну, Винку — аренда по 800 руб., Никонову—Владиміръ на шею. Бутковичу—корону на Анну и еще нѣсколько молодымъ, но немного; дальше — разночинцамъ. Поклонись Ѳедору Михайловичу и Елизаветѣ Марковнѣ. Поздравь съ прекрасною наградой. Поцѣлуй и благослови Лизу и Соню. Будьте здоровы. Богъ дастъ, можетъ быть, конецъ будетъ скоро. Тогда увидимся и забудемъ всѣ эти страсти. До свиданія!

А. Панфиловъ.

4 часа утра.

Солнце восходитъ. Штурма нѣтъ. Будемъ опять завтра ждать. Впрочемъ, какъ будто бы они отложили. Вчера былъ послѣдній день, ими назначенный для штурма и сбора войскъ.

13.

Среда, 29 іюня, 2½ часа по полудни. 3-й бастіонъ.

Поздравляю съ днемъ ангела. Желаю тебѣ здоровья и поскорѣе увидѣться. О, я для твоего рожденія получилъ приказъ отъ Горчакова вступить въ должность военнаго губернатора города Севастополя, командира порта и помощника Сакена. Вчерашній день 3-й бастіонъ выдержалъ 5-ю бомбардировку сильнѣе всѣхъ четырехъ. Началась въ 4 часа утра до часу по полудни и съ 4-хъ часовъ по полудни до 8 часовъ вечера. Страшныя потери въ людяхъ, и бастіонъ избитъ былъ весь и разрушенъ. Всѣ англійскія батареи, всѣ орудія были обращены на 3-е отдѣленіе и въ особенности на 3-й бастіонъ. Это было избіеніе рода человѣческаго. Страшно написать. Ни на одномъ бастіонѣ во все бомбардированіе этого не было. Всѣ англійскія батареи направляли огонь на 3-й бастіонъ и батарею около него. Въ 6 часовъ вечера пріѣхалъ ко мнѣ Нахимовъ, пошелъ по всему отдѣленію подъ страшнымъ, сильнымъ огнемъ, благополучно обошелъ всѣ батареи, а когда онъ сѣлъ на лошадь, и я прощался съ нимъ, мнѣ попала пуля въ лѣвую сторону груди, но не пробила даже сюртука—странный случай при прощаніи! Нахимовъ поѣхалъ на Малаховъ курганъ, гдѣ во весь день не было ни одного выстрѣла. Пріѣхавъ туда, вошелъ на брустверъ; смотрѣлъ изъ-за мѣшка на непріятельскія работы. Пуля попала въ мѣшокъ, на который онъ облокотился, и только сказалъ: „мѣтко стрѣляютъ", какъ слѣдующая пуля попала въ лѣвую бровь и вышла за лѣвымъ ухомъ. Онъ упалъ и былъ безъ памяти, даже пульсъ остановился. Его перевезли на Сѣверную, въ бараки. Сегодня я былъ у него,

но онъ лежитъ безъ памяти и, кажется, нѣтъ надежды на выздоровленіе. Потомъ я поѣхалъ въ городъ, чтобы просить, хоть на два дня въ городѣ пожить. Въ четыре часа опять началась бомбардировка, но не такъ сильно. Мы начали отвѣчать, и въ 6 часовъ утра прекратили, а въ 8 часовъ утра начали рѣдко бросать бомбы. Я одѣлся и собрался ѣхать къ Нахимову, какъ пріѣзжаетъ Сакенъ съ генералъ-адъютантомъ Вревскимъ и объявляютъ, что Горчаковъ назначаетъ меня его помощникомъ на мѣсто Нахимова. Я благодарилъ и сказалъ, что есть старше меня, но онъ отвѣчалъ, что это выборъ Горчакова, и я не прочь былъ, потому что хоть на нѣсколько дней отдохнуть отъ ужасной постоянной службы. Просто такъ тяжело стало, что средствъ нѣтъ. Вчерашніе 16 часовъ страшное избіеніе. Видѣть это — выше силъ самаго хладнокровнаго; видѣть ежеминутно валяющихся и несущихъ убитыхъ и раненыхъ! Я сегодня, въ 6 часовъ вечера, отправился въ городъ, что Богъ дастъ, къ временной новой должности. Вчера вечеромъ послалъ курьера и, кажется, требуютъ Метлина въ Севастополь, не знаю, зачѣмъ. Но я болѣе на бастіонъ не пойду, если Богъ дастъ уйти благополучно. Сегодня я обѣдалъ въ клубномъ ледникѣ, гдѣ живутъ Ключниковъ и Кутровъ, а въ половинѣ второго поѣхалъ домой, на бастіонъ, сдать должность Никонову. Въ пять часовъ у меня будутъ Хрулевъ, Васильчиковъ для разныхъ соображеній насчетъ 3-го отдѣленія. Я переберусь въ домъ Нахимова, а потомъ — въ Николаевскую батарею. Поклонись Ѳедору Михайловичу и Елизаветѣ Марковнѣ. Пожелай здоровья и всѣхъ благъ отъ Господа. Поцѣлуй и благослови Лизу и Соню, дорогихъ моихъ. Приведи Богъ увидѣть васъ.

Четвергъ, 30 іюня, 7 часовъ утра. Севастополь. Нахимовскій домъ.—Ну, родная моя, не вѣрится, что я въ городѣ, и что я не наблюдаю за цѣпью и ночь спалъ, а на бастіонѣ до отчаянья доводитъ постоянная тревога въ душѣ. И въ самомъ дѣлѣ, надо быть неусыпнымъ и неутомимымъ. Теперь у меня являются и собираются лица по всему управленію. До свиданія, моя дорогая! Береги себя и дѣтей. Остаюсь благословляющій вашъ отецъ

А. Панфиловъ.

Сію минуту пріѣхалъ съ Сѣверной стороны отъ Нахимова. Былъ консиліумъ и, говорятъ, нѣтъ никакой надежды на жизнь. Лежитъ, только шевелится и иногда открываетъ глаза, но никого не узнаетъ. Жаль! Много теряетъ флотъ.

14.

Севастополь, четвергъ, 30 іюня, 5 ч. веч. Домъ Нахимова.

Дорогая моя Любинька! Сегодня утромъ послалъ тебѣ письмо по курьерской почтѣ, а теперь отправляю курьера съ донесеніемъ о смерти Нахимова. Умеръ сегодня въ 7 минутъ двѣнадцатаго утра, а въ 3 часа перенесли съ Сѣверной въ его домъ, отслужили панихиду, а теперь читаютъ священники Евангеліе.—Я назначенъ Горчаковымъ на мѣсто Нахимова, помощникомъ Сакена, военнымъ губернаторомъ и командиромъ порта, а вчера вечеромъ перебрался въ домъ Нахимова на время, пока приготовятъ квартиру въ Николаевской крѣпости, гдѣ всѣ вмѣстѣ живутъ. Слишкомъ дорогою цѣной я избавился отъ 3-го отдѣленія, но доходилъ до тяжелаго состоянія, а прошедшую ночь провелъ спокойно въ домѣ Нахимова. Сегодня принималъ должность, подписывалъ бумаги, узнавалъ относящееся къ должности. По отправленіи къ тебѣ письма, я получилъ твое письмо отъ 25 іюня. О вышедшихъ наградахъ я послалъ тебѣ письмо Горчакова. Дай Богъ успѣха Муравьеву на Кавказѣ; можетъ быть, что поможетъ и приблизитъ турокъ къ миру. Дай Господи! Насчетъ Миши—при случаѣ, пришлю въ Николаевъ. Дай Господи, чтобы сонъ твой поскорѣе сбылся, и я бы имѣлъ на рукахъ Лизу и Соню. Приведи, Боже! Заплачу отъ радости. Сегодня я видѣлъ и встрѣчалъ Нахимова, и вносили его въ домъ. Какъ ни старался удержаться—не удержался и сильно прослезился; облегчило сердце. Насчетъ офицеровъ (цынги)—это вздоръ, и въ особенности у Зарина, который сію минуту былъ у меня. — Да, не худо Ѳедору Михайловичу на водахъ полечиться, и не надо упускать лѣтняго времени. Я писалъ Ѳедору Михайловичу по курьерской почтѣ и тебѣ тоже, въ одно время.

Англичане и французы 28 іюня задали 5-ю бомбардировку 3-му отдѣленію. Страшное было избіеніе людей. Потери были гораздо больше всѣхъ прежнихъ бомбардировокъ. Въ 6 часовъ вечера я проходилъ съ Нахимовымъ подъ страшнымъ огнемъ по всему отдѣленію. Когда мы прощались, меня ударила пуля въ лѣвую сторону груди и ничего не сдѣлала, а Нахимовъ поѣхалъ на Малаховъ курганъ, куда ни одного выстрѣла не было, и былъ почти убитъ штуцерною пулей въ лѣвую бровь и надъ лѣвымъ же ухомъ она вышла, чуть захвативъ мозгу. Когда найду время посвободнѣе, напишу длинное письмо Ѳедору Михайловичу, а теперь поклонись ему и Елизаветѣ Марковнѣ. Отчего я отъ нихъ ничего не получаю? Я

самъ рѣшительно не имѣю времени. До свиданія! Поцѣлуй Лизу и Соню. Будьте здоровы. Береги себя и дѣтей. Приведи, Боже, поскорѣе увидаться съ вами. Остаюсь благословляющій отецъ вашъ

А. Панфиловъ.

15.

Воскресенье, 28 августа, 7 час. веч. Сѣверное укрѣпленіе.

Родная моя Любинька! Совершилось! Страшный ударъ. Севастополь сожженъ и взорванъ. Сегодня, въ 6 часовъ утра, всѣ вышли и я, послѣдній изъ генераловъ. Уѣхалъ съ Павловской, гдѣ я распоряжался, а потомъ заѣхалъ на Графскую, поклонился Севастополю, гдѣ уже только нѣсколько отсталыхъ—оставалось человѣкъ десять. Я всѣхъ забралъ и отправилъ на Михайловскую батарею. Ѳедоръ Михайловичъ уже былъ уѣхавши, въ $7^1/_2$ часовъ утра, на Бельбекъ. А вотъ теперь онъ возвратился съ Бельбека.

Страшный ударъ отдача Севастополя! При нападеніи на Севастополь на 3-мъ бастіонѣ отбили отлично, потомъ на 5-мъ бастіонѣ, а Малаховъ курганъ не устоялъ, потому что у Хрулева у здоровой руки оторвало два большіе пальца, и онъ не могъ самъ распоряжаться. Нашихъ выбили изъ Малахова кургана, но не было начальника толковаго, и потери наши значительны, а потому Горчаковъ рѣшилъ оставить Севастополь!! До свиданія, родная моя! Говорятъ, что мы ѣдемъ въ Николаевъ. Благослови Лизу и Соню. Благословляющій вашъ отецъ

А. Панфиловъ.

Сообщила Е. А. Трутъ.

Отвѣтъ Ѳ. А. Макшееву.

Въ отвѣтъ на замѣтку многоуважаемаго Ѳ. А. я считаю долгомъ сдѣлать нѣсколько категорическихъ поправокъ.

1) Невѣрный счетъ начала изданія „Военнаго Сборника“ есть простая опечатка, ибо, если бы я могъ въ этомъ сомнѣваться, то мнѣ стоило бы только протянуть руку къ этажеркѣ, на которой стоятъ первыя книжки „В. С.“ 1858 г.

2) У меня нигдѣ не говорится объ интригахъ Менькова, а говорится только о тѣхъ первыхъ статьяхъ противъ „Военнаго Сборника“, писанныхъ имъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“. О дѣйствіяхъ же Менькова въ то время, когда шелъ вопросъ о преобразованіи „Русскаго Инвалида“, о тѣхъ совѣщаніяхъ, которыя происходили между нимъ и лицами, заинтересованными въ этомъ дѣлѣ, я не считаю себя въ правѣ говорить.

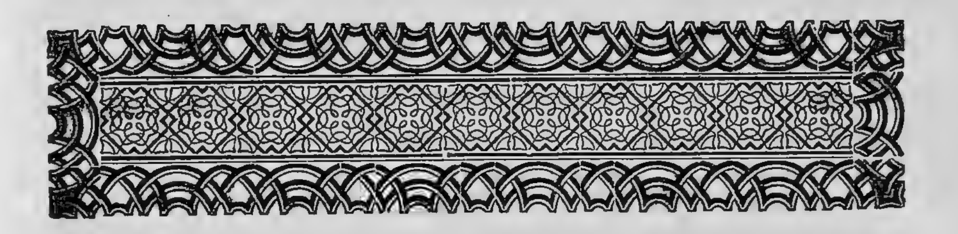
3) Невыгодныя стороны личнаго характера Менькова выдуманы не мною; я передалъ ихъ, указавъ на источникъ. Въ этомъ отношеніи я совершенно расхожусь съ тѣми, которые держатся правила: говорить о покойникахъ только хорошее или ничего не говорить. Тогда міровая и всякая другая исторія обратится въ чиновничій формуляръ съ прописью „подъ судомъ не состоялъ“.

4) Меньковъ и Штюрмеръ дѣйствительно не были союзниками по договору, но были союзниками фактическими, ибо и тотъ и другой, одинъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“, а другой въ цензурномъ комитетѣ, указывали на новый „Военный Сборникъ“, какъ на вредное изданіе. А что Штюрмеръ потомъ пререкался съ Меньковымъ, то такова уже была натура Штюрмера и его взглядъ на литературу вообще и на военную въ особенности.

5) Что „В. С.“ за все время редакторства Менькова былъ одобряемъ Государемъ и военнымъ министромъ, то это понятно, ибо какъ военный журналъ онъ вполнѣ удовлетворялъ своей цѣли, давая цѣнныя статьи для офицеровъ и продолжая заслуживать такія же одобренія бывшимъ редакторамъ и послѣ Менькова. Такъ какъ въ этомъ отношеніи я ровно ничего не говорилъ, то почему мнѣ объ этомъ упомянуто — я не знаю. Я не только не думалъ отрицать заслугъ „В. С.“, но напротивъ нѣкоторыя статьи уважаемаго журнала нахожу настолько цѣнными, что онѣ могли бы занять видное мѣсто въ любомъ историческомъ журналѣ. Такова цѣлая монографія г. Тимченко-Рубана: „Присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Пріамурья, Сахалина и Уссурійскаго края“.

Было бы желательно, если бы авторъ продолжилъ свой цѣнный трудъ и воспользовался бы богатымъ матеріаломъ, собраннымъ на мѣстѣ коммисіею, командированною по Высочайшему повелѣнію въ 1869 году.

С. Зыковъ.

Пребываніе Императора Александра I въ селѣ Грузино, Новгородскаго уѣзда, Новгородской губерніи, 7 іюня 1810 г.

Лѣтъ 10 тому назадъ, осматривая достопримѣчательности Андреевскаго собора и Аракчеевскаго дворца въ селѣ Грузино, бывшемъ вотчиной всесильнаго временщика, графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, я встрѣтилъ любопытную запись о первомъ посѣщеніи села Грузино Императоромъ Александромъ I 7-го іюня 1810 года, которому, слѣдовательно, въ настоящемъ году, 7-го іюня, исполнилось ровно 100 лѣтъ. Запись сдѣлана собственноручно графомъ Аракчеевымъ по листамъ напрестольнаго евангелія подъ печатнымъ текстомъ и только по правой сторонѣ текста. Само евангеліе особеннаго интереса не представляетъ: оно въ листъ, напечатано въ Москвѣ въ 1800 году и имѣетъ довольно красивый серебряный вызолоченный окладъ; верхняя доска оклада украшена 5-ю финифтевыми образками эллиптической формы, изъ которыхъ средній — Воскресеніе Христово, а остальныя—поясныя изображенія евангелистовъ. Всѣ эти изображенія окаймлены бѣлыми камнями (стразами) и имѣютъ надъ собой корону изъ тѣхъ же камней. Между изображеніями на окладѣ чеканные узоры, и такой же красивый бордюръ идетъ по краямъ верхней доски оклада. На нижней доскѣ оклада находится горельефное изображеніе „Свыше Тя пророцы провозвѣстиша“: Богородица, окруженная пророками, предсказавшими непорочное зачатіе Сына Божія, и 4 ножки. Застежки евангелія сдѣланы въ видѣ двухъ фигуръ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла. Это евангеліе графъ Аракчеевъ подарилъ въ грузинскій соборъ ко дню освященія въ немъ лѣваго (Петропавловскаго) придѣла 1-го дека-

бря 1807 года, заплативъ за евангеліе 500 руб. Высота евангелія $11^1/_4$ вершковъ, ширина—$7^1/_4$ вершковъ. Текстъ аракчеевской надписи таковъ:

„Сіе евангеліе куплено въ Санктъ-Петербургѣ ценою пятьсотъ рублей подаяніемъ благочестивыхъ и добрыхъ крестьянъ моей грузинской вотчины 1807 года ноября 30-го дня ко дню праздника грузинскаго села святаго апостола андрея первозваннаго во время владѣнія онымъ селомъ и вотчиною генерала отъ артиллеріи и кавалера всей россійскай артиллеріи графа алексѣя андреевича, сына аракчеева.

Грузинская церковь святаго апостола андрея первозваннаго и село грузино имѣло счастье быть посѣщено 1810 году іюня 7 дня (тысяча восемьсотъ десятаго году) іюня въ седьмой день, что было тогда во вторникъ на другой день духова дня всероссійскимъ Государемъ Императоромъ Александромъ первымъ въ знакъ его высочайшаго благоволѣнія къ подданному своему помещику онаго села генералу отъ артиллеріп и разныхъ орденовъ кавалеру графу Алексѣю андреевичу сыну аракчееву слѣдующимъ образомъ:

Государь Императоръ возвращался изъ города Твери отъ великой Княгини Екатерины Павловны со станціи чудово изволилъ поворотить по Тихвинской дорогѣ будучи въ чудовѣ встрѣченъ графомъ прибылъ въ деревню слободу ночью въ двѣнадцатомъ часу, гдѣ оставя экипажи изволилъ сесть въ изготовленный отъ графа трешкотъ самъ третій, т. е. Его Величество, графъ Аракчеевъ и оберъ Гофмаршалъ графъ Толстой гребцами на трешкотѣ были съ пристани емщики по переѣздѣ разлива отъ слободы до церкви николая чудотворца изволилъ государь на берегу сесть съ графомъ въ приготовленныя дрожки а графъ Толстой особо въ линейку, и такимъ образомъ отправились въ грузино, куда къ перевозу пріѣхали уже по полуночи во второмъ часу по переѣздѣ волхова на плоту государь изволи л отъ пристани въ домъ итти пѣшкомъ по входѣ въ домъ изволи л занять въ нижнемъ этажѣ спальню и уборную, гдѣ раздѣвшись изволи л лечь почивать выкушавъ только двѣ чашки чаю. По утру осьмаго числа изволи л пробудиться въ восьмомъ часу, а въ девятомъ часу уже былъ совсѣмъ одѣтъ, и осмотря покои верхняго этажа и бельведеръ изволилъ съ графомъ пойти въ церковь, гдѣ встрѣтило его духовенство съ крестомъ и святою водой и проводило въ церковь. Государь изволилъ осмотрѣть всю церковь а изъ оной изволи л съ графомъ пойтить въ садъ, гдѣ изволилъ гулять по всему саду осматривать пруды, памятникъ старика исака и деревянный домъ, а въ одинадцатомъ часу возвратился въ каменный домъ гдѣ изволи л въ нижнемъ

этажѣ въ гостинной фриштыкать съ графомъ хозяиномъ и графомъ Толстымъ а послѣ фриштыка изволилъ съ графомъ хозяиномъ сесть въ дрожки а графъ Толстой въ шведской одноколкѣ и поѣха л осматривать деревни, именно Грузино, Хотитово, Модня, Новую деревню, Графскую слободку, въ концѣ коей поворотить обратно, и проѣхалъ въ Мотылье, а изъ оной въ Хотитово, возвратился въ грузино по садовой дорогѣ, къ прудамъ, гдѣ сойдя съ дрожекъ изволилъ вторично гулять въ саду и посѣщать вторично деревянной домъ, а въ два часа пополудни возвратился въ домъ каменной и изволилъ кушать за обѣденнымъ столомъ въ верхнемъ этажѣ въ залѣ съ хозяиномъ графомъ и графомъ Толстымъ. Послѣ кушанья, изволи л еще разъ осматривать покой верхняго этажа и играть одну партію въ билліардъ съ графомъ Толстымъ, послѣ онаго изволилъ сойтить въ нижній этажъ и въ своей комнатѣ изволи л заниматься государственными дѣлами отправя въ С.Петербурхъ и въ Тверь курьера (фельдъ-егеря) въ 6-мъ часу изволи л выйтить въ Гостинную нижняго этажа комнату, гдѣ кушать чай, а послѣ онаго изволи л еще разъ гулять въ саду, и въ седьмомъ часу пополудни изволи л отбыть изъ грузино, объявя хозяину весьма милостивое благоволеніе, на перевозѣ реки волхова изволи л съ плота сесть въ простую тутъ бывшую лодку въ нее посадя графа хозяина и графа Толстаго изволилъ самъ грести веслами и перевесть чрезъ всю рѣку, будучи весьма веселъ; по переѣздѣ волхова изволи л поѣхать съ хозяиномъ на дрожкахъ до Николы, гдѣ изволилъ проститься съ графомъ хозяиномъ и на прежнемъ трешкотѣ съ графомъ Толстымъ переѣхавъ разливъ изволи л въ деревнѣ слободѣ сесть въ свой экипажъ и отправиться въ СПетербурхъ. Сія лодка и весла кои удостоились перевозить монарха сохраняются въ грузинѣ, Государь Императоръ въ СПетербурхъ по возвращеніи своемъ удостоилъ графа Аракчеева отъ 21-го іюня за собственноручнымъ подписаніемъ рескрипта, въ коемъ изволилъ изъявить къ сведенію всей россійской имперіи свое высочайшее благоволеніе графу Алексѣю Андреевичу. Графъ Аракчеевъ въ знакъ благодарности апостолу Христову андрею первозванному сей роскриптъ государевъ подарилъ въ церковь божію для вечнаго храненія въ особомъ бронзовомъ ковчеге внизу портрета государя императора александра перваго. Содержаніе же рескрипта слѣдующіе который списанъ съ подлиннаго въ присутствіи графа Аракчеева капельмейстеромъ (Его) Семеномъ Алексѣевымъ:

Графъ Алексѣй Андреевичъ! Устройство и порядокъ, который лично видѣлъ Я въ деревняхъ вашихъ при посѣщеніи васъ на воз-

вратномъ пути Моемъ изъ Твери доставили мнѣ истинное удовольствіе. Доброе сельское хозяйство есть первое основаніе хозяйства государственнаго. Посему Я всегда съ особеннымъ вниманіемъ взиралъ на всѣ свѣдѣнія доходящія ко мнѣ о благоустройствѣ частнаго сельскаго управленія и всегда желалъ, чтобы число добрыхъ и попечительныхъ помѣщиковъ въ отечествѣ нашемъ умножилось. Надѣяться должно, что примѣры ихъ изгладятъ постепенно слѣды тѣхъ неустройствъ, кои къ сожалѣнію всѣхъ людей благомыслящихъ необдуманная роскошь или небреженіе доселѣ въ сей части оставляли. Бывъ личнымъ свидѣтелемъ того обилія и благоустройства, которое въ короткое время безъ принужденія, однимъ умѣреннымъ и правильнымъ распредѣленіемъ крестьянскихъ повинностей и тщательнымъ ко всѣмъ нуждамъ ихъ вниманіемъ успѣли вы ввести въ вашихъ селеніяхъ, Я поспѣшаю изъявить вамъ истинную мою признательность за удовольствіе, которое вы Мнѣ симъ доставили. Когда съ дѣятельностью государственною службою сопрягаются примѣры честнаго добраго хозяйства, тогда и служба, и хозяйство получаютъ новую цѣну и уваженіе.

Пребываю вамъ всегда благосклонный.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою Александръ. въ Санктъ-Петербурхѣ двадцать перваго іюня тысяча весемьсотъ девятаго году“

Это же событіе графъ Аракчеевъ записалъ вторично на прокладныхъ листахъ принадлежащаго ему евангелія, среди другихъ своихъ автобіографическихъ замѣтокъ, но въ болѣе сокращенномъ видѣ, такимъ образомъ:

„Іюня съ 7-го на 8-е число 1810 года, что было съ понедѣльника на вторникъ, Государь Императоръ Александръ I, возвращаясь изъ Твери, нарочно изволилъ заѣхать въ Грузино, посѣтить графа Аракчеева, прибывъ ночью во 2-мъ часу, изволилъ лечь почивать, а по утру 8-го числа, въ 9 часовъ, одѣвшись, изволилъ посѣщать церковь, и гулялъ по всему саду и селенію до 11 часовъ, потомъ, возвратясь въ домъ, изволилъ фрыштикать, и потомъ съ графомъ Аракчеевымъ ѣздить на дрожкахъ по деревнямъ, и, возвратясь во 2-мъ часу, изволилъ имѣть обѣденный столъ, и послѣ обѣда пробылъ до 7-ми часовъ вечера, и потомъ изволилъ отправиться въ С.-Петербургъ, и былъ чрезвычайно доволенъ и веселъ“.

Гдѣ въ настоящее время находится аракчеевское евангеліе съ его собственноручными автобіографическими замѣтками на прокладныхъ листахъ, я не знаю, но всѣ эти замѣтки полностью помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1866 годъ (книга 36-я, стр. 922—927).

Въ грузинскомъ соборѣ было еще одно евангеліе съ любопыт-

ной аракчеевской записью о вторичномъ посѣщеніи села Грузино Императоромъ Александромъ I 8-го іюля 1816 года, но теперь его тамъ нѣтъ, и куда оно дѣвалось, неизвѣстно, текстъ же этой записи сохранился въ журналѣ „Пчела“ за 1877 годъ (№ 49) и въ „Памятной Книжкѣ Новгородской губерніи“ за 1878 г. (стр. 46—48).

Въ виду рѣдкости вышеназванныхъ изданій, считаю необходимымъ привести здѣсь эту запись полностью въ двухъ редакціяхъ: въ полной, какъ записалъ графъ Аракчеевъ въ нынѣ утраченномъ евангеліи, и въ краткой редакціи, какъ записано въ автобіографическихъ замѣткахъ графа на прокладныхъ листахъ его евангелія.

Запись о вторичномъ пребываніи въ Грузино Императора Александра I 8-го іюля 1816 года слѣдующаго содержанія:

„1816 года іюня 8 дня, Государь Императоръ Александръ Павловичъ вторично изволилъ посѣтить село Грузино, что происходило слѣдущимъ образомъ:

Въ субботу въ 9 часовъ вечера, прибылъ въ Грузино Его Величества камердинеръ и сказалъ о скоромъ прибытіи Государя, что услыша графъ переправился на другую сторону Волхова для встрѣчи Государя. Въ $10^1/_2$ часовъ Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Грузино съ генералъ-адъютантомъ княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ и вышедъ изъ коляски, по обыкновенномъ привѣтствіи, сѣлъ въ катеръ и переправились чрезъ Волховъ. У перевоза нѣсколько собравшагося народа ожидали съ нетерпѣніемъ прибытія Государя, коему Его Величество кланяясь ласково привѣтствовалъ сими словами: „здравствуйте, мужички!“ Съ пристани Государь въ сопровожденіи графа и князя Волконскаго изволилъ пойти по горѣ мимо собора въ каменный домъ, гдѣ, напившись чаю, изволилъ лечь опочивать, что было въ началѣ 12 часа. Въ воскресенье (9 іюня) по утру, Государь изволилъ проснуться въ 7-мъ часу, откушавъ чай и одѣвшись въ форменный сюртукъ, изволилъ осматривать нижній этажъ каменнаго дома. Послѣ чего вмѣстѣ съ графомъ и княземъ Волконскимъ пошли гулять въ садъ, которая прогулка происходила такимъ образомъ: Вышедъ изъ каменнаго дома, пошли прямо въ деревянный домъ, оттуда въ гротъ, изъ коего къ лѣтнимъ горамъ, а оттуда переѣхавъ чрезъ прудъ на плотикѣ, шли по еловой аллеѣ къ палаткѣ поставленной на возвышеніи, позади библіотеки. Потомъ по ѣзжалой дорогѣ прошли въ чугунныя ворота (кои находятся при выходѣ изъ сада) и продолжали прогулку по каменному мосту, съ коего усмотрѣвъ Государь храмъ благодарности, посвященный генералу Мелисино, воспитателю графа, изъявилъ желаніе осмотрѣть оный, для чего прошедъ мостъ и пошли поличкомъ къ магазейну на пристань. Куда и поданъ былъ яликъ, на которомъ

и поѣхали на островокъ съ гаванью къ храму Мелисино. Послѣ сего чрезъ березовую нижнюю большую аллею прошли къ каменному дому и на нижніе круглые террасы посмотрѣвъ комнаты, въ коихъ приставалъ князь Волконскій, т. е. въ баенномъ флигилѣ, пошли въ палатку, стоящую въ большой липовой аллеѣ, въ которой представленъ былъ фриштыкъ, а отъ фриштыка возвратились въ каменный домъ, тогда уже было времени 10 часовъ. Въ сіе время начался благовѣстъ къ обѣднѣ, и когда были прочитаны часы и все приготовлено, тогда Государь, одѣвшись въ мундиръ, изволилъ идти въ соборъ, сопровождаемъ графомъ и княземъ Волконскимъ. При входѣ въ соборъ, Его Величество по обыкновенію былъ встрѣченъ священно и церковно-служителями съ крестомъ и святой водой. Послѣ сего по вступленіи въ церковь тотчасъ началась божественная литургія, въ продолженіе которой Государь изволилъ стоять противъ образа Св. Апостола Андрея Первозваннаго, у праваго клироса, и по окончаніи божественной литургіи изволилъ осмотрѣть памятники въ соборѣ Императору Павлу I и убіеннымъ офицерамъ полка графа Аракчеева. Изъ собора возвратились въ каменный домъ, Государь изволилъ отдыхать до самого обѣда, который начался въ 2 часа пополудни, во время стола играла духовая музыка въ саду, въ аллеѣ между домомъ; столъ продолжался до $3^1/_2$ часовъ. Вставъ изъ за стола, изволилъ осматривать верхній этажъ, и кушать кофе въ боскетѣ, и послѣ ходилъ на бельведеръ и любовался на вновь построенныя деревни, сосчитавъ всѣ деревни самъ, гдѣ и изволилъ сидѣть на кушеткѣ нѣсколько времени съ графомъ до $6^1/_2$ часовъ. А въ сіе время Государь съ графомъ поѣхали въ дрожкахъ по берегу рѣки Волхова въ дер. Ваю, оттуда въ переходъ, и оттуда по дорогѣ на просѣку и проѣхали въ Мотылью и Модню, гдѣ остановясь осмотрѣлъ церковь на кладбищѣ, прочиталъ всѣ надписи, а изъ Модня проѣхалъ въ Березовецъ, а оттуда въ Графскую слободку, гдѣ входилъ въ угловой домъ къ крестьянину Дмитрію.... но пожаловалъ 50 руб., а потомъ въ Новой деревнѣ проѣхалъ по улицѣ къ островку и возвратясь обратно у Яковлева дома, зайдя въ оный осмотрѣлъ всѣ избы, изволилъ кушать молоко и пожаловалъ ему 100 рублей. Изъ Новой деревни возвращаясь въ Грузино чрезъ Модне и Хотитово, гдѣ и изволилъ заходить въ домъ къ головѣ, осмотрѣлъ оный и изволилъ поговорить съ головою, приказывая ему представить сыновей съ ихъ женами, а потомъ вышедъ изъ дому сѣлъ на дрожки и поѣхалъ въ Грузино, гдѣ останавливался противъ качелей и разговаривалъ съ народомъ, а потомъ проѣхалъ мимо священическихъ домовъ и обратно чрезъ мостъ, вышелъ на площади съ дрожекъ и осмотрѣлъ домикъ, построенный на площади,

подъ названіемъ швейцарскій, а потомъ изволилъ пѣшкомъ возвратиться чрезъ чугунныя ворота по березовой аллеѣ до гротовъ, гдѣ вышелъ на оные и мимо деревяннаго дома возвратился чрезъ круглый балконъ въ каменный, что ужъ было въ 9 часовъ вечера, гдѣ изволилъ кушать съ графомъ чай въ левантиновой комнатѣ, куда возвратился и Князь Волконскій, который оставался отъ Государя въ Грузинѣ для отправленія въ СПетербургъ фельдъегеря, и повстрѣчавшись съ Государемъ на гуляньи въ Моднѣ, гдѣ Государь приказалъ ему ѣхать въ Новую деревню и осмотрѣть оную, послѣ чаю Государь изволилъ заниматься опять дѣлами съ графомъ до 10 часовъ, послѣ чего распрощавшись съ графомъ, изволилъ лечь опочивать, въ 11 часу. Въ понедѣльникъ по утру изволилъ проснуться въ 5 часовъ и откушавъ чай изволилъ отправиться въ 6 часовъ изъ Грузина обратно въ С.-Петербургъ, простившись съ графомъ за Волховомъ. До Волхова же изволилъ идти пѣшкомъ и у собора изволилъ подходить къ протопопу и старшему священнику. Прогулка по деревнямъ Государя Императора составляла 19 верстъ 10 іюня 1816 года въ Грузинѣ".

Вторичное посѣщеніе Императоромъ Александромъ I Грузина графъ Аракчеевъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ на прокладныхъ листахъ евангелія отмѣтилъ такъ:

„Іюля 8-го 1816 г. что была суббота, Государь Императоръ Александръ I-й изволилъ нарочно пріѣхать изъ Царскаго Села въ Грузино, посѣтить графа Аракчеева прибылъ 8-го, въ 10 съ половиною часовъ по полудни съ Генералъ-Адъютантомъ Волконскимъ, изволилъ лечь почивать, а поутру 9 числа, въ 7 съ половиной часовъ, одѣвшись изволилъ гулять въ саду, и, пройдя чрезъ большой мостъ въ деревню до магазина, гдѣ изволилъ сѣсть въ Елботъ, заѣхалъ въ бесѣдку, посвященную Генералу Мелисино, которая очень понравилась, оттуда переѣхалъ на большую пристань Садовую и прошелъ въ палатку, гдѣ готовъ былъ фриштыкъ, и изволилъ кушать, а потомъ возвратился въ домъ, уже въ 10 часовъ утра, въ которое время начали благовѣстить къ обѣднѣ".

Оба посѣщенія села Грузина, Императоромъ Александромъ I графъ Аракчеевъ еще увѣковѣчилъ на металлической доскѣ въ стѣнѣ грузинскаго собора по сторонамъ бронзоваго золоченаго ковчега художественной работы, въ которомъ хранится подлинный благодарственный рескриптъ Императора Александра I-го графу Аракчееву по случаю перваго посѣщенія села Грузино 7 іюня 1810 года и французскій переводъ этого же рескрипта въ желтомъ кожанномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ названія.

*

На металлической доскѣ эти посѣщенія обозначены кратко:

1810 году
7 іюн(я*)
1816 года 1819 года
8 іюня 27 іюня
1820 года 1820 года
(4*) м(а*)рт(а*) 26 іюн(я*).

Ковчегъ съ рескриптомъ помѣщенъ подъ горельефнымъ золоченымъ портретомъ Императора Александра I изъ чугуна въ сѣверо-западномъ углу средняго придѣла собора. Лодка, въ которой Императоръ Александръ I впервые переѣзжалъ Волховъ въ Грузинѣ 7 іюня 1810 года, конечно, не сохранилась, несмотря на страшное заклятіе графа Аракчеева, только чугунная доска съ полинявшими золочеными буквами на кирпичной четырехъугольной тумбѣ, сверху обитой листовымъ желѣзомъ, подъ вызолоченнымъ полинявшимъ двуглавымъ орломъ, напоминаетъ о существованіи лодки:

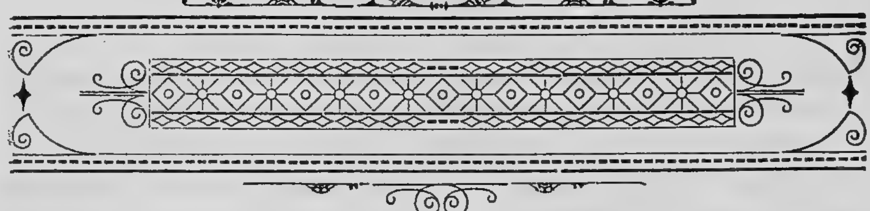
„7 іюня 1810 года. Во время посѣщенія Императоромъ Александромъ Благословеннымъ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева въ селѣ Грузинѣ, въ означенное здѣсь время, Его Императорское Величество изволилъ въ оной лодкѣ и сими самыми веслами Самъ перевозить чрезъ рѣку Волховъ Оберъ-Гофмаршала графа Николая Александровича Толстого и графа Аракчеева; да сохранятся на вѣчныя времена сіи драгоцѣнныя вещи, и да будетъ проклятъ всякой тотъ, кто осмѣлится истребить оныя“.

Какъ ни страшна эта надпись, но она все-таки не спасла лодки отъ гибели. Лодка погибла отъ небрежнаго храненія, какъ погибли и сейчасъ гибнутъ многія вещи въ грузинскомъ соборѣ и въ Аракчеевскомъ дворцѣ. Sic transit gloria mundi!

Н. А. Лашковъ.

*) Числа и буквы въ скобкахъ утрачены на доскѣ.

Изъ давно прошедшаго[1].

(1876—1879).

20 іюля 1878.

Какъ тяжело было читать объ уступкахъ и о роли подсудимой, которую разыгрывала Россія на Берлинскомъ конгрессѣ!

А, главное, вѣдь это значитъ, что черезъ 25 лѣтъ, а то и раньше—опять война!

Только вспомнить: 1810 г., 1828—29, 1854 и 1878! Еще столѣтіе не окончено, а уже 4 войны съ Турціей, и въ концѣ концовъ Берлинскій конгрессъ за подковообразнымъ столомъ, съ подсудимыми Турціей и Россіей на шипахъ подковы!

Грустно! Но мы отчасти сами заслужили...

Сегодня читалъ Герцена. (Горныя вершины).

„Какой страшный вредъ вы сдѣлали намъ во время нашего возстанія", сказалъ ему Кошутъ „и какой страшный вредъ вы сдѣлали самимъ себѣ. Какая узкая и противуславянская политика поддерживать Австрію. Разумѣется, Австрія и спасибо не скажетъ за спасеніе: развѣ вы думаете, что она не понимаетъ, что Николай не ей помогалъ, а вообще деспотической власти".

Къ этимъ словамъ иллюстрація:

Въ 48 году мы подавляли стремленія народа освободиться отъ Австріи.

Въ 54 году Австрія, нисколько не чувствуя себя „обязанной быть благодарной", наноситъ намъ ужасный ударъ въ тяжелое время.

---

[1]) См. „Русскую Старину" іюнь 1910 г.

Въ 77—78 году Краевскій [1]) и братія никакъ не могутъ установиться на почвѣ здраваго смысла, они раздуваютъ разныя фразы о благодарности, дружбѣ и пр. и пр. чувствахъ, они, въ своихъ передовыхъ статьяхъ сводятъ великую исторію, имѣющую подкладкой громадныя цѣли и интересы, на частную жизнь Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича.

По нимъ: „Андраши за насъ“ (точно у него нѣтъ чего-либо поинтереснѣе), Бисмаркъ и Вильгельмъ насъ любятъ.

Чтобы укрѣпить дружбу, Московскія дамы вышиваютъ Бисмарку туфли.

Вотъ развѣ подлецъ Биконсфильдъ, да что онъ?

Торгашъ, мѣняла, жидъ!

И за всѣмъ этимъ забывается дать обществу хоть бы нѣкоторое понятіе о тѣхъ цѣляхъ, которыя преслѣдуетъ политика державъ, о тѣхъ жизненныхъ интересахъ, которыми и ради личной пріязни не поступится глава конституціоннаго правительства. Что же тутъ удивительнаго, если въ одномъ № вы встрѣчаете лирическую статью о дружбѣ напр. Австріи, а въ другомъ № мрачную элегію о коварствѣ, измѣнѣ и т. д.? Напр. читаетъ гр. Адраши рѣчь (L'orient [2]), 1878 г., 11—14 декабря) передъ делегатами Имперіи, выясняетъ цѣли правительства. Что же проще—взять, да и дать своей публикѣ точный отчетъ о словахъ графа, нѣтъ, не то. Публикѣ не сообщается ничего. Только на цѣломъ листѣ крики—„Мы это предвидѣли“. „Австрія за насъ!“ Вдругъ въ мартѣ и апрѣлѣ послѣ Санъ-Стефанскихъ прелиминарій (1878 г. 19 февр.) „Австрія двулична, она обманула“ и т. д., да стыдитесь же, г. г., возьмите, прочтите рѣчь Андраши и будетъ ясно, что ничего другого и не могла сдѣлать Австрія, какъ не стать противъ договора 19 февраля.

Англію же мы всегда третируемъ en canaille: „торгаши, лоскутники“ и уже когда очень задѣты, то „коварные сыны Альбіона“. То же самое и съ Германіей: все кричали о дружбѣ, о родственныхъ связяхъ и пр. и не давали себѣ труда разъяснить, да дѣйствительно ли дружба двухъ людей способна много повліять въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ восточный; да и вообще, что же лежитъ за этой дружбой, кромѣ родства двухъ монарховъ?

Вотъ кричали о дружбѣ, о Бисмаркѣ, дамы посылали туфли, освѣдомлялись, гдѣ у князя мозоли, чтобы посвободнѣе пустить. Начинается Берлинскій конгрессъ (1 іюня 78 г.—1 іюля), и мы

[1]) Издатель „Голоса“.

[2]) Журналъ, издававшійся во время войны; я получалъ его все время.

видимъ, что вовсе уже не такъ съ нами носятся, какъ мы ожидали, оказались мозоли, которымъ туфли не могли угодить...

А можно было и раньше сказать, что Германія въ устройствѣ Балканскаго полуострова займетъ именно это, а не иное положеніе (L'Orient. Correspondance de l'Hongrie. Politique du prince Bismark).

Также кричали и о непослѣдовательности политики Англіи, политики, которая теперь представляется очень послѣдовательной и надѣлавшей намъ много непріятностей.

Наши недоразумѣнія лежатъ единственно въ томъ, что не хотимъ понять, что политикой руководятъ интересы, а не платоническія чувства, и что политика Англіи, Австріи, Германіи соотвѣтствуетъ истиннымъ внутреннимъ или внѣшнимъ потребностямъ. Вотъ если бы намъ наши руководители показывали съ этой точки, то все и было бы ясно и логически, и мы видѣли бы немного больше впередъ и немного лучше понимали бы прошлое, а если стать на искусственную почву платоническихъ чувствъ, то понятно,— всегда будетъ казаться непослѣдовательной политика, основанная на дѣйствительныхъ интересахъ, нуждахъ и цѣляхъ народа.

Вообще всѣ наши передовыя статьи не болѣе, какъ рядъ удивленій ряду совершившихся фактовъ.

Какъ мало мы придаемъ значенія исторіи и интересамъ народа, какъ много основываемся на чувствахъ, видно уже вотъ изъ чего: когда послѣ 2-хъ столѣтій, проведенныхъ въ войнахъ съ Турціей, намъ удалось заключить выгодный прелиминарный миръ, мы разсчитываемъ на чувства благодарности (!?) Турціи за то, что мы не все еще отъ нея отобрали, заговорили о союзѣ съ Турціей, а теперь удивляемся, что Англія не потеряла еще своего вліянія! [1])

Все кончено: миръ окончательный и теперь—уже это вѣрно—очень скоро мы вернемся въ Россію! Теперь уже дѣлаютъ всякія приготовленія для отправки въ Россію всѣхъ лишнихъ вещей, которыя находились въ складахъ въ Рущукѣ и другихъ мѣстахъ.

Точно не знаемъ, когда выступаемъ, но думаемъ, что очень скоро. Идемъ мы къ Черному морю,--маршрутъ еще не высланъ, но уже намъ извѣстно, что идемъ въ Бальчикъ — не далеко отъ Варны, которая уже теперь занята нашими войсками. Говорятъ, что насъ повезутъ моремъ въ Одессу. Одесса! Просто не вѣрится, что все уже окончено.

[1]) Это было писано въ 1878 году, т. е. за 31 годъ до аннексіи Босніи и Герцоговины, такъ внезапно и неожиданно взволновавшей наше общество...

18 августа 1878 г. Афлаторъ.

Нашъ походъ немного отложили: выходимъ только завтра, т. е. 19 авг. идемъ чрезъ Добруджу на Тульчу; у Тульчи переправимся чрезъ Дунай въ Измаилъ—это уже на русской территоріи. Итакъ 2 сентября вступимъ въ предѣлы Россіи!

28 августа 1878 г. Черноводы.

Что же съ нами дѣлаютъ!?

Писалъ о походѣ въ Россію, о высланномъ уже маршрутѣ — и что же вышло? Выступили въ походъ, семь дней шли и на восьмой день пришли и стали въ Черноводахъ—крошечный городокъ въ Добруджѣ на берегу Дуная, со станціей желѣзной дороги на Кюстендже у Чернаго моря. Походъ же въ Россію, неизвѣстно почему, отложенъ!

Остаемся снова ждать!

9 сентября 1878 г. Черноводы.

...Идемъ въ Варну и, кажется (!?), остаемся на оккупацію...

2 октября 1878 г. Черноводы.

Сегодня послѣдній вечеръ въ Черноводахъ. Завтра утромъ выступаемъ въ походъ въ Проводы. Предстоитъ 9 дней похода по разрушеннымъ бѣднымъ татарско-молдованскимъ деревнямъ.

Увы! Остаемся на оккупацію...

Укладывался и перечитывалъ письма изъ Россіи. Задумался надъ письмомъ П. Н. Попова изъ Полтавы, полученнымъ еще зимой. Между прочимъ онъ писалъ:

...„Изъ Вашего письма я вижу, что Вы тяготитесь пребываніемъ въ арміи; правда, кампанія затянулась на долго и на долго отсрочивается приведеніе въ исполненіе Вашихъ плановъ, но оставьте точку зрѣнія Вашихъ личныхъ интересовъ. Вдумайтесь, милый юноша, что судьба сдѣлала Васъ участникомъ грандіознѣйшихъ событій, содѣятелемъ достиженія благороднѣйшихъ цѣлей. Вдумайтесь въ это, и Вы найдете утѣшеніе, и будете потомъ благодарить судьбу“.

На оккупаціи.

Въ Черноводахъ всѣ чувствовали себя угнетенными полной неопредѣленностью положенія. Время отъ времени ѣздили въ Кюстенджи—городокъ на берегу Чернаго моря. Ничего не дѣлалъ. Время проводилъ такъ: утромъ — верхомъ, затѣмъ обѣдъ у князя. Вечеромъ

всѣ, съ кн. во главѣ, какъ бы по уговору, сходились на желѣзнодорожномъ вокзалѣ—тутъ же и пароходная пристань—здѣсь садились за столъ, слушали вѣнскій оркестръ, пили шампанское, закусывали у буфета уксусными корнишонами и часовъ въ 12 расходились по домамъ.

Иногда къ намъ подсаживался кто-либо изъ пріѣзжавшихъ или уѣзжавшихъ.

Подходитъ безъ фуражки, вытираетъ потный лобъ — рекомендуется—здѣшній комендантъ Комаровъ—суетливый, весь еще взволнованный: его обязанность „содѣйствовать".
„Ну, что вы безъ меня!?"

Но иногда это содѣйствіе понималось своеобразно.

Разъ ночью будитъ прапорщикъ—„не угодно ли—у него сломалось колесо, такъ выдай ему сейчасъ же новое!!"

Прежде я волновался, а теперь много спокойнѣе: пришелъ кто-нибудь просить, пришелъ жаловаться—прямо въ зубы!

— Что? Вы говорите не виноватъ?

— Извините—всякій чѣмъ-нибудь да виноватъ—никому не даромъ! а мнѣ за то покойнѣй.

— Нѣтъ, вы представить себѣ не можете, какъ меня извелъ Цеймарнъ (бывшій командиръ корпуса); сидѣлъ тутъ, ничего не дѣлалъ и путался (выразился гораздо грубѣе) съ тремя дѣвками, присылаетъ за мной:—Вы, говоритъ, меня въ гробъ уложите!

— Чѣмъ это, ваше превосходительство?

Оказывается, видите ли, сычъ мѣшаетъ ему спать! Устроили охоту—нашли сыча.

Опять зоветъ.

— Вы меня, говоритъ, со свѣта сживете!

— . . . . . ?

Изволите видѣть—лягушки—слышите—ля-гу-шки квакаютъ. Мѣсто болотное — ну, какъ ихъ всѣхъ переловишь?! Военачальникъ!!! Ну, прощайте, господа, заболтался съ вами!

— Такъ—если, что нужно, пожалуйста, не стѣсняйтесь, прямо ко мнѣ! услужу, чѣмъ могу!

На пароходной пристани встрѣтилъ бѣдняка Ж* — уѣзжалъ на пароходѣ, уѣзжалъ въ 3-мъ классѣ — на палубѣ. До войны Ж* служилъ предводителемъ дворянства въ одной изъ центральныхъ губерній. Въ началѣ войны онъ, уже не молодой человѣкъ, вновь поступилъ на военную службу въ уланскій полкъ; за это время совершенно спился; недавно напился до того, что упалъ съ лошади и

заснулъ въ канавѣ; проснувшись, повязалъ голову цвѣтнымъ носовымъ платкомъ, вмѣсто потерянной шапки, и въ такомъ видѣ натолкнулся на Салтыкова — командира полка.

Стали говорить, что его видѣли пьющимъ съ солдатами; ему было предложено немедленно оставить полкъ.

Я его зналъ случайно: раза два-три онъ заходилъ ко мнѣ за французскими книжками.

Помню еще трогательную сцену. Разъ глубокой осенью въ концѣ ноября, къ вечеру, я, проѣзжая лошадь, поѣхалъ на линію нашихъ аванпостовъ; цѣпь держали уланы — и что же я вижу? Сидитъ на лошади Ж*, весь иззябшій и держитъ за пазухой собаченку, стараясь ее согрѣть.

— Откуда это?

— Да вотъ, говоритъ, бѣдняжку подобралъ—жалко было на нее смотрѣть...

А теперь я смотрѣлъ, какъ на палубѣ старался онъ устроиться, бѣдный, упустившійся человѣкъ, и не было около него никого, кто бы согрѣлъ его такъ, какъ въ свое время около своей груди отогрѣвалъ онъ случайную собаченку...

Подходитъ высокій красивый сотникъ Щербаковъ, въ началѣ кампаніи былъ скромнѣе скромнаго.

— Поздравьте! Въ исторію влетѣлъ!

На болгарской свадьбѣ въ Разградѣ схватилъ за шиворотъ уѣзднаго начальника — былъ пьянъ, а онъ что-то себѣ позволилъ, „ну меня раба Божія „за пьянство и буйство“ подъ арестъ!“

— А что у васъ за исторія съ Добсономъ? [1])

— Да еще съ Аблавы онъ все при нашемъ полку, пили все вмѣстѣ, подружились — онъ и поселился со мной. Спали это мы вмѣстѣ — да—я его и ущипнулъ; онъ разсердился; я, говоритъ, буду о казакахъ писать! А я ему—значитъ, вы англійскій жидъ! Какъ разсердится мой Добсонъ, плюется: „нѣтъ, нѣтъ, я не могу больше“. А мы въ хохотъ, да. Вотъ онъ и уѣхалъ.

Посерединѣ площади былъ расположенъ маленькій ресторанъ-кафе — лучшій въ городѣ, сюда мы заходили иногда выпить кофе или сыграть партію на французскомъ билліардѣ. Грязноватая низкая зала бокъ о бокъ съ помѣщеніемъ сапожника, окно его выходило въ ресторанъ; стекло было выбито и оттуда несло запахомъ кожи. Посѣтителей было мало и содержатель кафе—грекъ въ грязной рубахѣ и жилетѣ—вѣчно дремалъ за прилавкомъ.

[1]) Корреспондентъ англійскихъ газетъ, въ то время къ намъ крайне враждебныхъ.

Какъ-то я зашелъ въ кафе написать письмо, на другой сторонѣ противъ меня за бифштексомъ сидѣлъ пѣхотный полковникъ. Отворилась дверь и вошли двое молодыхъ франтоватыхъ статскихъ въ фуражкахъ съ кокардами—думаю, это были молодые чиновники нарождавшейся болгарской администраціи; они съ неудовольствіемъ взглянули на столъ, уже занятый полковникомъ, и заняли неподалеку отъ меня менѣе для нихъ удобный.

Что-то быстро заговорили и до меня совершенно явственно донеслась фраза, въ которой они назвали полковника „верблюдомъ“; не знаю — слышалъ ли полковникъ, но онъ продолжалъ молча сидѣть. Я былъ возмущенъ. Поднявшись съ мѣста, я подошелъ къ полковнику и спросилъ разрѣшенія сказать нѣсколько словъ молодымъ людямъ; это было сказано мною очень быстро, быть можетъ, онъ и не понялъ въ чемъ дѣло, онъ сдѣлалъ головой какой-то неопредѣленный жестъ; я подошелъ къ столу, занятому чиновниками, и сказалъ имъ: до меня долетѣли ваши слова.

— Вы назвали верблюдомъ полковника той арміи, которая сражалась за ваше освобожденіе.

— Не угодно ли вамъ извиниться или выйти вонъ!

Секунда колебанія; переглянулись, поднимаются и молча уходятъ изъ ресторана.

Только теперь полковникъ понялъ въ чемъ дѣло... Онъ былъ тяжело раненъ въ декабрѣ на Шипкѣ, теперь же возвращался изъ отпуска въ Россію въ свой полкъ, гдѣ-то въ Добруджѣ. Мы съ нимъ встрѣтились въ первый разъ и никогда болѣе не встрѣчались.

Нашъ милѣйшій докторъ К* получилъ другое назначеніе; къ намъ же перевели изъ драгунскаго полка доктора А*.

Докторъ А* небольшого роста, широкій въ костяхъ, съ черными волосами, откинутыми назадъ, съ длинной бородкой, которую онъ неизмѣнно теребилъ рукой, окончилъ курсъ въ медико-хирургической академіи въ самомъ началѣ кампаніи. Въ обществѣ почти всегда молчавшій, привлекалъ къ себѣ вниманіе умными свѣтящимися за очками карими глазами.

Онъ очень серьезно относился къ своимъ обязанностямъ, хотя и жаловался часто на недостатокъ средствъ.

Въ полку онъ пользовался симпатіями, что, впрочемъ, не помѣшало офицерамъ прозвать его „выборгскимъ разбойникомъ“. Почему? Можетъ быть только потому, что академія была на Выборгской сторонѣ.

Съ докторомъ у меня связывались два воспоминанія.

Въ ноябрѣ прошлаго года, когда мы жили въ землянкахъ, докторъ поселился съ однимъ вольноопредѣляющимся драгунскаго полка. Чтобы защитить себя лучше отъ холода, они вырыли въ своей землянкѣ длинныя ниши; отъ непрерывныхъ дождей земля обмякла и разъ ночью обвалилась, докторъ уцѣлѣлъ, а драгуна вынесли уже мертвымъ.

Потомъ въ іюлѣ, въ необыкновенно жаркій день, при походѣ изъ Силистріи въ Афлаторъ докторъ привлекалъ общее вниманіе тѣмъ, что онъ ѣхалъ на своей лошади, одѣтый въ теплое, зимнее пальто; удивлявшимся онъ объяснялъ, что онъ окружалъ себя „дурными проводниками тепла, чтобы гарантировать себя отъ жары". Охотниковъ послѣдовать примѣру не нашлось...

Какъ-то, въ концѣ сентября, заходитъ докторъ.

— Ко мнѣ пріѣхала сестра—двоюродная сестра, прибавилъ онъ—пойдемте къ намъ, я васъ познакомлю!

Послѣ обѣда я и Ш-нъ зашли къ доктору, отворили дверь и увидѣли—на сундучкѣ сидѣла молодая лѣтъ 18—19 дѣвушка въ лиловомъ платьѣ, плотно обтягивавшемъ ея молодую фигуру.

„Екатерина Николаевна", назвала она себя; ея каріе искристые глаза серьезно смотрѣли черезъ свѣтлыя очки.

Е. Н. была въ Парижѣ на выставкѣ, хотѣла остаться тамъ для изученія медицины, но потомъ рѣшила поступить на медицинскіе курсы въ Петербургѣ.

Изъ Парижа пріѣхала прямо въ Черноводы и привезла съ собой цѣлую коллекцію „энциклопедистовъ" — (Edition bleue), чему я очень обрадовался.

Чуть ли не на другой день мы должны были выступать въ походъ въ глубь Добруджи, и я высказалъ сожалѣніе, что намъ придется такъ мало воспользоваться обществомъ Е. Н.

Но докторъ говоритъ: „она пріѣдетъ и въ Кадикей!"

И, дѣйствительно, когда послѣ 9 дней похода мы пришли на мѣсто, черезъ нѣсколько дней довольный докторъ зашелъ ко мнѣ и говоритъ:

— А, знаете, пріѣхала Е. Н., пойдемте къ намъ!

Всю зиму провели въ Кадикеѣ—турецкой деревнѣ—въ глуши Добруджи, верстахъ въ 25 отъ ближайшаго небольшого турецкаго городка Базарджикъ и верстахъ въ 40 отъ Варны.

По утрамъ занимался—какъ разъ изъ Россіи пріѣхалъ З—скій и привезъ съ собой нѣсколько книгъ по высшей математикѣ, я и

принялся штудировать анализъ Коши; прочиталъ Огюста Конта и нѣсколько энциклопедистовъ: d'Alambert (Le discours préliminaire), Volney (Les ruines и La loi naturelle), Lamenai (le livre du peuple), Pascal (Pensées).

Почти каждый день бывалъ у доктора А*. Здѣсь въ небольшой комнатѣ занимали постоянныя мѣста: я въ короткомъ полушубкѣ садился на низенькій чемоданъ, облокотившись спиной въ деревянную рѣшетку окна, напротивъ, на складной табуреткѣ у стола, сидѣла Е. Н., направо, на низенькихъ носилкахъ для раненыхъ, докторъ въ красной фуфайкѣ; читали вслухъ публицистическія и научныя статьи ежемѣсячныхъ журналовъ и вели длинные разговоры.

Излюбленной темой доктора было выясненіе значенія невѣжества: вліяніе невѣжества на государственную, общественную и личную жизнь.

Затѣмъ шли разговоры о важности естествознанія. „Единственное наше дѣйствительное знаніе—это то, что намъ далъ Дарвинъ", говорилъ докторъ.

Шли разговоры о чтеніи—какія книги читать и въ какомъ порядкѣ; какъ построить жизнь на раціональныхъ началахъ.

До того времени я еще не читалъ Чернышевскаго „Что дѣлать". Докторъ говорилъ, что Чернышевскій такъ важенъ, что его нужно знать наизусть, по нему можно строить жизнь.

„Что дѣлать"—я досталъ уже послѣ совершенно случайно: вымѣнялъ на „Quatre-vingt-treize" V. Hugo у одного артиллерійскаго полковника—въ Разградѣ, куда, передъ самымъ отъѣздомъ въ Россію, я былъ командированъ за лошадьми.

Читать „Что дѣлать" мнѣ пришлось въ самой оригинальной обстановкѣ: на обратномъ пути изъ Разграда, во время остановокъ въ холодныхъ турецкихъ домахъ; здѣсь постель мнѣ слали на полу, а по обѣимъ сторонамъ постели ставились желѣзные подносы съ горячими углями, я ложился въ постель совершенно одѣтый съ фуражкой на головѣ и зачитывался романомъ, который, какъ въ то время я думалъ, рисовалъ именно ту таинственную для меня жизнь, въ какую я попаду студентомъ...

Е. Н. просила меня научить ее стрѣлять изъ револьвера. Мы втроемъ ходили въ лощинку, я приносилъ съ собой пачки патроновъ, и мы ихъ разстрѣливали изъ неуклюжаго „Смита и Вессона".

Разъ Е. Н. меня спрашиваетъ:

— Что такое по-турецки „джанымъ?"

— Не знаю.

— Узнайте и скажите мнѣ!

Я узналъ—„джанымъ“ значитъ „милый“.

Какъ-то докторъ А* меня спрашиваетъ:

— Что вы думаете о любви?

— До сихъ поръ еще ничего не думалъ!

— Вы знаете—бываютъ положенія, когда нужно отказаться даже отъ предлагаемой любви!

— Я никогда объ этомъ не думалъ.

Толкованіе Писарева „Аси“ Тургенева навязчиво стояло передо мной, и слова доктора заставили меня задуматься... Вѣдь Писаревъ былъ для меня въ то время авторитетъ...

Какъ-то разъ вечеромъ Екатерина Николаевна жаловалась на нашъ столъ: все мясо, дичь, никакихъ консервовъ,—„ничего остраго!“ много дала бы за обыкновенную селедку.

Я задумалъ сдѣлать ей сюрпризъ. Вернувшись домой, я послалъ за Волошенко—моимъ стремяннымъ: „завтра подать лошадей къ 6 час. утра, мы съ тобой ѣдемъ верхомъ въ Базарджикъ (25 верстъ отъ Кадикея)“.

Утромъ на рысяхъ мы въѣзжали въ городъ, проѣзжали мимо какого-то крупнаго зданія, очевидно, общественнаго характера. „Стой, что это такое?“ говорятъ—баня.

Мигомъ соскакиваю съ лошади, бросаю поводья Волошенкѣ— „подожди, я сейчасъ!“

И раньше чѣмъ кто-нибудь успѣлъ меня остановить, я уже въ предбанникѣ!

Зала въ 2 свѣта, здѣсь раздѣваются, отдыхаютъ послѣ бани на диванахъ около стѣнъ, пьютъ кофе и курятъ кальяны. Прежде чѣмъ что-либо опредѣленное возникло въ моемъ сознаніи, я уже почувствовалъ, что мое появленіе вызвало смятеніе! Черезъ секунду я уже ясно различалъ женскія фигуры; испуганныя, метущіяся голыя негритянки банщицы—я попалъ въ женскій день!

Сконфуженный выскочилъ изъ бани. Отправились на азаръб. Въ 12 часовъ, сдѣлавъ 50 верстъ верхомъ, я съ тріумфомъ вносилъ что-то въ родѣ селедки въ квартиру доктора.

— Какъ, вскричала Е. Н.—изъ-за одной селедки 2 человѣка сдѣлали по 50 верстъ!

Я понялъ это слишкомъ буквально и, удивленный самъ своей несообразительностью, на другой же день исправилъ свою оплошность, привезя опять къ 12 часамъ теперь уже нѣсколько селедокъ и успѣвъ при томъ побывать и въ банѣ, теперь уже въ мужской часъ!

— Леонидъ Григорьевичъ, говоритъ мнѣ докторъ, Е. Н. что-то нездоровится—она хочетъ ѣхать въ Россію—моремъ, изъ Варны на Одессу—не поѣдете ли Вы ее проводить?

— Какъ же я сдѣлаю? Если отпустятъ—съ восторгомъ!

— Попросите князя, говоритъ Е. Н., онъ Вамъ не откажетъ!

Князь на мою просьбу, ничего мнѣ не говоря, посмотрѣлъ внимательно въ глаза, покачалъ головой и сказалъ: „ни за что не пущу!“

Вечеромъ я сообщилъ А* объ отказѣ въ разрѣшеніи.

Е. Н. была недовольна.

Докторъ сперва молча сидѣлъ, потомъ началъ говорить о дикаряхъ—другимъ приходится терпѣть даже матеріально изъ-за дикости понятій!

— То есть какъ это, спрашиваю?

— Вѣдь если бы Вы поѣхали въ Одессу, Васъ бы какъ офицера не осматривали—Вы провезли бы энциклопедистовъ и микроскопъ, который Е. Н. пріобрѣла въ Парижѣ, а теперь придется платить пошлину за микроскопъ!

Правду сказать, меня это покоробило...

Князь далъ мнѣ разрѣшеніе ѣхать въ Варну, чтобы проводить Е. Н., и далъ мнѣ для этого четверку лошадей.

Въ Варну мы пріѣхали наканунѣ Р. Х.; погода была такая чудная, что я ходилъ въ одномъ кителѣ.

Для Е. Н. въ гостиницѣ нашелся свободный номеръ, для меня же обѣщали поставить постель въ маленькомъ салонѣ.

Вернувшись поздно, я нашелъ въ комнатѣ 2 кровати, было очень свѣжо (я позабылъ съ вечера закрыть окна), и я, забравъ одѣяла и подушки съ двухъ кроватей, улегся спать.

Ночью меня разбудили какія-то необыкновенныя движенія:

Кто-то уже выдернулъ изъ подъ моей головы подушку, а теперь стягивалъ одѣяло: оказалось, что хозяинъ гостиницы, не предупредивши меня, сдалъ „вторую кровать“ какому-то комиссіонеру, и этотъ комиссіонеръ теперь возстановлялъ свои законныя права, на свою постель.

Е. Н. рѣшила ѣхать по жел. д. на Разградъ и далѣе на Рущукъ. Поѣздъ уходилъ утромъ. Я провожалъ Е. Н. и при прощаніи хотѣлъ поцѣловать ея руку.

— Что Вы, что Вы, выдернула она руку и сконфуженная, раскраснѣвшаяся смотрѣла на меня съ упрекомъ.

— До свиданья! до Петербурга!

Поѣздъ трогался.

Я, по своей наивности, искренне былъ убѣжденъ, что Е. Н. сестра доктора; потомъ явились у меня какія-то мысли, и, вернувшись изъ Варны, я въ тотъ же вечеръ разсказалъ д-ру о нашемъ путешествіи, вплоть до инцидента съ поцѣлуемъ руки и прямо спросилъ его: скажите—Е. Н. дѣйствительно Ваша сестра?

— А что Вы хотите посвататься? съ сверкающими глазами, спросилъ докторъ.

Это было сказано съ такой силой и такъ вызывающе, что, будь на моемъ мѣстѣ любой мой товарищъ-офицеръ, это повело бы къ серьезной ссорѣ. Я же былъ только страшно сконфуженъ, моментально передо мной предстала мысль—какое право имѣю я затрагивать интимную сторону другого человѣка!

Обществомъ Е. Н. я дорожилъ, такъ какъ видѣлъ въ ней передовую женщину; а объ „ухаживаніи“ у меня не было и тѣни мысли.

„Нѣтъ, нужно слѣдить за собой, нужно отдѣлаться отъ ветхозавѣтнаго человѣка, котораго я носилъ еще въ себѣ!“

Я былъ пораженъ: столько работы надъ собой, и вотъ я каковъ!

Мы проговорили буквально всю ночь.

Этотъ разговоръ произвелъ на меня сильнѣйшее впечатлѣніе.

Ни Малороссія, залитая солнцемъ, съ ея яркими, въ то время, костюмами, пѣснями, танцами, нравами; ни помѣщичья дворянская среда, гдѣ прошли мое дѣтство и юность; ни закрытыя военно-учебныя заведенія; ни военная служба и война—не способствовали выработкѣ серьёзнаго взгляда на отношенія къ женщинѣ, къ любви..., а рано прочитанный Писаревъ скорѣе повредилъ...

И теперь, въ первый разъ я слышалъ убѣжденную проповѣдь серьёзныхъ отношеній къ женщинѣ, къ любви, и эти слова получали для меня тѣмъ большую цѣнность, что исходили отъ человѣка передового, носителя новыхъ началъ.

Никогда я не слыхалъ такихъ чистыхъ взглядовъ.

Любовь безъ полнаго взаимнаго довѣрія не любовь...

Ревность—пережитокъ дикаго состоянія—оскорбительна...

Только одна дѣйствительная любовь могла оправдать, по словамъ д-ра, близость отношеній между мужчиной и женщиной...

Во всемъ иномъ онъ видѣлъ лишь, какъ онъ выражался, проявленія „кобелизма“...

Многое, что мнѣ въ докторѣ казалось страннымъ, разъяснилось, и эта ночь насъ совершенно сблизила.

Только теперь я совершенно ясно понялъ, почему д-ръ такъ

часто раздражался, почему такъ неумѣстны были мои приглашенія Е. Н. приходить ко мнѣ читать вмѣстѣ въ то время, когда д-ръ былъ занятъ.

По обыкновенію обѣдали у князя. Онъ скучалъ смертельно и сталъ насъ ежедневно приглашать и на ужинъ. Въ концѣ-концовъ мы чувствовали себя утомленными; да и непріятно было ходить ночью въ полной темнотѣ по турецкой деревнѣ, гдѣ къ тому же появилась масса бѣшеныхъ собакъ.

Мы сговорились и перестали ходить; но князь насъ побѣдилъ: онъ сталъ разсылать ужинъ по домамъ.—Мы сдались, и ужины возобновились. Все время проходило за разговорами за бутылкой легкаго вина (ни водки, ни крѣпкихъ винъ не подавалось). Разговоры—о текущихъ событіяхъ, разныя личныя воспоминанія, воспоминанія о товарищахъ — конно-артиллеристахъ (мы ихъ знали, кажется, всѣхъ въ Россіи); князь критиковалъ современное положеніе и восхвалялъ „доброе“ старое время.

Князь представлялъ изъ себя цѣльный опредѣленный типъ; онъ любилъ поговорить, я часто съ нимъ спорилъ, и мои возраженія вызывали его развивать свои взгляды на разныя стороны жизни. То, что меня всего болѣе поражало въ его взглядахъ, я заносилъ въ свой дневникъ.

Князю Р. не было еще и 40 лѣтъ.

Онъ очень гордился тѣмъ, что и отецъ его (херсонскій помѣщикъ) въ молодости тоже служилъ въ конной артиллеріи, и что самъ онъ, князь, по выходѣ изъ училища, до самаго назначенія къ намъ командиромъ, прослужилъ все время въ одной и той же батареѣ.

Онъ относился подозрительно къ тѣмъ, кто часто мѣнялъ мѣсто службы:

„Человѣкъ не ужился въ одномъ мѣстѣ, не ужился въ другомъ, да неужели я подумаю, что всѣ подлецы? Нѣтъ, уже навѣрно всѣ честные, а онъ одинъ подлецъ!“

Сегодня кн. очень въ духѣ и за ужиномъ вспоминалъ свою молодость.

Послѣ выхода изъ училища онъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ вмѣсто того, чтобы отправиться на мѣсто служенія, похитили жену одного петербургскаго купца и зажили съ нею втроемъ въ С.-Петербургѣ; купецъ жаловался, ихъ разыскали, и князь былъ доставленъ въ батарею съ жандармомъ. На его счастье командиромъ былъ баронъ Ш*, старый товарищъ отца по службѣ; баронъ посадилъ его

подъ арестъ „за опозданіе изъ отпуска“ и затѣмъ назначилъ своимъ адъютантомъ.

И пили же мы! Ну, что Вы нынѣшніе!

Разъ мы пьемъ; вдругъ присылаютъ за мной—я на ногахъ не держусь—сейчасъ меня товарищи раздѣли и посадили въ бочку съ водой—являюсь къ командиру—ни въ одномъ глазу!

Опять за то же, вдругъ часа черезъ два—опять зоветъ! Опять въ бочку! Ну, а Вы нынѣшніе?

2 января 1879 г.

Я заговорилъ о перемѣнѣ взгляда на удовольствія.

—... И еще будете увлекаться и будете и это, и именно это, и естественно, а всякое отклоненіе—неестественно!

Жить въ свое удовольствіе—значитъ хорошо ѣсть, пить, пользоваться обществомъ женщинъ. Всякій человѣкъ только къ этому и стремится; иныхъ наслажденій не понимаетъ и не вѣритъ имъ.

— И кто это говоритъ, тотъ лжетъ! И Вы думаете, о чемъ хлопочутъ всѣ эти „либералы“? Не любятъ удовольствій! а небойсь, будутъ пить лафиты и попивать и т. д.

Удовольствій научнаго труда не понимаетъ; наука для него всегда являлась въ видѣ препятствія: то для поступленія въ училище, то для полученія офицерскихъ эполетъ.

Общественныхъ интересовъ въ обширномъ смыслѣ не понимаетъ.

— Ну, кто ихъ уполномачиваетъ?

— Ахъ, этотъ подлецъ Гюго и т. д. и т. д.

Бѣдному Гюго попало совершенно случайно изъ-за меня—я какъ разъ въ это время читалъ „Les Misérables“.

Что ему неблагопріятно, то и неблагонадежно!

Все, что было прежде,—хорошо, а теперь—скверно, а чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже.

Шла рѣчь о тяжеломъ положеніи крестьянъ.

— Чего же имъ жаловаться: имъ прекрасно, они обезпечены! Заговорили о недоимкахъ и безжалостныхъ мѣрахъ взысканія.

— Если я надѣлалъ долговъ, при чемъ тутъ мое положеніе какое-то. „Надѣлалъ долговъ и плати!“

3 янв. 79 г.

Кн. терпѣть не можетъ такъ называемой „законной“ почвы.

— А, голубчики, Вы на „законную“ почву, ну—я же Васъ доканаю! [1]).

---

[1]) Увѣренъ, что за всю свою жизнь никого не „доканалъ“, а помогалъ многимъ.

И разсказывалъ намъ, какъ онъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, по порученію командира Цеймарна, кому-то сдавалъ часть батарейнаго имущества.

— Я ему говорю — скажите прямо — сколько Вамъ нужно? [1]), а онъ—нѣтъ, я посмотрю, и началъ нюхать, и началъ.

Ну, когда такъ—хорошо!

Я зналъ—любитъ онъ выпить, вотъ я и говорю—не выпить ли по рюмочкѣ!

— Да, знаете—это хорошо бы, только у меня спиртъ, говоритъ.

Вотъ мы и дули спиртъ до 4 час. утра; онъ хотѣлъ было доплаты 1.800 р., а съѣхалъ на 1.000 р.

Я говорю—давайте подписывать, а онъ—нѣтъ, завтра!

Да, что завтра (еще, пожалуй, и раздумаетъ)! ну, и подписали.

Потомъ какъ встрѣтились, онъ и говоритъ—это Ваши-то хомуты?

А вольно же Вамъ было „нюхать"!

А хомуты—на кошку (съ хохотомъ) не найдутъ!

И все это съ хохотомъ, и дѣлалъ-то все это не для своей выгоды, а для Цеймарна.

6 янв. 1879.

Князь очень часто развивалъ свои взгляды на „женскій" вопросъ.

Первое и существенное назначеніе женщины—указывается ея физической природой.

Это назначеніе она выполняетъ во всѣхъ слояхъ общества; все остальное—надзоръ (не воспитаніе, а именно уходъ) за дѣтьми, заботы по хозяйству—могутъ видоизмѣняться, смотря по классу общества.

За женщинами нужно ухаживать.

Ухаживаніе имѣетъ опредѣленную цѣль:

„Очень невредно!!"

„Пощечина отъ женщины—это шагъ ближе".

Все, что препятствуетъ обезпеченію успѣха, вызываетъ ненависть. Такими препятствіями—физическіе недостатки (напр. уродливость женщины), а главное, что вызываетъ ненависть—это высшее образованіе—„студентъ въ юбкѣ".

„Все это лишаетъ женственности".

Идетъ и далѣе:

„Женскія гимназіи—вотъ первое зло!"

Но онъ не противъ образованія; напротивъ—„правильное" образованіе, не лишающее женственности, какъ и хорошій туалетъ, придаютъ интересъ, пикантность женщинѣ.

---

[1]) Чтобы получить росписку въ удовлетворительномъ состояніи принятаго по описи имущества.

Стоитъ за институты.

Очень любитъ бывать въ дамскомъ обществѣ.

Разсказывалъ, что какъ-то цѣлый годъ все свободное время бывалъ у одной дамы (жены мир. судьи) и былъ съ нею въ очень хорошихъ отношеніяхъ.

— Ну, видите—возможны же хорошія отношенія, и не имѣя въ виду извѣстныхъ цѣлей.

— Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло—я далеко бы не отказался.... въ томъ-то и прелесть—вѣчно наэлектризованъ, вѣчно возбужденъ! въ этомъ-то и сила!

Приходилось имѣть и интрижки съ замужними женщинами; но, вообще, онъ былъ противъ этой, какъ онъ называлъ, „даровой любви“ и предостерегалъ насъ, молодыхъ офицеровъ:

„Она и дороже выходитъ: „и лакеи, и горничныя“, и то и другое, „да и безпокойствъ много!“ Разсказывалъ, какъ ему приходилось сидѣть въ шкафу, какъ разъ, спускаясь ночью съ лѣстницы, разодралъ сюртукъ чуть не до шеи.

Приходилось жить въ Варшавѣ; „ничего нѣтъ лучше—обратиться къ своднѣ—препочтеннѣйшій народъ“!

Денегъ никогда не жалѣлъ, но „только чтобы уже въ мое удовольствіе“.

Жениться нужно попозже, „когда страсти, такъ сказать, улягутся“.

„Когда женитесь, отпразднуете медовый мѣсяцъ, пресытитесь, такъ сказать, тогда заживете себѣ съ женой; она будетъ Вамъ не то что необходима, а все же нужна: ну, какъ стаканъ чая—онъ Вамъ не необходимъ, а привыкли пить, вотъ и пьете; такъ и жена: она не необходима, а вотъ нужно, чтобы была около Васъ женщина“.

„Главное—смотрите проще на эти вещи: не требуйте только какой-нибудь идеальной любви и проживете себѣ мирно“.

Главное—нужно твердо помнить: „дайте улечься, никогда не спорьте, когда женщина раздражена: уступите ей тогда, уступите и повѣрьте, что останетесь въ барышахъ!“

„Вотъ, служите, говорилъ онъ мнѣ: женитесь, дѣти будутъ— вотъ будетъ и цѣль въ жизни—обезпечить дѣтей“.

Л. Богаевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ФЛОТА.

(Письмо 1698 г. изъ Воронежа о кумпанствѣ вологодскаго архіепископа).

Государю Преосвященному Гавріилу Архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому холопи твои Петрушка Ташлыковъ, Матюшка Волковъ, архипастырского твоего благословения прося, челомъ бьемъ.

По твоему, государь, архіерейскому указу приволоклись мы, холопи твои, на Воронежъ во всякомъ здравіи декабря въ 20 день. А околничего и дьяковъ, кромѣ дьяка Осипа Іванова, на Воронеже не застали, потому что поѣхали за великимъ Государемъ къ Москвѣ до насъ.

А пріѣхавъ, къ дьяку Осипу Іванову ходили и отъ лица твоего архіерейского благословение ему сказали и почесть поднесли. И онъ архіерейское твое благословение с любовию приялъ і всякую милость в приналежащемъ нашемъ карабелномъ строеніи казать обѣщался; толко намъ, холопемъ твоимъ, сказалъ, что-де у борколона твоего архіерейского, чево по приѣздъ нашъ не достроено, знатно-де что достроивать кромѣ подрятчика намъ, холопемъ твоимъ, кумпанскими денгами, потому что-де в подрятчике нашемъ постоянство малое и житие ево оскудалое. А на караблѣ и припасовъ за скоростию не осмотрѣли, что у него какихъ есть припасовъ. А мастеръ иноземецъ, кой строилъ карабль, намъ сказалъ, что-де еще по старой росписи кромѣ новыхъ припасовъ надобь желѣза і всякихъ припасовъ сотъ на пять и болши. А припасовъ что есть, того не знаемъ, станемъ съ челобитья нынѣ досматривать. А денегъ онъ, Зиновей, на достройку у себя ничево не сказываетъ и строить сказываетъ нѣчемъ, и плотники всѣ роспущены, а порутчикъ ево Августъ Мееръ сосланъ на Коротоякъ в ссылку. А по росписи Івана Сечихина довелось толко ему подрятчику додать с пятьсотъ рублевъ незболшимъ. И знатно, государь, что за рядой сверхъ росписи строить самимъ и припасы всякие готовить, а на него подрятчика надѣетца нѣчево, толко бы Богъ сподобилъ чтобъ на срокъ здѣлать. А кромѣ нашего подрятчика у всѣхъ

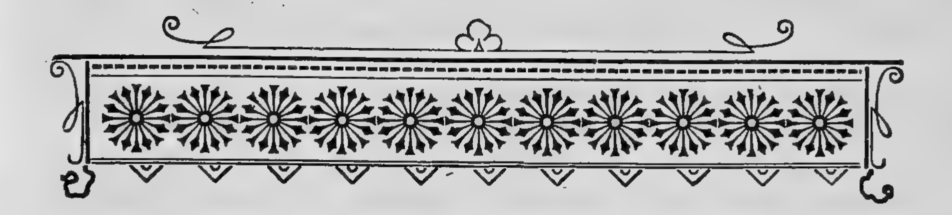
карабли и с припасы готовы и оснащены. А что онъ, подрятчикъ, к тебѣ, государю и х-кумпанщикамъ писалъ, все ложно. И кои на Воронежъ ѣздили, ничево с нимъ подрятчикомъ не здѣлали. Пожалуй, государь, архіерей Божій, прикажи стряпчему по новымъ росписямъ всякие припасы искупя неложно присылать, чтобъ какова бѣдства не было, а росписи у него Івана есть, что какихъ припасовъ надобе.

На оборотѣ адресъ: Государю Преосвященному Гавриілу, архіепископу Вологоцкому и Белоозерскому.

Примѣчаніе. Письмо это писано „домовымъ дьякомъ“ архіепископа Гавріила П. Ташлыковымъ. Упоминаемый въ письмѣ Иванъ Сечихинъ былъ архіерейскимъ стряпчимъ „Московскихъ домовыхъ дѣлъ“; Зиновій Суровцовъ,—гостиной сотни—подрядчикъ за поручительствомъ капитана Августа Меера—долженъ былъ выстроить „борколонъ да къ нему ушколъ да малое судно“.

Сообщ. И. Суворовъ.

~~~
~~~


Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера[1].

Съ теченіемъ времени гнетущее чувство горя и печали мало по мало стало ослабѣвать, и я сталъ находить удовольствіе и развлеченіе въ наслажденіи природой и въ интересовавшихъ меня занятіяхъ; но мое настроеніе все же выражалось долгое время какъ-бы нѣкоторымъ отрѣшеніемъ отъ интересовъ міра сего. Я продолжалъ жить и, какъ сказано, въ нѣкоторой мѣрѣ, наслаждаться благами жизни, но отъ всякихъ матеріальныхъ благъ готовъ былъ отказаться безъ сожалѣнія, если бъ это сдѣлалось необходимымъ. Примѣромъ такому настроенію можетъ служить слѣдующая частность: до тѣхъ поръ я очень аккуратно велъ свои приходо-расходныя книги, но со смертію жены, не придавая уже значенія матеріальнымъ интересамъ, я навсегда пересталъ вести счеты приходо-расхода.

Съ тѣхъ поръ прошло около 30 лѣтъ. Разумѣется, жизнь взяла свое, и я все болѣе и болѣе сталъ погружаться въ ея интересы. Но все же у меня проявлялась, по временамъ, нѣкоторая отрѣшенность отъ обычныхъ житейскихъ интересовъ; особенно въ моменты, когда меня постигала какая-либо непріятность или неудача, я утѣжалъ себя мыслію о ничтожествѣ всего земного, преходящаго, въ сравненіи съ вѣчностью, какъ это выражается нѣмецкимъ поэтомъ:

Es ist ja nur ein irdisch Ding,
Zum trauern zu gering!

Было время, когда я сблизился, нѣсколько лѣтъ спустя, съ одною молодою дѣвушкой чрезвычайно умной и милой и помышлялъ даже о бракѣ съ нею. Бракъ этотъ не состоялся, и тогда я былъ этимъ опечаленъ; теперь же, приближаясь къ концу жизни, я благодарю

[1]) См. „Русскую Старину“, іюнь 1910 г.

Бога за то, что онъ предохранилъ меня отъ шага, на который я готовъ былъ вступить и который все же составилъ бы рѣзкій диссонансъ съ тѣмъ, что я ощущалъ и думалъ послѣ смерти жены, когда я, вмѣстѣ съ Гумбольдтомъ, сознавалъ, что память истинной любви не можетъ быть преходящею. Вмѣстѣ съ тѣмъ это было бы совершенно не въ духѣ моей покойной жены. Бывши еще невѣстой, она однажды писала мнѣ, что мое сердце теперь принадлежитъ ей, прибавляя слова: „Je le tiens, je le garde et je l'enferme dans le mien". Какъ бы предчувствуя краткость предлежащей ей жизни, Софія Александровна въ разговорахъ со мною всегда неодобрительно относилась ко вторымъ бракамъ; между прочимъ она не скрывала своего нерасположенія къ одному нашему знакомому, который послѣ смерти своей жены, ея двоюродной сестры, вступилъ во второй бракъ... Я теперь доволенъ, что никакія новыя связи не нарушили моихъ отношеній къ покойной..

Очертивъ такимъ образомъ въ общемъ и по возможности правдивомъ и искренномъ повѣствованіи то духовное настроеніе, въ которомъ я пребывалъ многіе годы послѣ постигшаго меня несчастія, возвращаюсь теперь къ хронологическому описанію теченія жизни.

Весною 1875 г., мнѣ пришлось отправиться за границу въ Вѣну для окончанія переговоровъ съ австрійскимъ правительствомъ, объ удовлетворительномъ исходѣ которыхъ вкратцѣ уже выше упомянуто.

Нашимъ посломъ въ Вѣнѣ былъ тогда Е. П. Новиковъ. Моя дѣятельность по переговорамъ мало сблизила меня съ нимъ въ то время; повидимому, онъ не особенно интересовался ходомъ таможенныхъ дѣлъ. Я тогда не предвидѣлъ, что нѣсколько лѣтъ спустя мы съ нимъ опять встрѣтимся въ Константинополѣ, что у насъ тамъ будетъ общее, живо его интересующее, дѣло, и что мы сойдемся съ нимъ до того, что между нами установятся вполнѣ дружественныя отношенія.

Переговоры съ австрійскими делегатами шли довольно медленно. Я воспользовался ожиданіемъ отвѣта на мое донесеніе изъ Петербурга, чтобы въ промежутокъ сдѣлать небольшую экскурсію въ мѣста, которыя мы посѣщали еще такъ недавно съ покойною женою [1]).

---

[1]) Замѣчательно, что, находясь разъ въ салонѣ Новикова, я нашелъ на столѣ книгу Fonvielle'я и, открывъ ее наугадъ, прочелъ слова „l'on éprouve parfois comme si l'esprit de la défunte vous effleure et la met en communication avec vous". Сознаюсь, что это меня очень поразило.

Я отправился въ Венецію и заказалъ тамъ мозаику, распятіе, по картинѣ Тинторетто, которою особенно любовалась два года тому назадъ моя жена, для помѣщенія этого изображенія на ея надгробномъ памятникѣ. Затѣмъ черезъ Невшатель я отправился въ Веве, посѣтилъ оттуда гостиницу „Байронъ“, Вильневъ—все мѣста, полныя для меня печальныхъ воспоминаній...

По прошествіи недѣли, я вернулся въ Вѣну, гдѣ засталъ уже отвѣтъ Рейтерна на мой запросъ, который и далъ мнѣ возможность удовлетворительно покончить дѣло, на меня возложенное, заключеніемъ конвенціи.

На обратной дорогѣ въ Россію мнѣ пришлось испытать крушеніе желѣзнодорожнаго поѣзда, при самомъ почти подъѣздѣ къ Петербургу. Поѣздъ прошелъ уже Гатчину, я спокойно сидѣлъ въ вагонѣ, помышляя о скоромъ прибытіи домой, какъ вдругъ я почувствовалъ сильный толчекъ, послышался громкій трескъ, мой вагонъ сталъ скакать по шпаламъ и качаться съ одной стороны на другую. Я вообразилъ, что произошло столкновеніе двухъ поѣздовъ, и что трескъ происходитъ отъ ломки вагоновъ, наскакивающихъ другъ на друга,—и потому поспѣшилъ стать въ проходѣ, чтобы не быть раздавленнымъ между двумя сидѣніями. Катастрофа продолжалась нѣсколько секундъ, затѣмъ мой вагонъ остановился, и все стихло. Я рѣшился подойти къ окну, чтобы посмотрѣть, что произошло. Оказалось, что нашъ поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, и что локомотивъ и первый за нимъ вагонъ лежатъ на боку. Трескъ и скачка вагоновъ происходили отъ того, что поѣздъ, сошедши съ рельсовъ, продолжалъ нѣкоторое время идти по шпаламъ, которыя подъ тяжестью локомотива ломались съ трескомъ. Вся публика высыпала немедленно изъ вагоновъ на полотно дороги; оказалось, къ счастью, что никто не раненъ, только у машиниста была ошпарена рука паромъ. Но опрокинувшійся вслѣдъ за локомотивомъ вагонъ 1-го класса былъ разбитъ совершенно. Къ счастью онъ былъ пустой, такъ что никто не пострадалъ. Но вотъ какое при этомъ случилось странное обстоятельство. Въ нашемъ поѣздѣ ѣхалъ контролеръ желѣзной дороги, который выходилъ на каждой станціи, вѣроятно для пріема выручки или для провѣрки счетовъ. Всю дорогу онъ сидѣлъ въ передовомъ вагонѣ I класса, который и былъ разбитъ. На послѣдней станціи онъ нѣсколько замѣшкался и выбѣжалъ на платформу, когда поѣздъ уже начиналъ двигаться и потому вскочилъ въ первый попавшійся вагонъ. Эта случайная задержка спасла его жизнь,—какъ въ этомъ не видѣть дѣло Провидѣнія,—ему еще не суждено было умереть. . . . .

Самымъ происшествіемъ я не былъ особенно испуганъ, въ мо-

ментъ крушенія мною овладѣлъ какой-то спокойный фатализмъ—что будетъ—то будетъ.

Пришлось ожидать присылки другого локомотива съ ближайшей станціи. Предвидя, что на это пройдетъ значительное время, нѣкоторые пассажиры отправились на крестьянскихъ лошадяхъ, которыя подъѣхали къ мѣсту крушенія, на ближайшую станцію балтійской желѣзной дороги, разсчитывая отправиться въ Петербургъ съ слѣдующимъ поѣздомъ. Я не послѣдовалъ ихъ примѣру, и дѣйствительно, пришлось ждать часа четыре прихода другого локомотива и расчистки пути. Въ Петербургѣ я засталъ, разумѣется, мое семейство въ большой тревогѣ, такъ какъ стало извѣстно, что опозданіе поѣзда вызвано его крушеніемъ,—но, наконецъ, я пріѣхалъ, и всѣ успокоились.

По пріѣздѣ въ Петербургъ пришлось пережить необыкновенно печальный моментъ воспоминанія первой скорби. Похороны моей покойной жены происходили зимою,—въ такое время, когда, по случаю мороза, пришлось обложить внутренность могилы только досками. Для предупрежденія просачиванія въ могилу подпочвенной воды, пришлось обложить ее каменной кладкой, и при этомъ, на короткое время вынуть гробъ изъ могилы. Такимъ образомъ я опять увидѣлъ гробъ, заключавшій столь дорогіе для меня останки и на немъ поблекшіе цвѣты, которыми онъ былъ осыпанъ въ день погребенія... Когда гробъ былъ опять помѣщенъ въ отдѣланную камнемъ могилу, я осыпалъ его свѣжими цвѣтами и, между прочимъ, незабудками, которыя, т. е. незабудки я случайно купилъ у предлагавшаго мнѣ ихъ торговца по дорогѣ. Моя покойная жена обладала замѣчательнымъ музыкальнымъ талантомъ; она сочинила серію весьма мелодичныхъ романсовъ, которые появились въ печати. Первый изъ сочиненныхъ ею романсовъ носилъ названіе „незабудка" и кончался словами: „Mein Mädchen, Dich vergess ich nicht". Я невольно вспомнилъ эти слова, бросая незабудки въ ея вновь открытую могилу.

Около этого времени я принялся за переводъ замѣчательной англійской книги „Ecce Homo". Это сочиненіе вышло въ Англіи анонимно (впослѣдствіи я узналъ отъ Побѣдоносцева, что авторъ ея профессоръ Tilly), но съ предисловіемъ Глэдстона. Я прочиталъ въ какомъ-то журналѣ цитаты изъ этой книги, и онѣ такъ меня заинтересовали, что я выписалъ немедленно самую книгу. Чтеніе ея не уменьшило моего интереса, и я рѣшился взяться за ея переводъ,—работа, которая занимала меня въ теченіе двухъ лѣтъ.

Около этого же времени я прочиталъ статью А. Ѳ. Гусева—„нравственный идеалъ буддизма и его отношеніе къ христіанству".

Статья его мнѣ столь понравилась, что я написалъ о томъ автору; такимъ образомъ я вошелъ съ нимъ въ сношенія, затѣмъ, при пріѣздѣ его въ Петербургъ, лично съ нимъ познакомился и многіе годы находился съ нимъ въ довольно частомъ обмѣнѣ мыслей. Это былъ человѣкъ не только богословски, но и вообще очень образованный, съ идеальнымъ настроеніемъ души. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ печатномъ обсужденіи разныхъ богословскихъ вопросовъ и составилъ себѣ имя въ этой области. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ весьма скромный и чрезвычайно симпатичный.

Читая разныя вещи, я постоянно дѣлалъ себѣ выписки изъ нихъ, мѣста, особенно меня затрогивавшія, такъ напр., я записалъ слѣдующее:

„Sanctification is not a thing once done for ever, it is a life, a walk, and if we strumble, we can get up again. It is a life of trust, moment by moment, and if for one moment we fail, that is no reason why we should not trust the next moment“.
И затѣмъ слѣдующіе нѣмецкіе стихи:

„Ein Segen liegt in schweren Werke
Dir wächst, vie du's vollbringst die Stärke,
Bescheiden, zweifelnd fängst du's an
Und stehst am Ziel ein ganzer Mann“.

Лѣтніе мѣсяцы я провелъ въ Павловскѣ, на дачѣ родителей моей покойной жены. Любимое развлеченіе мое составляли прогулки по красивому Павловскому парку, которыя были исполнены постоянными воспоминаніями о прошломъ, такъ какъ въ этомъ паркѣ не было, кажется, дорожки, по которой я бы не гулялъ съ покойной женой.

Въ концѣ іюня я опять поѣхалъ за границу, чтобы съѣхаться тамъ съ матушкой и сестрами, которыя находились въ Карлсбадѣ, а затѣмъ, чтобы посѣтить старо-католическій конгрессъ въ Боннѣ.

Группа старокатоликовъ образовалась, какъ извѣстно, по иниціативѣ знаменитаго католическаго богослова Деллингера, который, въ числѣ немногихъ другихъ выдающихся богослововъ — Ланге, Шульте, Рейнекенсъ и др., не согласился подчиниться рѣшенію Ватиканскаго собора о непогрѣшимости папы. То, на что не рѣшился ни одинъ изъ епископовъ, хотя въ средѣ ихъ многіе были несогласны съ новой доктриной и возражали противъ установленія ея на соборѣ, имѣлъ смѣлость совершить Деллингеръ. Послѣдствіемъ отказа подчиниться рѣшенію Ватиканскаго собора была, разумѣется, его экскоммуникація и оставленіе имъ папской католической церкви.

Желая оставаться, однако, въ лонѣ древней церкви, въ томъ видѣ, какъ она существовала въ прежнія времена, до тѣхъ новшествъ, которыя были введены въ нее папами, начиная отъ включенія filioque въ символъ вѣры, вызвавшаго распаденіе единой церкви на восточную и западную и всѣхъ послѣдующихъ новыхъ догматовъ, о непорочномъ зачатіи Богородицы и о папской непогрѣшимости, Деллингеръ и присоединившаяся къ нему группа католическихъ богослововъ не захотѣли перейти въ протестантизмъ, а приняли названіе старо-католиковъ. Они выбрали своего епископа Рейнекенса, который получилъ консекрацію отъ янсенитскаго епископа въ Голландіи и своихъ священниковъ, которые затѣмъ были посвящены епископами... Такимъ образомъ, они образовали новый толкъ, принявъ названіе старо-католической церкви.

Разъ старокатолики возвращались къ ученію древней церкви, устраняя всѣ католическія новшества, то въ сущности не было уже препятствія къ соединенію ихъ съ восточною церковью, которая именно и есть та древняя церковь, о возстановленіи которой они мечтали. Мысль о присоединеніи ихъ къ православію должна была поэтому естественно возникнуть, и она возникла.

Въ видахъ содѣйствія осуществленію этой столь желательной цѣли, у насъ образовалось, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича Общество Духовнаго Просвѣщенія при участіи Янышева, Осинина, Кирѣева и многихъ другихъ лицъ. Это общество имѣло главною цѣлью разъясненіе разныхъ богословскихъ вопросовъ вмѣстѣ съ старокатоликами, для подготовленія ихъ присоединенія къ православію. Съ этою же цѣлью у старокатоликовъ устраивались конгрессы, на которыхъ, кромѣ представителей православной церкви, принимали участіе и представители англиканской церкви, такъ какъ идея о соединеніи церквей всегда пользовалась большимъ сочувствіемъ въ Англіи. Такой конгрессъ долженъ былъ состояться осенью 1875 г. въ Боннѣ, и на него отправились изъ членовъ нашего духовнаго общества Кирѣевъ, Янышевъ, Осининъ, Т. И. Филипповъ—вслѣдъ за ними отправился и я, по приглашенію Кирѣева, хотя я тогда еще не былъ членомъ Общества Духовнаго Просвѣщенія [1].

---

[1]) Вскорѣ по возвращеніи изъ Бонна я сдѣлался членомъ этого Общества, что дало мнѣ возможность сказать въ его средѣ рѣчь о свободѣ совѣсти, какъ о томъ будетъ сообщено далѣе. Участіе въ Обществѣ духовнаго просвѣщенія предоставило мнѣ затѣмъ случай прочесть, одновременно съ Соловьевымъ, рядъ лекцій на тему „философскій пессимизмъ и христіанское воззрѣніе на жизнь“. Эти чтенія были потомъ напечатаны въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ и вышли затѣмъ отдѣльной книгой. Вообще съ

Дорога въ Боннъ лежала черезъ Берлинъ. На пути за Вержболовымъ, разразилась сильнѣйшая буря, которая сопровождала насъ до самаго Берлина. Повидимому, этотъ ураганъ прошелъ по всей сѣверной Германіи, ибо на слѣдующій день, уѣзжая изъ Берлина, мнѣ встрѣтились вдоль пути картины сильнаго опустошенія; поломанныя бурею и вырванныя съ корнемъ деревья лежали повсюду по дорогѣ.

Въ Боннѣ я поселился въ гостиницѣ, въ которой, какъ я зналъ, остановился Кирѣевъ съ его сестрою г-жей Новиковой, извѣстною своими статьями въ англійскихъ журналахъ, подъ именемъ О. К. Оправившись отъ дороги, я зашелъ къ нимъ и просидѣлъ у нихъ за чаемъ весь вечеръ, въ бесѣдахъ о будущемъ конгрессѣ, при чемъ выяснилось, что я, разумѣется, могу принять въ немъ участіе только какъ слушатель, но и это представляло для меня большой интересъ. На другой день я сдѣлалъ визиты Янышеву, Осинину, Филиппову—которые всѣ уже съѣхались въ Боннѣ—а также и мѣстнымъ корифеямъ богословамъ Лангену, Шульте, Рейнекенсу и Деллингеру, снабженный карточками отъ Кирѣева. Деллингера, съ которымъ меня особенно интересовало познакомиться, я не засталъ дома и встрѣтился съ нимъ только на первомъ засѣданіи конгресса.

Это первое засѣданіе состоялось въ тотъ же день вечеромъ. Всѣхъ засѣданій было вообще три: въ субботу, въ воскресенье и въ понедѣльникъ. Одновременно съ засѣданіями конгресса происходили частныя совѣщанія православныхъ, съ цѣлью сговориться о предстоящихъ вопросахъ, чтобы дѣйствовать единодушно. Хотя въ этомъ отношеніи вначалѣ происходили нѣкоторыя колебанія, но благодаря умной и теплой рѣчи Осинина[1]) и примирительному от-

---

этого времени начался у меня рядъ богословскихъ работъ, которыя обращали на себя вниманіе богословскихъ журналовъ. Я былъ особенно пріятно пораженъ, когда въ 1903 году я нашелъ въ вышеуказанномъ харьковскомъ богословскомъ журналѣ статью подъ заглавіемъ „Православная Церковь и ученіе нашихъ свѣтскихъ писателей А. С. Хомякова, Ѳ. Г. Тернера и В. С. Соловьева". Сопоставленіе моего имени съ именемъ Хомякова, такъ высоко мною чтимаго, исполнило меня радостнаго чувства и послужило мнѣ къ поощренію и къ поднятію духа.

[1]) Профессоръ Осининъ былъ замѣчательно симпатичный человѣкъ, глубоко религіозный, но далеко не узкій церковникъ, съ широкимъ просвѣщеннымъ взглядомъ на жизнь и на религію и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательный ораторъ. Я съ нимъ сошелся очень близко и оставался съ нимъ въ сношеніяхъ до конца его жизни, которая продолжалась не долго, онъ умеръ въ цвѣтѣ силъ. Замѣчательна печальная судьба этого человѣка; столь жизнерадостнаго, свѣжаго, воспріимчиваго и дѣятельнаго. Вскорѣ послѣ нашего знакомства померла отъ чахотки его молодая жена; какъ онъ этимъ ни былъ убитъ, но онъ искалъ утѣшенія въ занятіяхъ, ко-

ношенію къ дѣлу Янышева и Кирѣева, установилось полное единеніе православныхъ, которое и повело впослѣдствіи къ такому же полному соглашенію съ представителями старокатолической группы по вопросу о символѣ вѣры.

Задачею настоящаго Боннскаго конгресса было опредѣленіе всего того, въ чемъ старокатолики сходятся съ православными. При этомъ на первомъ же засѣданіи возникъ вопросъ о разности символовъ вѣры, т. е. о прибавленіи словъ: filioque, по вопросу объ исхожденіи Св. Духа. Въ этомъ засѣданіи, въ которомъ участвовалъ извѣстный Овербекъ, православный священникъ, перешедшій изъ католичества въ православіе, послѣдній возбудилъ не помню какой-то вопросъ о вселенскихъ соборахъ, который, повидимому, совершенно не относился къ обсуждаемому предмету, но который могъ вызвать рознь въ собраніи съ самаго начала; только благодаря примирительному отношенію къ дѣлу Янышева, Осинина и Кирѣева, крайность Овербека, который хотѣлъ быть plus royaliste que le roi, удалось загладить. Затѣмъ пренія стали происходить въ духѣ полнаго и мирнаго объединенія и на первый же разъ достигли полнаго успѣха. Единогласно было рѣшено принять текстъ православнаго символа безъ измѣненія, т. е. исключить слово: filioque. Рѣшенія конгресса получили 2/14 августа 1875 г. въ Боннѣ окончательно формулировку въ слѣдующихъ девяти тезисахъ, изложенныхъ на нѣмецкомъ языкѣ, которые были приняты всѣми присутствующими:

1) Wir stimmen überein in der Annahme der ökumenischen Symbole und der Glaubensentscheidungen der alten ungetheilten Kirche.

2) Wir stimmen überein in der Annerkennung, dass der Zusatz des Filioque zum Symbolum nicht in kirchlich rechtmässiger Weise erfolgt sei.

3) Wir bekennen uns allerseits zu der Darstellung der Lehre vom h. Geist, wie sie von den Vätern der ungetheilten Kirche vorgetragen wird.

4) Wir verwerfen jede Vorstellung und jede Ausdrucksweise, in welcher etwa die Annahme zweier Principien in der Dreieinigkeit enthalten wäre.

Wir nehmen die Lehre des heiligen Johannes von Damaskus

торымъ продолжалъ предаваться съ прежнею энергіею. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ самъ долженъ былъ подвергнуться чрезвычайно опасной операціи, которая оставила на всегда въ немъ слѣды (искривленіе мускуловъ лица), и несмотря на все это, онъ оставался все же тѣмъ же живымъ и дѣятельнымъ человѣкомъ до конца жизни, который послѣдовалъ немного лѣтъ спустя.

über deu heiligen Geist, wie dieselbe in folgenden Paragraphen ausgedrückt ist, im Sinne der Lehre der alten ungetrennten Kirche an:

1) Der h. Geist geht aus dem Vater als dem Anfang der Ursache der Quelle der Gottheit (Derecta Sententia n. 1 Contra Monich n. 4).

2) Der h. Geist geht nicht ans dem Sohne, weil es in der Gottheit nur Einen Anfang, Eine Ursache gibt, durch welche alles, was in der Gottheit ist, hervorgebracht ist (De fide orthod. 1, 8).

3) Der h. Geist geht aus dem Vater durch den Sohn (de fide orthod. 1, 12 c. Monich n. 5. De hymno Trirag. n. 28 Hom. in Sabb. 3. n. 4).

4) Der h. Geist ist das Bild des Sohnes, des Bildes des Vaters (de fide orthod. 1, 13) aus dem Vater ausgehend und im Sohne ruhend als dessen ausstrahlende Kraft (de fide orthod. 1, 7 Ibid. 1, 12).

5) Der h. Geist ist die persönliche Hervorbringung aus Vater dem Sohne angehörig, aber nicht aus dem Sohne, weil er der Geist des Mundes der Gottheit ist, welcher das Wort ausspricht (de Hymno Trirag. n 28).

6) Der h. Geist bildet die Vermittelung zwischen dem Vater und dem Sohne und ist durch den Sohne mit dem Vater verbunden (de fide orth. 1, 13).

Всѣ цитаты приведены въ оригинальномъ протоколѣ и въ греческомъ текстѣ.

Въ одномъ изъ засѣданій конгресса Деллингеръ произнесъ рѣчь, длившуюся болѣе часа, о вредѣ, который нанесъ ультрамонтанизмъ іезуитовъ всѣмъ тѣмъ государствамъ, въ которыхъ господствовалъ іезуитскій элементъ. Замѣчательно было слушать, съ какимъ жаромъ этотъ, кажется восьмидесятилѣтній, старецъ говорилъ объ этомъ предметѣ. Видно было, что онъ убѣжденный и ярый врагъ іезуитовъ, вызвавшихъ Ватиканскій соборъ и причинившихъ церкви столько вреда.

Въ воскресенье утромъ православные члены конгресса присутствовали на старокатолической литургіи.

Въ понедѣльникъ утромъ происходило заключительное засѣданіе, на которомъ Деллигеръ и произнесъ свою вышеуказанную замѣчательную рѣчь. Это засѣданіе завершилось общею торжественною молитвою (сколько помню) о дарованіи успѣха дѣлу соединенія церквей, и затѣмъ окончательно было прочитано „Отче нашъ“. Въ этотъ день мы, русскіе, собрались вмѣстѣ на дружескую тра-

пезу, и здѣсь началось мое сближеніе съ Янышевымъ и Осининымъ. Въ виду достигнутыхъ результатовъ, мы были всѣ въ превосходномъ настроеніи духа.

Вечеромъ того же дня всѣ участники конгресса соединились за ужиномъ, и разумѣется, всѣ тоже были въ самомъ тепломъ настроеніи. Во время ужина Рейнекенсъ и Янышевъ произнесли двѣ замѣчательныя рѣчи, указавъ на христіанское чувство, искренность и откровенность, царствовавшія въ засѣданіяхъ,—настроеніе, которое со стороны всѣхъ участниковъ было положено въ основаніе обсужденій по этому святому дѣлу. Съ особенною теплотой высказался Янышевъ о предстоящемъ началѣ соединенія церквей. И впослѣдствіи І. Л. Янышевъ всѣми силами продолжалъ содѣйствовать успѣху начатаго дѣла.

Передъ отъѣздомъ со всѣхъ членовъ конгресса была снята общая фотографическая группа.

Дни, проведенные мною въ Боннѣ, представляли для меня высшій интересъ. Во-первыхъ, сближеніе съ Янышевымъ, Осининымъ и Филипповымъ ввело меня именно въ кругъ той сферы, которой я искалъ въ Петербургѣ, и которой въ Петербургѣ было бы гораздо труднѣе достигнуть; затѣмъ, знакомство и разговоры съ самыми выдающимися дѣятелями старокатолицизма и со многими другими замѣчательными личностями не могло не имѣть для меня большой цѣны. Въ Боннѣ я познакомился между прочимъ съ преосвящ. Ликургомъ, архіепископомъ Сиры. Этотъ почтенный старецъ, больной, чахоточный, не пострашился, несмотря на свою болѣзнь, пріѣхать въ Боннъ, чтобы оказать посильное содѣйствіе дѣлу единенія церквей, которому такъ жарко сочувствовало его любвеобильное сердце. Онъ на меня произвелъ глубокое впечатлѣніе; я ему представился и просилъ его благословенія, о которомъ я впослѣдствіи нерѣдко вспоминалъ въ трудныя минуты жизни.

Но что особенно имѣло для меня значеніе, это — сознаніе, что мнѣ удалось принять хотя небольшое участіе въ такомъ міровомъ событіи. Въ окончательной редакціи протокола засѣданія въ одномъ мѣстѣ была принята предложенная мною редакція.

Дѣло соединенія церквей, начавшееся, повидимому, столь обѣщающимъ образомъ, достигнувъ въ первое же засѣданіе конгресса единенія въ символѣ вѣры со старокатоликами — къ сожалѣнію, въ дальнѣйшемъ не оправдало возложенной на него надежды. Со времени Боннскаго конгресса 1875 года прошло 30 лѣтъ, и дѣло, повидимому, нисколько не двигается, хотя конфессіональные конгрессы старокатоликовъ повторялись съ тѣхъ поръ почти ежегодно.

Несмотря на то, что почти всѣ догматическіе вопросы оказались

согласованными съ ученіемъ православной церкви, главная трудность полнаго единенія старокатоликовъ съ православными возникаетъ на обрядовой почвѣ и заключается въ разныхъ частностяхъ. Православная церковь получила въ Россіи и на Востокѣ столько національныхъ оттѣнковъ, что чисто догматическое ученіе не всегда сходится съ проявленіями религіозной жизни и частностями мѣстнаго богословскаго ученія. Національная религіозная жизнь присоединила къ догматическимъ истинамъ не малозначительныя прибавки, которыя хотя и не получили у насъ догматическаго освященія (какъ это произошло въ католической церкви), но которыя все же пользуются въ странѣ и народѣ несомнѣннымъ авторитетомъ, — частности, на которыя старокатоликамъ трудно идти. Затѣмъ, и въ догматическомъ отношеніи, несмотря на достигнутое соглашеніе по существу, происходятъ еще, со стороны нѣкоторыхъ нашихъ богослововъ, споры о словахъ, о выраженіяхъ. Такъ, напримѣръ, старокатолики согласились съ нами, что въ таинствѣ причащенія мы пріобщаемся подъ видомъ хлѣба и вина истинно тѣломъ и кровію Спасителя. Но у насъ нѣкоторые богословы этимъ не довольствуются и требуютъ непремѣнно употребленія слова „пресуществленіе“. Этотъ собственно философскій терминъ ни въ древней церкви, ни даже первоначально въ русской церкви не употреблялся: онъ былъ заимствованъ нами впослѣдствіи изъ католическаго ученія, съ которымъ мы встрѣтились въ Кіевѣ; отъ католиковъ это выраженіе перешло къ намъ, такъ какъ вообще въ тѣ времена мы многое заимствовали у западныхъ католическихъ богослововъ. Между тѣмъ, старокатолики считаютъ эту прибавку излишнею и слишкомъ напоминающею католическое ученіе.

Съ другой стороны, и старокатолики стали въ послѣднее время какъ-то особенно сочувственно относиться къ англиканскимъ протестантамъ, но и съ ними они вполнѣ, разумѣется, слиться не могутъ. Такимъ образомъ, они находятся въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи: они отъ одного берега отстали, а къ другому все еще не могутъ пристать. Сочувствуя протестантамъ въ смыслѣ свободы и нѣкотораго раціонализма, они вмѣстѣ съ тѣмъ не желаютъ отстать отъ идеи видимой церкви. Такое положеніе составляетъ ихъ слабость, и вотъ почему число сторонниковъ старокатолической церкви, которое въ первое время значительно росло, особенно въ Южной Германіи и Швейцаріи, въ послѣднее время почти не испытываетъ приращенія.

На другой день я оставилъ Боннъ и отправился по Рейну въ мѣстечко Ланштейнъ и оттуда—въ Эмсъ. Поѣздка по Рейну, богатому чудными видами и историческими воспоминаніями — по его

берегамъ разбросано множество живописныхъ развалинъ средневѣковыхъ замковъ — доставила мнѣ истинное наслажденіе. Въ Эмсѣ я провелъ нѣсколько дней, посвященныхъ прогулкамъ въ живописныхъ окрестностяхъ этого городка. Это второй разъ, что я былъ въ Эмсѣ; и замѣчательно, что оба раза это происходило послѣ смерти близкаго лица. Въ первый разъ, какъ уже выше приведено, послѣ смерти отца, а теперь—послѣ смерти жены.

Вблизи Эмса находится мѣстечко Нассау, съ красивымъ замкомъ, принадлежащимъ знаменитому государственному человѣку, барону Штейну, который за свой патріотизмъ подвергался преслѣдованію со стороны Наполеона, долженъ былъ оставить Пруссію и жилъ нѣкоторое время въ Россіи, а послѣ паденія Наполеона онъ занималъ въ Пруссіи мѣсто министра. Въ его министерство было совершено коренное преобразованіе внутренняго управленія этой страны; благодаря ему произошло полное возрожденіе Пруссіи. Я не хотѣлъ оставить Эмсъ, не побывавъ въ симпатичномъ Нассау. Гуляя по парку, я сѣлъ на скамейку возлѣ замка. Ко мнѣ подошелъ сторожъ; я ему предложилъ сигару, и мы съ нимъ разговорились о разныхъ предметахъ. Во время разговора онъ между прочимъ разсказалъ мнѣ, что онъ незадолго передъ тѣмъ потерялъ свою жену; при этихъ словахъ у него навертывались слезы на глазахъ. Такое совпаденіе — человѣкъ, съ которымъ я случайно разговорился, какъ будто подъ вліяніемъ нѣкотораго внутренняго влеченія, раздѣлялъ со мною ту же грустную судьбу — меня глубоко затронуло.

Изъ Эмса я опять по Рейну отправился въ Рюдесгеймъ и оттуда черезъ Бамбергъ въ Карлсбадъ, гдѣ я съѣхался съ матушкой и сестрами.

На другой день послѣ моего пріѣзда въ Карлсбадъ было воскресенье, и я зашелъ къ обѣднѣ въ русскую церковь. Во время обѣдни священникъ сказалъ рѣчь въ память своего предшественника, отца Константина, упомянувъ, что онъ лишился жены въ цвѣтѣ лѣтъ... Послѣ обѣдни служилась панихида въ память о. Константина, и я просилъ помянуть и Софію и самъ искренно молился. Такимъ образомъ постоянно на моемъ пути возникали напоминанія о покойной женѣ.

Въ Карлсбадѣ я провелъ три недѣли, наслаждаясь чудною природой и пользуясь красивыми прогулками, которыми такъ богаты окрестности Карлсбада.

Каждое утро, напившись воды у Шлосбруна, я отправлялся гулять въ горы, съ книгой въ карманѣ. Чаще всего я направлялся въ Kaiserpark. Въ этой восхитительной, окруженной зелеными го-

рами, долинѣ, я обыкновенно пилъ кофе на верандѣ мѣстнаго кафе и затѣмъ погружался въ чтеніе взятой съ собой книги. Занятіе философскими мыслями въ живописной мѣстности доставляло мнѣ всегда особенное наслажденіе. Естественныя красоты природы какъ бы сливались съ красотою возвышенныхъ мыслей. Въ то время я читалъ съ увлеченіемъ книгу Secretan'а, женевскаго ученаго, товарища извѣстнаго Навиля, „La raison et le christianisme, douze lectures".

Секретанъ, разбирая различныя философскія ученія—матеріализмъ, позитивизмъ, идеализмъ, отвлеченный теизмъ—указываетъ на ихъ несостоятельность и приходитъ къ заключенію, что даже съ точки зрѣнія раціональнаго ума (la raison), христіанское воззрѣніе на жизнь—единственно правильное и разумное.

Читая въ Карлсбадѣ однажды евангеліе, мое вниманіе остановилось на словахъ Іисуса Христа: „Гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ и Я посреди нихъ". Христосъ требуетъ, такимъ образомъ, общей молитвы. Сознавая, что христіанину слѣдуетъ дѣйствительно проводить въ жизнь христіанскія требованія, я рѣшился предложить матушкѣ и сестрамъ по воскресеньямъ читать съ ними вмѣстѣ евангеліе. Сознаюсь, что мнѣ было не легко сдѣлать имъ это предложеніе, потому что человѣкъ ощущаетъ какой-то ложный стыдъ заявлять другимъ о своихъ христіанскихъ убѣжденіяхъ. Но я превозмогъ это чувство, и мое предложеніе было съ готовностью принято. Кромѣ того, я съ этого времени сталъ читать моей прислугѣ, каждое воскресенье, по утрамъ, воскресное евангеліе, и продолжаю это дѣлать до сихъ поръ.

По окончаніи курса леченія въ Карлсбадѣ мы отправились еще на нѣсколько недѣль въ Берхтесгаденъ. По желѣзной дорогѣ мы доѣхали до Галейна, извѣстнаго своими соляными ключами, гдѣ и наняли экипажъ для слѣдованія въ Берхтесгаденъ, уговорившись въ цѣнѣ съ однимъ изъ кучеровъ, ожидавшихъ пассажировъ на станціи. Погулявъ нѣкоторое время по парку въ Галейнѣ, мы стали искать нашего возницу—но вмѣсто него къ намъ подъѣхалъ другой кучеръ и заявилъ намъ, что тотъ, котораго мы наняли, переуступилъ ему поѣздку. Такъ какъ намъ было все равно, съ кѣмъ ѣхать, то мы сѣли въ его коляску и отправились въ путь. По прибытіи въ Берхтесгаденъ, когда я сталъ расплачиваться съ кучеромъ, онъ довольно нахально сталъ требовать больше условленной платы, говоря, что у нихъ такса, и что онъ требуетъ, чтобы я заплатилъ ему по таксѣ. Послѣ продолжительнаго непріятнаго разговора съ нимъ, я ему объявилъ, что если онъ полагаетъ, что ему слѣдуетъ больше условленнаго съ тѣмъ кучеромъ, который

ему переуступилъ поѣздку, то онъ можетъ обратиться въ полицію, и что если полиція признаетъ его требованіе правильнымъ, то я ему немедленно доплачу остальное. На этомъ дѣло остановилось, и онъ, разумѣется, не обратился въ полицію, но на меня эта сцена произвела самое непріятное впечатлѣніе. Я искалъ въ лонѣ природы мира и покоя, а вмѣсто того, при самомъ же пріѣздѣ въ Берхтесгаденъ пришлось вступать въ препирательства. На другой день я справился въ таксѣ и увидѣлъ, что дѣйствительно по таксѣ слѣдовало доплатить то, что онъ требовалъ. А потому, чтобы не быть несправедливымъ, когда я черезъ нѣсколько дней встрѣтился съ нимъ на улицѣ, я подозвалъ и объяснилъ ему, что я убѣдился, что у нихъ дѣйствительно существуетъ такая такса, и что хотя тотъ кучеръ, съ которымъ мы порядились, и соглашался повидимому ѣхать ниже таксы, но что я не хочу его обижать и потому доплачиваю ему разницу. Онъ былъ, разумѣется, очень доволенъ, а у меня осталось пріятное чувство, что въ настоящемъ сомнѣніи я рѣшился лучше разрѣшить вопросъ въ невыгодномъ для меня смыслѣ, лишь бы не нарушать могущихъ быть правъ другого лица. Окрестности Берхтесгадена восхитительны, особенную прелесть составляетъ озеро Königssee, окруженное высокими скалами. Кромѣ того у самаго Берхтесгадена лежитъ гора, съ которой представляется чудный видъ на всѣ окрестности почти до самаго Зальцбурга.

Вся эта мѣстность изобилуетъ соляными формаціями и между прочимъ близъ Берхтесгадена находятся разрабатываемыя соляныя копи, и я рѣшился посѣтить такую шахту, доступную для желающихъ ее осмотрѣть.

Прежде спуска въ шахту всѣ посѣтители должны облечься въ особенный костюмъ, широкія шаровары и полотняную куртку.— Сознаюсь, что въ этомъ костюмѣ дамы представляли весьма курьезную фигуру. Затѣмъ вся публика размѣщается верхомъ другъ за другомъ на толстомъ гладкомъ бревнѣ, находящемся въ наклонномъ положеніи, имѣя впереди шахтмейстера, всѣ вмѣстѣ, держась каждый за сидящаго передъ нимъ, спускаются въ шахту, скользя по бревну. Внизу нашимъ взорамъ представился рядъ залъ, вырубленныхъ въ формаціяхъ каменной соли — представлявшихъ какое-то фантастическое, подземное царство. Прогулявшись по всѣмъ заламъ, мы сѣли по двое, съ возницею впереди, на двухколесныя тачки, въ видѣ велосипедовъ, съ удивительною быстротою промчались по разнымъ подземнымъ корридорамъ и, наконецъ, выѣхали на Божій свѣтъ. Такъ какъ на этихъ велосипедахъ приходилось сидѣть въ равновѣсіи безъ всякой опоры

для ногъ, то невольно, во время этой бѣшеной ѣзды, приходилось ощущать нѣкоторое чувство страха, ибо при малѣйшей потерѣ равновѣсія, можно было упасть въ сторону и при этомъ, двигаясь быстро въ узкомъ корридорѣ, размозжить себѣ голову о скалистыя стѣны.

Около церкви въ Берхтесгаденѣ въ очень живописномъ мѣстѣ находилось кладбище, и я разъ въ лунную ночь, гуляя, зашелъ на это кладбище. Освѣщенные луннымъ свѣтомъ памятники, стоявшіе между деревьями, производили фантастическое впечатлѣніе.

Во время пребыванія въ Берхтесгаденѣ мы встрѣтились тамъ съ нашимъ извѣстнымъ академикомъ и ученымъ геологомъ Григ. Петр. Гельмерсеномъ. Какъ извѣстно, Григорій Петровичъ принадлежалъ къ выдающимся въ то время академикамъ — вмѣстѣ съ Бэромъ и Брандтомъ. Замѣчательно, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ личностей, которыя занятія наукой умѣли соединить съ искреннимъ христіанскимъ вѣрующимъ чувствомъ. Въ жизни этого рѣдкаго человѣка произошелъ слѣдующій роковой случай.

Гельмерсенъ былъ женатъ на Кошелевой, сестрѣ или близкой родственницѣ извѣстнаго сверстника Самарина, кн. Черкаскаго, Милютина и сотрудника ихъ по польскому дѣлу. У него было два сына. Старшій, слабохарактерный молодой человѣкъ, доставлялъ мало удовлетворенія родителямъ, но за то младшій былъ необыкновенно способный, жизнерадостный и порядочный мальчикъ, составлявшій радость отца. И вотъ съ нимъ случилось слѣдующее двойное трагическое происшествіе. Онъ поступилъ студентомъ въ Дерптскій университетъ и тамъ имѣлъ несчастье, по неосторожности, на охотѣ изъ ружья убить своего друга. Легко себѣ представить, какимъ тяжелымъ гнетомъ это несчастное происшествіе легло на душу и молодого человѣка и его бѣднаго отца. Но этого еще не довольно. Годъ спустя, катаясь съ товарищами въ лодкѣ по чрезвычайно быстрой рѣчкѣ Эмбаху, протекающей по Дерпту, у него лодка задѣла за мостъ и опрокинулась. Молодой Гельмерсенъ былъ, кажется, хорошимъ пловцомъ, онъ бросился спасать товарища, котораго уносило теченіе, и самъ при этомъ погибъ въ волнахъ Эмбаха. Все это время я часто видѣлся съ Григоріемъ Петровичемъ и былъ пораженъ, съ какимъ христіанскимъ смиреніемъ и подчиненіемъ волѣ Провидѣнія онъ переносилъ постигшее его несчастье. У Гельмерсена кромѣ того были три дочери, одна изъ нихъ вышла замужъ за капитана, нынѣ контръ-адмирала Моласа, брата Моласа, погибшаго вмѣстѣ съ Макаровымъ, при взрывѣ „Петропавловска“.

Изъ Берхтесгадена мы отправились въ Мюнхенъ, гдѣ я разстался съ семействомъ. Матушка и сестры поѣхали въ Дрезденъ, а я еще заѣхалъ въ мѣстечко Фельдафингъ, на берегу Штарнбергскаго озера. Хотя это озеро далеко не такъ живописно, какъ Кенигсзее, однако оно тоже довольно красиво,—по берегамъ его виднѣются разныя мѣстечки, посреди которыхъ разбросаны красивыя дачныя виллы мѣстныхъ городскихъ жителей, вдали пейзажи окаймляютъ съ разныхъ сторонъ горныя вершины. На берегу Штарнбергскаго озера находится знаменитый замокъ, построенный королемъ Людвигомъ, въ которомъ содержался впослѣдствіи несчастный король во время постигшаго его умопомѣшательства. онъ Здѣсь же погибъ въ озерѣ, потопивъ себя вмѣстѣ со слѣдовавшимъ за нимъ докторомъ, желавшимъ исторгнуть его изъ озера. На мѣстѣ катастрофы поставленъ теперь въ озерѣ памятникъ. Это трагическое происшествіе совершилось нѣсколько лѣтъ спустя; въ то время берега Штарнбергскаго озера еще не были омрачны этимъ печальнымъ происшествіемъ.

Въ Фельдафингѣ я провелъ нѣсколько дней, гуляя по берегамъ озера и занимаясь разработкой статьи о религіи и наукѣ въ XIX столѣтіи,—мысль, которая у меня явилась передъ тѣмъ еще въ Эмсѣ, во время одной прогулки. Слѣдя за современной литературой въ Германіи, я былъ пораженъ антагонизмомъ, который все сильнѣе проявлялся тамъ между представителями науки и духовными лицами,—антагонизмъ, который впослѣдствіи выразился въ пресловутомъ культуркампфѣ уже при Бисмаркѣ. Мнѣ казалось, что собственно коренныхъ причинъ для разлада между наукой и религіей не существуетъ. Антагонизмъ этотъ выросъ главнымъ образомъ на почвѣ католическаго ультрамонтанизма и схоластики. Осужденіе свободы мысли и научнаго изслѣдованія, выразившееся окончательно въ папскомъ силлабусѣ, выразившемъ всякое самостоятельное научное изслѣдованіе,—не могло, разумѣется, уживаться съ научнымъ развитіемъ, и потому представители науки очевидно должны были заявить протестъ противъ такого гнета—и вотъ откуда возникъ антирелигіозный раціонализмъ. Борьба охватила даже область нравственной жизни, между тѣмъ какъ несомнѣнно, что всякая исключительно религіозная доктрина безсильна въ нравственномъ отношеніи, какъ лишенная религіозной поддержки. Раціональная нравственная доктрина можетъ только указать людямъ на извѣстный нравственный идеалъ, но не можетъ сообщить имъ внутренней силы, дающей людямъ возможность стремиться къ осуществленію въ жизни даннаго нравственнаго идеала. Противопоставленіе культурной идеи лишено потому основанія—когда рѣчь идетъ о хри-

стіанствѣ, а не о католическомъ ультрамонтанствѣ; напротивъ того, истинное живое христіанство необходимое культурное условіе человѣческаго общества.

Вотъ тѣ главныя мысли, которыя надѣялся развить въ статьѣ, разработку которой я началъ въ Фельдафингѣ и завершилъ вскорѣ послѣ моего возвращенія въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ насъ ожидалъ непріятный сюрпризъ. Въ квартирѣ матушки оказалась покража серебра—разныхъ вещей. Такъ какъ при этомъ замки всѣхъ помѣщеній оказались въ цѣлости, а во время нашего отсутствія въ квартирѣ оставалась служанка матушки, то, очевидно, покража могла быть совершена только при ея участіи. Какъ ни непріятно было это происшествіе само по себѣ, но мнѣ особенно было непріятно то, что предстояло рѣшить, какъ быть съ подозрѣваемой служанкой, т.-е. подать ли обвиненіе на нее въ полицію. Съ христіанской точки зрѣнія слѣдуетъ прощать нашимъ врагамъ. Въ данномъ случаѣ, подобное обвиненіе имѣло бы послѣдствіемъ окончательную погибель предполагаемой виновницы кражи, и потому я рѣшился уговорить матушку ограничиться немедленнымъ увольненіемъ означенной женщины, не возбуждая противъ нея никакого дальнѣйшаго преслѣдованія—такъ и было сдѣлано.

Къ концу года я былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьею Лужскаго уѣзда; въ этомъ званіи я состоялъ до самаго моего назначенія товарищемъ министра финансовъ. Ежемѣсячно приходилось ѣздить въ Лугу на сессію суда, который состоялъ подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Татищева, кромѣ меня, изъ мировыхъ судей Горданова, Самохвалова, Зварковскаго и Скрыдлова, родственника адмирала Скрыдлова. Сессіи суда продолжались дня два или три. Вечеромъ, по пріѣздѣ въ Лугу, я обыкновенно занимался разсмотрѣніемъ дѣлъ, подлежавшихъ разбору сессіи, которая продолжалась обыкновенно съ самаго утра до обѣда. Суду приходилось обыкновенно имѣть дѣло только съ обвиняемыми и свидѣтелями. Разъ только какой-то богатый крестьянинъ, обвиняемый въ тайной продажѣ вина, выписалъ изъ Петербурга адвоката для защиты. Это произвело нѣкоторый эффектъ въ мѣстномъ обществѣ, и всѣ ожидали, какой будетъ отъ того результатъ. Такъ какъ намъ было доподлинно извѣстно, что обвиняемый дѣйствительно торговалъ виномъ, на что были положительныя улики, то риторическая рѣчь адвоката очевидно не имѣла дѣйствія, и состоялся обвинительный приговоръ. Вечеромъ, возвращаясь въ Петербургъ, я случайно оказался въ одномъ вагонѣ съ нашимъ адвокатомъ. Онъ сидѣлъ съ какимъ-то знакомымъ и разсказывалъ ему про свои впечатлѣнія въ Лугѣ, браня

нескончаемо мировыхъ судей, о которыхъ онъ отозвался, какъ о какихъ-то бурбонахъ, чуть не звѣряхъ—очевидно онъ, былъ сильно обиженъ тѣмъ, что его защитительная рѣчь не имѣла успѣха. По выходѣ изъ вагона въ Петербургѣ, я подошелъ къ нему на платформѣ и, обратившись къ нему, сказалъ ему: вы, кажется, адвокатъ, защищавшій въ Лугѣ дѣло крестьянина Х-а, я лужскій мировой судья и слышалъ ваши громкіе отзывы въ вагонѣ о лужскихъ судьяхъ; какое бы ни было ваше о нихъ мнѣніе, я совѣтовалъ бы вамъ не выражать его публично, потому что публичное поношеніе суда могло бы имѣть для васъ непріятныя послѣдствія. Онъ ничего не отвѣтилъ и сконфуженно отошелъ въ сторону.

Около этого же времени я поступилъ въ члены казанскаго приходскаго попечительства о бѣдныхъ. Предсѣдателемъ его былъ тогда камергеръ Жуковскій. Послѣ Жуковскаго и затѣмъ протоіерея Лебедева я былъ выбранъ предсѣдателемъ попечительства и состою таковымъ по настоящее время.

Наступила годовщина дня моей свадьбы. Какъ я уже замѣтилъ, моя покойная жена обладала замѣчательнымъ музыкальнымъ талантомъ; послѣ нея остались въ числѣ прочихъ неизданныхъ музыкальныхъ манускриптовъ, положенный на голосъ псаломъ 122:—„Къ Тебѣ возвожу очи мои, живущій на небесахъ“. Она написала это музыкальное сочиненіе, занимаясь контрапунктомъ съ своимъ учителемъ профессоромъ Зарэмбо, который былъ очень религіозный человѣкъ. Мнѣ пришла мысль просить дьякона и регента хора нашей церкви (Конюшенной) переложить сочиненіе моей жены для хорового пѣнія, чтобы исполнить его на панихидѣ, которая должна была служиться въ вышеуказанный день. Моя просьба была исполнена, и съ тѣхъ поръ этотъ псаломъ исполняется ежегодно въ церкви въ дни панихидъ, которыя служатся въ память покойной. А такъ какъ величественная гармонія этой мелодіи многимъ очень нравится, то иногда и въ другіе дни этотъ псаломъ поется вмѣсто причастнаго стиха. Когда я слышу вдохновенные звуки творенія покойной, при упокойной молитвѣ за нее же, мнѣ все кажется, какъ будто этимъ устанавливается между нами нѣкоторая духовная связь. Если на томъ свѣтѣ душамъ усопшихъ дано принимать нѣкоторое участіе въ происходящемъ на семъ мірѣ, то мнѣ представляется, что душа покойной жены, для которой музыка была выше всего, должна и въ той жизни ощущать духовное наслажденіе, когда въ церковной молитвѣ возносятся Богу ея собственныя мелодіи.

Въ началѣ 1876 г. вышла въ печати моя первая статья по религіознымъ вопросамъ—нѣкоторыя соображенія о старокатоликахъ

и о Боннскомъ конгрессѣ, статья, которую я написалъ по совѣту Осинина. Появленіе моей первой статьи въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ меня тѣмъ болѣе ободрило, что я былъ нѣсколько разочарованъ отказомъ редакціи „Голоса“ напечатать мой трудъ—„Наука и Религія“—о которомъ уже была рѣчь. Редакція первоначально приняла мою работу, продержала ее довольно долго и затѣмъ возвратила мнѣ ее подъ предлогомъ, что этотъ спеціально религіозный вопросъ не подходитъ подъ программу журнала. Тогда я рѣшился напечатать ее отдѣльной брошюрой.

Въ то время я уже былъ членомъ общества духовнаго просвѣщенія и началъ принимать въ его засѣданіяхъ живое участіе. Такъ какъ меня очень интересовала мысль о свободѣ совѣсти, потому что, съ религіозной точки зрѣнія, я не могъ не считать существующую у насъ систему религіознаго понужденія великимъ зломъ, то мнѣ захотѣлось сказать въ обществѣ публично рѣчь по этому предмету; посовѣтовавшись съ профессоромъ Осининымъ и, кажется, Янышевымъ, я рѣшился заявить совѣту общества о моемъ намѣреніи. Для обсужденія этого вопроса было назначено спеціальное засѣданіе совѣта, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, въ Мраморномъ дворцѣ. Послѣ моихъ объясненій, предложеніе мое было принято сочувственно, но со стороны нѣкоторыхъ членовъ совѣта былъ возбужденъ вопросъ, не слѣдуетъ ли мнѣ предварительно написать мою рѣчь и представить ее въ совѣтъ для прочтенія, т.-е., другими словами, подвергнуть ее домашней цензурѣ. Противъ этого я возразилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, заявляя, что я не могу принять этого условія уже потому, что намѣренъ говорить свободно (хотя и по составленной заранѣе подробной программѣ)—и потому не могу принять обязательство говорить только то, что мною будетъ впередъ написано, безъ всякихъ отъ того уклоненій. Предложеніе о предварительной цензурѣ моей рѣчи не было поддержано, и самъ Великій Князь высказался въ томъ смыслѣ, что мнѣ должна быть предоставлена полная свобода слова. Отъ меня даже не потребовали сообщенія моей программы.

Засѣданіе, на которомъ я долженъ былъ произнести мою рѣчь, было назначено на воскресенье 14 марта. Не могу сказать, чтобы я спокойно и хладнокровно ожидалъ этой минуты. Говорить, свидѣтельствовать объ этомъ, такъ глубоко затрагивавшемъ меня предметѣ, было за послѣднее время моимъ несомнѣннымъ желаніемъ. И вотъ, когда мнѣ представилась къ тому возможность, мнѣ казалось, что я не довольно воодушевленно, не довольно восторженно отношусь къ этой перспективѣ, а между тѣмъ я сознавалъ, что моя рѣчь, для того, чтобы воздѣйствовать на слушателей, должна бы

быть исполнена священнаго огня и истиннаго воодушевленія. Затѣмъ хотя я имѣлъ тогда уже привычку говорить публично и потому первоначально не сомнѣвался въ томъ, что столь живо затрогивавшій меня сюжетъ найдетъ соотвѣтственное выраженіе въ моихъ словахъ, но по мѣрѣ приближенія назначеннаго дня, я и въ этомъ сталъ сомнѣваться, я себя спрашивалъ, насколько задача, принятая мною на себя, окажется мнѣ по силамъ. Кромѣ того я долженъ указать еще на одно странное возникавшее во мнѣ ощущеніе. До тѣхъ поръ мнѣ никогда еще не приходилось говорить публично о религіозныхъ вопросахъ; меня знали какъ экономиста, отчасти какъ государственнаго человѣка,—и вдругъ я выступлю передъ публикой, чуть ли не какъ христіанскій проповѣдникъ. Мнѣ было какъ будто совѣстно публично передъ людьми заявлять о моихъ христіанскихъ убѣжденіяхъ и какъ бы свидѣтельствовать о томъ, что я сдѣлался вѣрующимъ христіаниномъ. Нужно было просто нѣкоторое усиліе воли, чтобы побѣдить вначалѣ это смущеніе.

Дѣйствительно, въ первый моментъ, при началѣ моей рѣчи я ощущалъ какъ-бы нѣкоторое чувство смущенія и только послѣ того, какъ я замѣтилъ, что слушатели слѣдятъ съ усиленнымъ вниманіемъ за моими словами, я отдѣлался отъ этого глупаго настроенія, воодушевился и сталъ говорить съ искреннимъ убѣжденіемъ.

Я положилъ въ основаніе моей рѣчи слѣдующіе восемь главныхъ тезисовъ:

1) Охраненіе извѣстныхъ религіозныхъ убѣжденій въ народѣ не достигается вторженіемъ гражданской власти въ духовную сферу.

2) Смѣшеніе элемента гражданскаго съ духовнымъ задерживаетъ естественное и своеобразное развитіе гражданской жизни и подавляетъ духовную жизнь внѣшнимъ формализмомъ.

3) Противъ научнаго отрицанія, обусловленнаго убѣжденіемъ, возможно бороться только на почвѣ духовной свободы.

4) Христосъ училъ, что пользованіе внѣшнею побудительною властью въ духовныхъ дѣлахъ несовмѣстно съ пониманіемъ христіанскаго духа.

5) Сущность ученія христіанской нравственности: вѣчная истина, безусловная искренность и постоянный прогрессъ.

6) Теплота чувства (любовь) главная внутренняя пружина, приводящая въ движеніе духовный механизмъ христіанской жизни.

7) Послѣдствія означеннаго въ п. 2 смѣшенія лицемѣрія, индифферентизма, формализма и самодовольства—находятся въ прямой противоположности съ понятіями, указанными въ пунктахъ 5-мъ и 6-мъ.

8) Общее начало, истекающее изъ предыдущаго: свобода совѣсти нераздѣльна отъ правильнаго пониманія христіанской идеи.

Я говорилъ просто и свободно, и моя рѣчь, повидимому, произвела впечатлѣніе на слушателей. Графъ Корфъ, который тоже былъ въ числѣ послѣднихъ, сказалъ мнѣ: „вы заживо задѣли“. На другой день мнѣ передавали, что о моей рѣчи много говорятъ въ городѣ. Предметъ рѣчи самъ по себѣ былъ настолько животрепещущій и настолько интересовалъ какъ вѣрующихъ, такъ и невѣрующихъ, что немногаго требовалось отъ говорившаго, чтобы возбудить дѣйствительный интересъ, такъ что я не могъ приписывать достигнутый успѣхъ исключительно достоинству моей рѣчи.

Вслѣдствіе моей рѣчи о свободѣ совѣсти В. П. Безобразовъ предложилъ мнѣ написать пространную статью на эту тему для Сборника Госуд. Знаній [1]). Въ этой статьѣ я проводилъ основную мысль, что одно изъ трехъ испытаній Господа дьяволомъ, въ которомъ дьяволъ, показавъ Ему всѣ царства міра сказалъ: поклонись мнѣ и все это дамъ тебѣ—объяснялось отчасти внутренней борьбой, происходившей въ душѣ Спасителя, передъ началомъ его служенія,—когда, сознавая свою божественную власть и силу—Онъ стоялъ передъ выборомъ пойти по стезѣ насилія и своей властію понудить людей покориться Ему, или избрать духовный путь, полный для Него страданій, направленный къ добровольному подчиненію людей Его Святому вліянію. Спаситель избралъ послѣдній путь, а потому каждый разъ, когда церковь обращается къ принужденію религіозной совѣсти людей, она отклоняется отъ пути, избраннаго Спасителемъ. Затѣмъ въ концѣ статьи я разбиралъ наше законодательство по этому предмету и указывалъ на то, какъ оно далеко ушло отъ этого нормальнаго пути.

Эта моя статья благополучно прошла черезъ нашу духовную цензуру. Цензоръ препод. Геласій, хотя и замѣтилъ съ нѣкоторою добродушной улыбкой, что авторъ какъ бы отрицаетъ дѣйствительность искушенія Спасителя дьяволомъ, переводя искушеніе на внутреннюю борьбу, происходившую въ душѣ Спасителя—все же далъ imprimetur.

На слѣдующее воскресенье было назначено засѣданіе для отвѣта на мою рѣчь. Оппонентомъ явилось одно очень симпатичное мнѣ и уважаемое мною духовное лицо. Передъ засѣданіемъ мой оппонентъ далъ мнѣ понять въ интимномъ разговорѣ, что онъ принялъ на себя задачу возраженія на мои тезисы не по собственной инициативѣ, а по внушенію высшаго духовенства, которое находило, что нельзя было оставить мою рѣчь безъ отвѣта. Поэтому и по самому существу

[1]) Сборникъ Госуд. Знаній, нѣчто въ родѣ Энциклопедіи по этой части, былъ задуманъ и издавался В. П. Безобразовымъ, при участіи первостепенныхъ профессоровъ и ученыхъ.

вопроса, реплика должна была выйти довольно безцвѣтною. Пришлось какъ бы обходить сущность вопроса, такъ какъ трудно было отстаивать насиліе въ дѣлѣ убѣжденія,—поэтому мой оппонентъ сталъ говорить на тему, что совѣсть есть дѣло внутренней жизни, что ее ничѣмъ нельзя стѣснить, и что поэтому нечего говорить о свободѣ совѣсти, она всегда свободна,—что же касается внѣшняго проявленія религіозной жизни, то это другое дѣло и т. д. Хотя я впередъ не зналъ содержанія рѣчи моего оппонента и потому не былъ подготовленъ къ отвѣту, но отвѣчать ему оказалось нетрудно, и, кажется, большинство слушателей отнеслось къ моему отвѣту сочувственно.

Нѣсколько дней послѣ этихъ дебатовъ, ко мнѣ зашелъ Н. А. Кирѣевъ, съ которымъ я былъ знакомъ со времени египетской поѣздки. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ славянскаго общества и душою и тѣломъ преданъ славянскому дѣлу. Желая заручиться и моимъ содѣйствіемъ въ пользу столь близкаго для него дѣла, онъ пришелъ пригласить меня поступить въ члены славянскаго общества. Я отклонилъ, однако, его предложеніе, объяснивъ ему, что я не очень сочувствую славянской агитаціи, да при томъ и безъ того у меня много дѣла, но что я радъ трудиться вмѣстѣ съ нимъ по религіозному вопросу, устройствомъ, если окажется возможнымъ, публичныхъ лекцій, изданіемъ брошюръ и т. п. Мы условились переговорить о всемъ этомъ пообстоятельнѣе въ началѣ предстоящей зимы и затѣмъ начертать планъ дальнѣйшаго образа дѣйствія. Нашей совмѣстной дѣятельности не суждено было однако осуществиться. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя я прочелъ въ газетахъ, уже за границей, о смерти Николая Алексѣевича, погибшаго на войнѣ съ турками, мученикомъ за сербское дѣло. Храбрый и опрометчивый, онъ въ первомъ же большомъ дѣлѣ бросился впередъ, желая увлечь за собою своихъ добровольцевъ, но дружина его не поддержала и онъ палъ доблестно на полѣ брани истиннымъ героемъ; принесла ли его смерть пользу дѣлу, это однако остается вопросомъ. Его тѣло не было найдено, такъ какъ поле сраженія осталось за турками.

Кто не прожилъ этого времени, тотъ съ трудомъ можетъ себѣ представить, до какихъ предѣловъ доходила та искусственная агитація, которая тогда велась во всей Россіи и особенно въ Петербургѣ въ пользу поддержанія сербскаго возстанія. Центромъ всего движенія былъ салонъ графини Блудовой, въ связи съ окружавшимъ ее славянофильскимъ кружкомъ. Агитація велась повсюду въ салонахъ, въ публичныхъ мѣстахъ, даже въ вагонахъ конки, по которымъ ходили дамы общества для собиранія пожертвованій въ пользу сербовъ, выказывая очень явственно свое негодованіе къ

тѣмъ, кто не желалъ жертвовать для патронируемаго ими дѣла. На сторонѣ этого движенія была и Императрица Марія Александровна,— наконецъ, дѣло дошло до того, что и Государь, не желавшій войны, былъ противъ воли увлеченъ общимъ движеніемъ. Изъ Россіи направлялись массы добровольцевъ въ сербскую армію, этою арміей командовалъ даже русскій генералъ Черняевъ, и все это кончилось печальнымъ пораженіемъ, такъ что пришлось вступиться въ дѣло Россіи. Такимъ образомъ мы искусственно втянулись въ политическую ошибку, которая обошлась намъ дорого и сдѣлала только дѣла другихъ,—Австріи. На это мы жертвовали свою кровь и свои деньги, при томъ, какъ и въ первую восточную (крымскую) войну, надѣясь, до послѣдней минуты, что дѣло ограничится однѣми манифестаціями, потеряли полгода въ ожиданіи, давъ туркамъ возможность воспользоваться этимъ временемъ для того, чтобы подготовиться и завершить свое вооруженіе. Печальный результатъ подобнаго образа дѣйствія достаточно извѣстенъ.

Лѣто 1876 года я опять провелъ съ моимъ семействомъ въ Карлсбадѣ. Въ числѣ русскихъ я встрѣтилъ въ Карлсбадѣ герцога Николая Максиміліановича Лейхтенбергскаго, А. А. Абазу, К. Д. Домонтовича и извѣстнаго нашего богослова отца Васильева, долгое время бывшаго нашимъ священникомъ въ Парижѣ. Съ Николаемъ Максиміліановичемъ мы часто видѣлись, я его посѣщалъ, по его приглашенію, нерѣдко въ послѣобѣденное время, и мы вмѣстѣ занимались чтеніемъ экономическихъ сочиненій, вспоминая наши прежнія занятія въ Петербургѣ. Помню, какъ на одной прогулкѣ съ нимъ, на извѣстную гору Абергъ, мы съ нимъ разговорились о спиритизмѣ. Я старался убѣдить его въ несостоятельности всего, что говорятъ о матеріализаціи духовъ, но никакъ не могъ разубѣдить его въ его спиритическихъ вѣрованіяхъ; онъ мнѣ утверждалъ, что онъ неоднократно самъ имѣлъ случай убѣдиться въ дѣйствительности спиритизма.

Во время пребыванія въ Карлсбадѣ, я получилъ отъ М. Х. Рейтерна письмо съ порученіемъ ознакомиться съ способомъ взиманія въ Австріи таможенныхъ пошлинъ золотомъ, для доклада ему о томъ по возвращеніи въ Петербургъ. Оказывается, что, въ виду все болѣе и болѣе надвигавшейся опасности войны, онъ помышлялъ уже о введеніи и у насъ золотой таможенной пошлины и съ этою цѣлью поручилъ мнѣ собрать соотвѣтствующія свѣдѣнія.

Для исполненія даннаго мнѣ порученія, я отправился по желѣзной дорогѣ въ ближайшую австрійскую пограничную таможню (не помню ея названія) и безъ всякой рекомендаціи обратился къ управляющему таможней, сообщилъ ему о полученномъ мною отъ рус-

скаго министра финансовъ порученіи и просилъ его ознакомить меня съ существующею у нихъ процедурою. Онъ очень любезно отозвался на мою просьбу, объяснилъ мнѣ весь порядокъ ихъ дѣлопроизводства, сообщилъ мнѣ различные формуляры и вообще поставилъ меня совершенно въ курсъ всего дѣла. Такимъ образомъ, по возвращеніи, я имѣлъ полную возможность удовлетворить желаніе Михаила Христофоровича.

Послѣ Карлсбада мы отправились для, такъ называемой, Nachkur въ Königswart, имѣніе князя Меттерниха, лежащее между Карлсбадомъ и Маріенбадомъ въ красивой мѣстности, не особенно переполненное публикой. Недалеко отъ самаго курорта находился дворецъ князя Меттерниха, окруженный большимъ паркомъ. При дворцѣ былъ устроенъ особенный музей разныхъ замѣчательностей, также открытый для публики. Въ этомъ музеѣ были помѣщены, между прочимъ, разныя воспоминанія пребыванія Меттерниха въ Парижѣ, въ качествѣ посла при Наполеонѣ III, богатый костюмъ, который князь носилъ на придворномъ балу, драгоцѣнный кинжалъ, подаренный ему Наполеономъ и т. п.

Окрестности Кенигсварта лѣсисты и красивы. Недалеко отъ самаго Кенигсварта, по дорогѣ въ Маріенбадъ, находится охотничій паркъ, въ которомъ водились олени; для корма этихъ животныхъ въ лѣсу было устроено особое помѣщеніе, куда олени приходили отъ времени до времени, и недалеко отъ этого помѣщенія— трибуна для охотниковъ, которые, такимъ образомъ, безъ труда могли стрѣлять этихъ бѣдныхъ животныхъ, когда они приходили кормиться. Разсказывали, что даже сама княгиня Меттернихъ (игравшая такую выдающуюся роль въ Парижѣ, въ качествѣ царицы модъ) не брезгала этимъ удовольствіемъ и пріѣзжала сюда стрѣлять оленей. Это уже не охота, а бойня. Единственно, что дѣйствительно интересуетъ въ охотѣ, это отыскиваніе и преслѣдованіе звѣря, — самый же убой не можетъ доставлять никакого пріятнаго чувства, особенно, когда это происходитъ при такихъ условіяхъ.

Въ Кенигсвартѣ меня посѣщали изъ Маріенбада А. Б. фонъ-Бушенъ, о которомъ была рѣчь по поводу статистическаго конгресса, и молодой Левшинъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, сынъ извѣстнаго Алексѣя Ираклієвича Левшина, бывшаго товарища министра государственныхъ имуществъ.

А. Б. фонъ-Бушенъ, человѣкъ крайне энергичный и самоувѣренный, пользовался Маріенбадскими водами, не спрашивая совѣта докторовъ. Столь неосторожное отношеніе къ лѣченію Маріенбадомъ имѣло для него, къ сожалѣнію, крайне печальныя послѣдствія. Онъ возвратился въ Петербургъ больнымъ и спустя нѣсколько мѣ-

сяцевъ скончался. Во время болѣзни я его часто посѣщалъ, при чемъ мы часто бесѣдовали съ нимъ о христіанствѣ,—но вызвать въ немъ вѣрующее настроеніе мнѣ не удалось. Человѣкъ крайне правдивый и искренній, онъ не могъ измѣнить своихъ убѣжденій въ послѣднюю минуту жизни и въ этомъ откровенно сознавался. Я провелъ у него послѣднюю ночь передъ его смертью, ухаживая за нимъ вмѣстѣ съ его женою. Печально было смотрѣть, какъ этотъ энергическій и всегда бодрый человѣкъ старался какъ бы побороть смерть, но она была сильнѣе его. Послѣ его кончины, одинъ изъ его родственниковъ справедливо замѣтилъ, что Артуръ Богдановичъ не былъ вѣрующимъ христіаниномъ, но въ жизни по своему благородству и по своимъ отношеніямъ къ людямъ былъ фактически дѣйствительнымъ христіаниномъ. У него было два сына, славные малые; одинъ изъ нихъ умеръ при жизни его, а другой немного лѣтъ послѣ его смерти, такъ что изъ всего семейства осталась только вдова, которая съ удивительною силою духа перенесла постигшія ее несчастія; она довольно долго прожила еще послѣ смерти мужа, посвящая себя образованію дѣвицъ въ качествѣ директриссы какого-то женскаго заведенія.

Изъ Кенигсварта мы отправились еще на нѣсколько недѣль въ окрестности Дрездена, откуда я посѣтилъ Саксонскую Швейцарію, обойдя пѣшкомъ извѣстный Куштäль, оба Винтерберга, Пребишъ Торъ и др. пункты этой живописной мѣстности. Куштäль представляетъ замѣчательную площадку среди скалъ, передъ которою скалы расходятся въ видѣ огромнаго окна, изъ котораго представляется глазамъ далекій живописный видъ на окружающую гористую мѣстность. Названіе Куштäль, т. е. хлѣвъ, это мѣсто получило потому, что во времена тридцати-лѣтней, кажется, войны, крестьяне сгоняли въ это укромное мѣсто свой скотъ, чтобы спасти его отъ враговъ. Замѣчательна также формація Пребишъ Торъ (т. е. Пребишевы ворота); въ этой мѣстности двѣ вертикальныя скалы покрыты другою громадною скалою, очевидно, обрушившеюся на нихъ въ давнія времена,—эта конфигурація представляетъ родъ гигантскихъ воротъ, открывающихъ опять же красивый видъ на предлежащую мѣстность. Все это странствованіе по Саксонской Швейцаріи я совершилъ въ два дня, закончивъ его посѣщеніемъ замѣчательной базальтовой формаціи на самомъ берегу Эльбы, носящей названіе Бастей.

По возвращеніи въ Петербургъ, я доложилъ Рейтерну собранныя мною свѣдѣнія объ устройствѣ способа взиманія таможенныхъ пошлинъ золотомъ въ Австріи. Онъ вполнѣ удовольствовался моимъ докладомъ и немедленно назначилъ засѣданіе для обсужденія озна-

ченнаго вопроса, въ которомъ, кромѣ него самого, участвовали С. А. Грейгъ, Е. И. Ламанскій и я. Въ этомъ засѣданіи Михаилъ Христофоровичъ изложилъ свое мнѣніе о необходимости, въ виду готовившейся войны, ввести золотую таможенную пошлину, чтобы обезпечить государственное казначейство золотомъ, при чемъ полагалъ просто установить взиманіе золотомъ существовавшей таможенной пошлины. Я возражалъ противъ такого предположенія довольно энергически, потому что такое возвышеніе таможенныхъ окладовъ внезапно въ 60%,—а къ этому приводилъ простой переходъ отъ бумажной къ золотой пошлинѣ—мнѣ казался опаснымъ и могущимъ вызвать разныя неблагопріятныя экономическія пертурбаціи. Я никогда не отрицалъ необходимости сохраненія у насъ таможенной охраны, хотя и слылъ за фритрэдера, но стоялъ за умѣренную охрану, а потому подобное колоссальное повышеніе охраны, и при томъ сразу, мнѣ представлялось вреднымъ. Несмотря на всѣ мои возраженія, которыя Рейтернъ выслушалъ очень терпѣливо, было все же рѣшено приступить къ предполагаемой мѣрѣ, при чемъ единственное, что мнѣ удалось при этомъ достигнуть, это бонификація въ 10%—въ каковомъ размѣрѣ былъ уменьшенъ номинальный окладъ пошлины.

Около этого времени мнѣ удалось закончить переводъ перваго тома „Ecce Homo". Я уже говорилъ выше, что, прочитавъ въ какой-то газетѣ выдержку изъ этой замѣчательной книги, вышедшей съ довольно обширнымъ вступленіемъ, написаннымъ къ ней Глэдстономъ, я выписалъ эту книгу и принялся за ея переводъ. Я думалъ приступить къ печатанію моего труда, но это оказалось не такъ легко. Какъ духовное сочиненіе, оно подлежало духовной цензурѣ; оказалось, что цензура не соглашается дать разрѣшеніе на наборъ статьи съ тѣмъ, чтобы ей были представляемы на просмотръ отдѣльные листы по мѣрѣ ея печатанія, но требовала, чтобы все сочиненіе въ совокупности было представлено ей для просмотра въ манускриптѣ. Это до крайности затрудняло дѣло; моя рукопись, годная для набора, не была, однако, достаточно отчетлива для представленія въ цензуру: пришлось бы переписывать весь манускриптъ, ожидать затѣмъ долгое время его цензурованія и т. д. Не зная, что дѣлать, я рѣшился отправиться къ І. Л. Янышеву, съ просьбой помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Іоаннъ Леонтьевичъ очень любезно отнесся къ моей просьбѣ; объяснивъ мнѣ, что онъ лично, непосредственно, не можетъ сдѣлать никакого распоряженія въ смыслѣ моего желанія (онъ тогда былъ ректоромъ духовной академіи), онъ предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ архимандриту Виталію, на котораго была возложена цензура духовныхъ книгъ,

чтобы съ нимъ посовѣтоваться объ этомъ дѣлѣ. Виталій произвелъ на меня на первыхъ порахъ впечатлѣніе человѣка сухого и крайне сдержаннаго. Онъ принялъ насъ очень учтиво и послѣ продолжительнаго разговора и моихъ объясненій относительно трудности представленія полнаго манускрипта и т. д. предложилъ мнѣ окончательно принести къ нему мою работу, чтобы затѣмъ уже условиться, какъ поступить. Я, разумѣется, съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе и дня черезъ два отправился къ нему съ моимъ манускриптомъ. Онъ принялъ меня привѣтливо; на столѣ — чай, который онъ мнѣ предложилъ, и мы за стаканомъ чая стали читать мой переводъ. Чтеніе его, очевидно, заинтересовало; онъ предложилъ мнѣ, для ускоренія дѣла, читать ему мой трудъ, съ тѣмъ, чтобы по частямъ, по мѣрѣ прочтенія, сдавать его въ печать. Тѣмъ самымъ устранялась всякая задержка въ печатаніи, и являлась возможность, въ случаѣ необходимости какихъ-либо частныхъ измѣненій въ текстѣ, дѣлать таковыя немедленно по соглашенію со мною. Меня это предложеніе вначалѣ не очень порадовало, потому что это требовало ряда сеансовъ; но, въ интересѣ дѣла, я согласился. И что же? эти сеансы, въ которые между чтеніемъ у насъ возникали постоянные разговоры о разныхъ предметахъ, обратились для меня въ очень пріятное занятіе, тѣмъ болѣе, что я располагалъ тогда значительнымъ свободнымъ временемъ. При этомъ, я до того сблизился съ архимандритомъ Виталіемъ, что до конца его жизни пребывалъ съ нимъ, могу сказать, въ интимныхъ, почти дружескихъ отношеніяхъ.

Этотъ человѣкъ, который на первыхъ порахъ представился мнѣ такимъ сухимъ, оказался человѣкомъ, скрывавшимъ подъ внѣшнею, сухою оболочкой самое теплое сердце и живой интересъ ко всякимъ вопросамъ религіи и жизни.

Наша совмѣстная работа продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ я еженедѣльно пріѣзжалъ по два раза на его квартиру, въ Александро-Невской лаврѣ. Каждый разъ мы читали и бесѣдовали вмѣстѣ по нѣсколько часовъ. Въ сущности, мой переводъ утверждался имъ почти безъ измѣненій; мѣстами онъ исправлялъ мой слогъ, мѣстами указывалъ ближе придерживаться къ оригинальному тексту—такъ что послѣ взаимнаго просмотра мой трудъ значительно выигрывалъ. Прочитанное отдавалось немедленно въ печать, и онъ на набранныхъ листахъ ставилъ свой imprimetur.

Уже въ одно изъ первыхъ засѣданій, послѣ работы, у насъ перешелъ разговоръ на очень интимную, задушевную почву. Узнавъ отъ меня о моемъ вдовствѣ, онъ сталъ разсказывать мнѣ, какъ онъ потерялъ свою жену (послѣ чего только онъ и перешелъ въ мона-

шество), какъ онъ былъ этимъ опечаленъ, и какое утѣшеніе онъ находилъ въ своей печали въ чтеніи псалмовъ, указывая, что глубокое значеніе ихъ мы начинаемъ понимать именно въ такое время, когда душа чувствуетъ потребность въ утѣшеніи. На эту тему мы долго бесѣдовали и разстались какъ бы давнишними друзьями, съ глубокимъ взаимнымъ сочувствіемъ.

Съ тѣхъ поръ каждый разъ, за чаемъ, у насъ происходили продолжительныя дружескія бесѣды. При этомъ мы касались всякихъ вопросовъ. Такъ, онъ мнѣ разсказывалъ много интереснаго, между прочимъ, о бывшемъ архимандритѣ Ѳеодорѣ, въ мірѣ Александрѣ Матвѣевичѣ Бухаринѣ. Это была весьма замѣчательная, можно сказать, даже въ нашихъ церковныхъ сферахъ исключительная личность. Архим. Ѳеодоръ совершенно посвятилъ себя разработкѣ разныхъ религіозныхъ вопросовъ и религіозно-философскихъ изслѣдованій. Въ этой дѣятельности, которая совершенно наполняла его душу, онъ постоянно былъ стѣсняемъ своимъ монашескимъ саномъ и зависимостью отъ духовнаго начальства, лишавшаго его возможности откровенно высказывать свое мнѣніе по разнымъ религіознымъ вопросамъ. Впослѣдствіи, онъ даже вступилъ въ бракъ. Несмотря на такой поступокъ, который въ монашескомъ и церковномъ мірѣ не могъ не считаться скандаломъ, о немъ и въ этихъ сферахъ продолжали отзываться симпатично; прежніе его товарищи оказывали ему даже по временамъ небольшія денежныя пособія, когда, послѣ вступленія въ бракъ, существуя исключительно на скудный гонораръ за свои статьи, онъ нерѣдко крайне нуждался въ средствахъ. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ, какой это былъ хорошій человѣкъ. Объ архимандритѣ Ѳеодорѣ также крайне симпатично говорилъ мнѣ впослѣдствіи протоіерей Лебедевъ, который его хорошо зналъ. У Лебедева хранились даже послѣ смерти Бухарина разныя, оставшіяся послѣ него, рукописи. Одну изъ нихъ—„Толкованіе на посланіе апостола Павла къ Филиппійцамъ“ — онъ даже передалъ мнѣ, и я пользовался ею, какъ матеріаломъ, при составленіи моего опыта изъясненія этого посланія, какъ объ этомъ и указано въ примѣчаніи къ главѣ I-й моего труда. Объ отношеніяхъ Лебедева къ Бухарину мы находимъ въ некрологѣ Лебедева слѣдующее интересное указаніе: во время пребыванія Лебедева въ Московской духовной академіи архимандритъ Ѳеодоръ (Бухаринъ) находился тамъ въ числѣ наставниковъ. Личность и богословскіе труды о. Ѳеодора настолько вліяли на развитіе богословскаго интереса у покойнаго Лебедева, что онъ никогда не забывалъ, при удобномъ случаѣ, говорить объ этомъ и поддерживалъ свои идеальныя связи съ о. Ѳеодоромъ даже послѣ того, какъ послѣдній сложилъ съ себя

санъ и жилъ въ большой бѣдности, сохранивъ, однако, нелицемѣрное послушаніе свое церкви и ея авторитету. Поэтому, неудивительно, что покойный Лебедевъ не одинъ разъ ѣздилъ на его могилу, въ Переяславль-Залѣсскій, а ранѣе, при его жизни, выступалъ мужественно на защиту его отъ чрезмѣрныхъ нападокъ редактора „Домашней Бесѣды“, Аскоченскаго.

Въ разговорѣ съ Виталіемъ я касался иногда даже весьма деликатныхъ религіозныхъ вопросовъ. Такъ, однажды я возбудилъ при немъ вопросъ о культѣ у насъ Богородицы. Я указывалъ на то, что, по моему мнѣнію, такія молитвы, какъ „Богородице, спаси насъ“, въ сущности отклоняются отъ чистаго православія, поставляя св. Богородицу въ уровень съ Божественнымъ Спасителемъ и превращая ее какъ бы въ Божество. На этотъ деликатный вопросъ о. Виталій не отвѣтилъ мнѣ съ формальной стороны, въ сущности не возражая мнѣ, а только замѣтилъ, что этого не слѣдуетъ принимать буквально, подразумѣвая всегда прибавочныя слова „молитвами Твоими“, и что эта молитва, мало-по-малу, вошла въ наше религіозное чувство.

Мнѣ кажется, что вообще въ то время начинали смотрѣть не такъ формально на разные религіозные вопросы и стали допускать нѣсколько болѣе свободы въ ихъ обсужденіи. Нѣсколько времени спустя, я вновь затронулъ этотъ вопросъ въ печати. Въ моей книжкѣ о Церкви по этому поводу говорится слѣдующее:

„Задача Церкви хранить залогъ истины, т. е. ничего не убавлять и ничего не прибавлять къ вѣчнымъ истинамъ, которыя раскрыты намъ Іисусомъ Христомъ, апостолами и евангелистами... Относительно догматическихъ добавленій намъ, православнымъ, не разъ приходилось выслушивать упреки католиковъ въ томъ, что, идя въ сущности по одному и тому же съ ними пути, мы лицемѣрно обвиняемъ ихъ въ фабрикаціи новыхъ догматовъ. „Вы насъ обвиняете напримѣръ въ томъ, говорятъ они, что ученіемъ о непорочномъ зачатіи Св. Богородицы, мы создали новый догматъ, но развѣ вы расходитесь съ нами въ воззрѣніяхъ на существо Богородицы. Какое же значеніе слѣдуетъ придать факту празднованія у васъ дня зачатія Пресв. Богородицы (9 декабря). Кромѣ того многія изъ молитвъ, возносимыхъ вами къ Пресв. Матери Божіей (Богородица, спаси насъ и др.), несомнѣнно приписываютъ ей божественную силу“... Для справедливой оцѣнки всего происходящаго въ религіозной жизни народа или помѣстной церкви, необходимо обратить вниманіе на связь явленій религіозной жизни съ историческимъ ея развитіемъ и съ условіями, въ которыхъ происходило это развитіе. Въ теченіи многихъ столѣтій умственное отношеніе къ религіозной истинѣ носило у насъ преимущественно фор-

мальный характеръ; внѣшнее проявленіе благочестивой духовной жизни также облекалось, съ своей стороны, въ строго опредѣленный формализмъ, въ которомъ усматривался какъ бы существенный признакъ истиннаго благочестія. При такихъ условіяхъ, то, что служитъ выраженіемъ благочестивой жизни, молитвы, славословія, даже празднество—могло иногда проявляться въ формѣ, не вполнѣ соотвѣтствующей внутреннему существу того или другого догмата. При отсутствіи аналитическаго настроенія въ общей духовной жизни народа и при незначительномъ вліяніи на нее богословской науки, такія явленія были неизбѣжны.

„Такимъ образомъ и въ почитаніи Пресв. Богородицы могли проявляться выраженія, не вполнѣ выдерживающія строгую логическую критику въ догматическомъ отношеніи. Легко понятно, какимъ образомъ простая человѣческая мысль, не провѣряющая себя критическимъ анализомъ, могла склониться къ приписанію Пресв. Матери Божіей божественнаго достоинства; одно понятіе, повидимому, истекало изъ другого... Мы—люди и потому въ нашей жизни и ея явленіяхъ всегда неизбѣжно проявляется несовершенство. Непогрѣшимость принадлежитъ только православной церкви въ ея совокупности, въ ея вселенскости... никакое частное благочестивое мнѣніе, никакое выраженіе религіозной жизни, которыя, съ большимъ или меньшимъ несовершенствомъ могутъ проявляться въ отдѣльныхъ православныхъ церквахъ, не въ состояніи затронуть догмата вселенской церкви“...

Прежде напечатанія отдѣльной книгой мое сочиненіе появилось въ религіозномъ журналѣ [1]), значитъ, получило аппробацію духовной цензуры, которая не остановилась передъ вышеприведенными словами. Молитва „Пресв. Богородица, спаси насъ“ продолжаетъ возноситься въ церкви и по настоящее время,—но едва ли подобное вышеприведенному указаніе на неправильность этой молитвы прошло бы въ настоящее время безпрепятственно чрезъ духовную цензуру.

Насколько болѣе свободное настроеніе преобладало въ то время, усматривается между прочимъ изъ магистерскаго диспута, происходившаго въ томъ же 1876 г. въ духовной академіи, на которомъ я присутствовалъ. Рефератъ проф. Чистовича „о павликіанахъ“ былъ въ сущности всецѣло plaidoyer въ пользу свободы совѣсти.

Но возвращаюсь къ моимъ отношеніямъ къ архимандриту Виталію. Наши сношенія не ограничивались совмѣстными занятіями, онъ

[1]) Оно началось печатаніемъ въ „Православномъ Обозрѣніи“, а по прекращеніи этого журнала, продолжало печататься въ Харьковскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, который вновь перепечаталъ и все начало его.

посѣщалъ меня и на дому и познакомился съ моимъ семействомъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ ѣздили на лекцію Янышева, и такъ какъ въ Лавру, послѣ извѣстнаго часа вечеромъ ему неудобно было возвращаться, то онъ въ этотъ день ночевалъ у меня. Вечеромъ за чайнымъ семейнымъ столомъ, онъ сталъ по обыкновенію молиться передъ приступленіемъ къ чаю и удивился, что у насъ въ столовой не было иконы, на которую можно бы было помолиться. Онъ это замѣтилъ намъ и на слѣдующій разъ, когда онъ опять пріѣхалъ къ намъ, онъ привезъ намъ въ даръ икону, чтобы повѣсить ее въ нашей столовой. Хотя онъ самъ былъ очень расположенъ къ иконамъ Богоматери, но зная, изъ разговоровъ со мною, что я не сочувствую тому безграничному почитанію Пресв. Богородицы, которое у насъ проявляется, онъ, относясь крайне деликатно къ моему настроенію, поднесъ намъ икону не Богоматери, а Спасителя съ евангеліемъ, которая и до сихъ поръ виситъ у насъ въ столовой.

Такъ какъ въ то время очень много было разговоровъ о Рэдстокѣ, то и Виталій заинтересовался имъ и разспрашивалъ меня о немъ. Я ему предложилъ вмѣстѣ со мною поѣхать въ лорду Рэдстоку, чтобы познакомиться съ нимъ. Онъ принялъ мое предложеніе, и мы вмѣстѣ съ нимъ поѣхали къ Рэдстоку въ гостиницу (который былъ предупрежденъ мною о предстоящемъ посѣщеніи). Рэдстока мы застали среди его семейства, жены и очень миловидныхъ дѣтей и просидѣли у него болѣе часа въ мирной бесѣдѣ. Въ разговорѣ Рэдстокъ, выражаясь съ почтеніемъ о нашей церкви, указывалъ однако на проявляющійся въ ней формализмъ. Виталій, съ своей стороны, объяснялъ ему символическое значеніе нашихъ обрядовъ, и Рэдстокъ съ большимъ вниманіемъ выслушивалъ его объясненія. Нѣсколько дней спустя лордъ Рэдстокъ отдалъ вмѣстѣ со мною визитъ архимандриту Виталію, посѣтивъ его въ Лаврѣ.

Наши интимныя сношенія съ Виталіемъ продолжались въ теченіе всего времени пребыванія его въ Петербургѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ былъ назначенъ викарнымъ, а впослѣдствіи и епископомъ въ одну изъ западныхъ губерній, кажется Могилевскую. Съ тѣхъ поръ мы видѣлись съ нимъ только въ его рѣдкія посѣщенія Петербурга.

Считая долгомъ выразить архимандриту Виталію мою благодарность за его содѣйствіе успѣху моего перевода, я предпослалъ второму тому изданія слѣдующія слова:

„Оканчивая настоящій переводъ, считаю пріятнымъ долгомъ принести искреннюю благодарность отцу архимандриту Виталію за благосклонное содѣйствіе, которое онъ оказалъ мнѣ въ моемъ трудѣ.

„Отецъ архимандритъ Виталій посвятилъ не мало часовъ на пересмотръ со мною перевода Ecce Homo, и его совѣтамъ, осно-

ваннымъ на обширномъ знакомствѣ съ книгами Священнаго Писанія и съ выраженіями нашей богословской рѣчи, я въ значительной мѣрѣ обязанъ какъ точностію, такъ и внутреннею соотвѣтственностію передачи многихъ мѣстъ англійскаго оригинала“.

Когда печатаніе моего перевода стало приходить къ окончанію, я нашелъ нужнымъ позаботиться о полученіи разрѣшенія автора на переводъ его книги. Хотя съ формальной стороны я въ этомъ и не нуждался, такъ какъ книга вышла анонимно и при томъ у насъ съ Англіей не существовало договора объ охранѣ литературной собственности, но я не считалъ деликатнымъ поступиться въ настоящемъ случаѣ разрѣшеніемъ автора. Не зная имени автора (проф. Silly, какъ я узналъ впослѣдствіи), трудно было получить отъ него самого согласіе, и потому я рѣшился обратиться къ Глэдстону, написавшему вступленіе къ Ecce Homo. Въ моемъ письмѣ, сообщая ему, что я перевелъ эту книгу, и что имя автора мнѣ неизвѣстно, я обращался къ нему съ просьбой какъ о разрѣшеніи на печатаніе перевода его вступленія, такъ и объ исходатайствованія такого же разрѣшенія отъ самого автора книги, который ему, безъ сомнѣнія, извѣстенъ.

Знаменитый государственный мужъ не оставилъ моего письма безъ отвѣта; онъ сообщилъ мнѣ, что къ изданію русскаго перевода препятствія не встрѣчается, и просилъ меня только, когда выйдетъ книга, прислать ему два экземпляра оной (вѣроятно, одинъ для него, а другой для автора). Я это, разумѣется, исполнилъ, и такъ какъ Виталіемъ были сдѣланы въ примѣчаніяхъ нѣкоторыя оговорки съ указаніемъ на неточность нѣкоторыхъ воззрѣній автора, впрочемъ небольшихъ частностей, то полагая, что характеръ этихъ замѣтокъ будетъ интересовать какъ самого Глэдстона, такъ и автора книги, я приложилъ переводъ на французскомъ языкѣ этихъ подстрочныхъ примѣчаній.

По полученіи моей посылки, Глэдстонъ извѣстилъ меня о полученіи книги и присовокупилъ, что онъ находитъ замѣчанія Виталія основательными и заслуживающими уваженія, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приложилъ къ своему письму слѣдуюшее краткое стихотвореніе:

Jf J ask Him to revive me
Will he say me way?
Not tell earth and not till Heaven
Pass away.

Два автографа Глэдстона я сохранилъ какъ драгоцѣнный предметъ.

Отзывы Глэдстона на замѣтки Виталія я сообщилъ послѣднему, и это, кажется, доставило немало удовольствія и удовлетворенія отцу архимандриту.

Такимъ образомъ первый томъ Ecce Home, въ русскомъ переводѣ съ предисловіемъ Глэдстона, вышелъ въ 1876 году. На заглавномъ листѣ я посвятилъ мой трудъ „памяти Софіи Александровны Тернеръ“, желая эту первую значительную мою работу связать мысленно съ памятію о моей женѣ—какъ бы въ видѣ новой духовной связи съ усопшею.

Переводъ Ecce Homo вышелъ впослѣдствіи вторымъ изданіемъ, и мнѣ многіе отзывались крайне сочувственно объ этой книгѣ; разъ даже въ дорогѣ, во время одной оффиціальной командировки, ко мнѣ подошелъ совершенно неизвѣстный мнѣ молодой инженеръ и просилъ позволенія благодарить меня за наслажденіе, доставленное ему чтеніемъ моего перевода Ecce Homo.

Для характеристики этого сочиненія, считаю не безынтереснымъ привести здѣсь текстъ объяснительнаго предисловія, которое я считалъ нужнымъ предпослать переводу:

„При всей необъятности для человѣческаго ума тайны воплощенія Сына Божія, — эта величайшая и сокровеннѣйшая тайна, составляющая одно изъ основаній спасительной вѣры, съ самыхъ первыхъ временъ христіанства и донынѣ постоянно продолжаетъ занимать мысли людей и служить предметомъ человѣческихъ изслѣдованій.

„Мы рѣшаемся представить нашимъ читателямъ, въ переводѣ, одно изъ такихъ изслѣдованій. Своеобразный характеръ его заключается въ томъ, что, оставаясь на христіанской почвѣ, т. е. не увлекаясь въ ложную односторонность реализма, отрицающаго божественность Спасителя, неизвѣстный авторъ сосредоточиваетъ свое изслѣдованіе преимущественно на человѣческой сторонѣ личности Іисуса Христа, стремясь какъ бы постепенно вознестись отъ понятія сына человѣческаго къ понятію о Сынѣ Божіемъ.

„Нельзя не признать, что боязнь преклониться передъ какимъ бы то ни было внѣшнимъ авторитетомъ и готовность принимать только то, что можетъ быть подвергнуто непосредственной повѣркѣ, слѣдуетъ отнести къ числу главнѣйшихъ причинъ невѣрія въ наше время. Между тѣмъ величіе сверхъестественныхъ событій, которыми до очевидности подтверждается божественность Іисуса Христа, какъ-то: Его воскресеніе, явленіе Воскресшаго апостоламъ, посланіе имъ Св. Духа и другія—такого рода, что они не подчиняются возможности личной провѣрки и потому обыкновенно отвергаются невѣрующими.

„Въ виду подобнаго затрудненія авторъ Ecce Homo, относясь къ заблуждающимся, но честнымъ искателямъ истины съ соболѣзнованіемъ и чистосердечнымъ доброжелательствомъ, стремится указать имъ надежный путь для достиженія истины, по которому, какъ

видно изъ его предисловія [1]), онъ самъ прошелъ и который привелъ его къ цѣли. Убѣдившись собственнымъ опытомъ, что одного углубленія въ высокую нравственную чистоту ученія и дѣлъ Спасителя уже достаточно для того, чтобы сознать Его божественность, авторъ предлагаетъ читателямъ поставить себя въ положеніе первоначальныхъ послѣдователей Христа, предъ взорами которыхъ вышеуказанныя великія событія, непреложно свидѣтельствующія о его божественности, были также еще сокрыты, и, подобно имъ, внимать словамъ Его ученія и углубляться въ Его жизнь и Его дѣла. Но только для того, чтобы и этимъ путемъ дойти до истины, необходимо, по крайней мѣрѣ, приступить къ изслѣдованію этого ученія и этихъ дѣлъ съ такою же простотою и непринужденною искренностью, съ которою первые ученики Христовы взирали на своего учителя. Передъ тѣми людьми, которые рѣшатся на подобное изслѣдованіе, несомнѣнно раскроется, впослѣдствіи, познаніе и всѣхъ прочихъ сторонъ христіанской вѣры, подобно тому, какъ таковыя открылись впослѣдствіи и передъ первыми учениками Іисуса Христа.

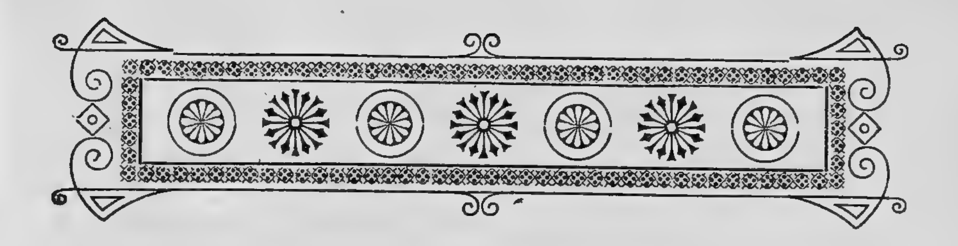
„Такимъ образомъ на предлагаемое сочиненіе не слѣдуетъ смотрѣть какъ на точное изложеніе христіанскаго догматическаго ученія, а какъ на подготовительное изслѣдованіе, могущее даже въ невѣрующемъ, но искренно относящемся къ этому важному вопросу человѣкѣ, вызвать такое настроеніе ума, которое бы дѣлало его, впослѣдствіи, способнымъ вникнуть въ неизмѣримую глубину христіанскаго ученія и предать себя Христу“.

Сочиненіе Ecce Homo вышло въ Англіи 13-ью изданіями и вызвало самыя разнообразныя критическія оцѣнки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Въ немъ авторъ говоритъ: кто чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ обыденными понятіями о Іисусѣ Христѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутъ живою потребностью составить себѣ опредѣленное понятіе о Немъ, (тому) необходимо мысленно перенестись въ тѣ времена, когда Тотъ, Котораго мы называемъ Христомъ, еще не носилъ этого имени, а представлялся людямъ, по описанію Св. еванг. Луки, молодымъ, многообѣщающимъ человѣкомъ, пользовавшимся любовію въ средѣ тѣхъ, которые его знали, и особеннымъ благоволеніемъ Божіимъ,—и затѣмъ прослѣдить шагъ за шагомъ все его послѣдующее жизнеописаніе. Такую работу предпринялъ авторъ настоящей книги для собственнаго удовлетворенія, послѣ того, какъ прочиталъ не малое число сочиненій о Іисусѣ Христѣ, онъ принужденъ былъ сознаться, что нѣтъ другой исторической личности, которой—побужденія, цѣль и чувствованія оставались бы для него столь непонятными. Изслѣдованію, оказавшемуся полезнымъ для самого автора, можетъ быть, суждено принести пользу и другимъ.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турцей (1806—1812) [1].

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Новый главнокомандующій генералъ Кутузовъ.

По прибытіи Кутузова, я передалъ ему командованіе арміей и посвятилъ во всѣ подробности, которыя еще ему не были извѣстны. Сначала онъ прямо поразилъ меня своей неутомимой дѣятельностью, къ которой мы совсѣмъ не привыкли, но его энергія скоро остыла, и обычная лѣность, по-прежнему, вошла въ свои права. Тутъ-то я и замѣтилъ, какъ онъ сильно опустился за послѣднее время. Были ли тому причиной его года или онъ пересталъ бороться со своими недостатками, но только, несмотря на весь его умъ, дурныя его стороны особенно выдались въ этой войнѣ, чего не можетъ не отмѣтить исторія [2]).

Первымъ дѣломъ Кутузова, по пріѣздѣ въ Бухарестъ, было отыскать себѣ владычицу; сдѣлать это было совсѣмъ не трудно, но его выборъ поразилъ насъ. Онъ палъ на 14-лѣтнюю дѣвочку, племянницу Ворлама и бывшую уже замужемъ за однимъ молодымъ бояриномъ Гуніаномъ. Она очень понравилась Кутузову, и онъ, хорошо зная валахскіе нравы, приказалъ ея мужу привезти ее къ нему, что тотъ и исполнилъ. На слѣдующій день Кутузовъ представилъ намъ свою возлюбленную и ввелъ ее въ общество, но, къ несчастію, этотъ ребенокъ (какъ и всѣ женщины,

---

[1]) См. „Русская Старина" сентябрь 1909 г.

[2]) Гр. Ланжеронъ и здѣсь остается вѣрнымъ своему предвзятому нерасположенію къ Кутузову. *Ред.*

кто бы онѣ ни были) скоро началъ имѣть на насъ большое вліяніе и пользовался имъ исключительно для себя и для своихъ родныхъ.

Когда 64-лѣтній старикъ, одноглазый, толстый, уродливый, какъ Кутузовъ, не можетъ существовать безъ того, чтобы имѣть около себя трехъ, четырехъ женщинъ, хвастаясь этимъ богатствомъ—это достойно или отвращенія или сожалѣнія; но когда послѣднее изъ этихъ созданій управляетъ имъ совершенно, руководитъ всѣми его дѣйствіями, дурно на него вліяетъ, раздаетъ мѣста, то тутъ уже отвращеніе уступаетъ мѣсто негодованію.

Повсюду, гдѣ женщины имѣютъ слишкомъ много власти и вмѣшиваются въ политическія дѣла, всегда ихъ вліяніе—болѣе или менѣе роковое для ихъ страны. Черезъ нихъ погибла Польша, ими же много вреда сдѣлали Франціи, но въ Россіи онѣ имѣли меньше вліянія потому, что нація уже привыкла видѣть ихъ на тронѣ, а слѣдовательно видѣть и мужчинъ, управляющихъ только ихъ именемъ.

Немного времени спустя, послѣ прибытія Кутузова, молодой князь Суворовъ отправился въ Яссы, гдѣ находилась его дивизія, но черезъ недѣлю онъ возвратился обратно, чтобы отыскать кого-либо для займа денегъ. Ему очень удобно было сдѣлать это въ Бухарестѣ, такъ какъ тамъ его репутація стояла очень высоко. Получивъ деньги, онъ поѣхалъ въ Яссы, но по дорогѣ утонулъ въ р. Рымникѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Рейсъ-эффенди съ своей арміей, послѣ пораженія, нанесеннаго туркамъ въ 1789 году знаменитымъ отцомъ молодого князя, были потоплены. По какому-то року фатализма, сыну суждено было погибнуть именно на томъ мѣстѣ, гдѣ его отецъ стяжалъ себѣ славу и даже названіе котораго было присоединено къ его фамиліи. Надо также замѣтить, что за 6 мѣсяцевъ до этого несчастнаго происшествія молодой Суворовъ, проѣзжая этотъ Рымникскій потокъ, съ усмѣшкой воскликнулъ: „Я вижу, что и мой отецъ умѣлъ иногда преувеличивать. Онъ доносилъ, будто 10 тысячъ турокъ потонули здѣсь, а я думаю, что и курица можетъ здѣсь пройти, не замочивъ ногъ“. — Если бы Суворовъ подождалъ хоть полчаса, когда быстро несущійся горный потокъ утихъ, онъ могъ бы свободно переѣхать черезъ него; но онъ захотѣлъ бравировать и погибъ. Сильнымъ напоромъ воды перевернуло его коляску, тогда онъ вскочилъ на лошадь, но упалъ вмѣстѣ съ нею и былъ увлеченъ водами Рымника. Генералъ Удомъ, остававшійся въ коляскѣ, былъ унесенъ потокомъ на полъ-версты, искалѣченный до полусмерти о камни, несомые потокомъ; онъ былъ, въ безсознательномъ состояніи, выброшенъ на берегъ; онъ спасся отъ смерти, но поплатился долгой болѣзнью.

Начальникомъ М. Валахіи, гр. Каменскимъ, былъ назначенъ ген. Зассъ. Совершенно не зная его въ нравственномъ отношеніи, графъ поручилъ ему покровительствовать торговлѣ съ Виддиномъ и Трансильваніей. Это былъ неистощимый источникъ богатства, такъ какъ онъ долженъ былъ собирать пошлины, въ размѣрѣ 2 дукатовъ съ каждаго тюка товара, Зассъ же бралъ вдвойнѣ и, такимъ образомъ, онъ укралъ изъ государственной казны болѣе 10 тысячъ дукатовъ [1]).

Общественное мнѣніе о грабежахъ Засса, жалобы жителей М. Валахіи и боязнь Австріи, негоціанты которой, безпокоясь за свою будущность, тоже начали заявлять о безчинствахъ Засса, все это заставило Кутузова смѣстить его и назначить на это мѣсто ген. Войнова, но Зассъ не испугался этой строгости и, зная хорошо характеръ Кутузова, уже составилъ планъ дѣйствій съ нимъ. Онъ явился въ Бухарестъ и, нисколько не стѣсняясь, съ своей обычной увѣренностью и нахальствомъ, сталъ вездѣ бывать, а г-жа Зассъ, смѣлая и предпріимчивая особа, какъ всѣ женщины, занимающіяся какимъ-либо ремесломъ, позволила себѣ высказать графинѣ Тизенгаузенъ, дочери Кутузова, пріѣхавшей на нѣсколько дней къ своему отцу, дерзкія обвиненія противъ нашего главнокомандующаго, прибавивъ, что ея мужъ собирается подать на него жалобу Двору. Г-жа Тизенгаузенъ, полная негодованія, передала объ этомъ происшествіи своему отцу, ожидая, что онъ еще больше возстанетъ противъ Засса, но случилось совершенно противуположное: при одномъ словѣ „Дворъ“ Кутузовъ задрожалъ отъ страха, Зассъ же увѣрилъ его, что только единственно онъ можетъ повести дѣло, касающееся Виддинской флотиліи, и, такимъ образомъ, онъ былъ посланъ въ Краіово. Хорошій же и честный Войновъ долженъ былъ возвратиться въ Слободзейскій лагерь. Кутузовъ, привыкшій прибѣгать

---

[1]) Чтобы судить о громадности этихъ незаконныхъ доходовъ, слѣдуетъ указать, что всѣ приближенные Засса, дѣйствуя по примѣру своего начальника, собрали себѣ большія состоянія; самъ же Зассъ, несмотря на полученные имъ доходы при Клиліи, въ 1807 г., не краснѣя, обратился ко мнѣ съ просьбой дать ему возможность получить, неправильнымъ способомъ, еще 500 дукатовъ. Ему и его женѣ удалось при Краіовѣ собрать 60 тысячъ дукатовъ, которые они закупорили въ 2 бочки. Я передаю этотъ анекдотъ, какъ мнѣ его разсказывали въ 1812 г. Во время же карантина въ Николаевѣ, когда въ Одессѣ распространилась чума, Зассъ былъ обязанъ раскрыть свои бочки и обнаружить плоды своего хищенія. Среди приближенныхъ Засса самымъ смѣлымъ и дѣятельнымъ воромъ (потому что это названіе къ нимъ подходитъ) былъ его племянникъ Штрондманъ, молодой человѣкъ, лѣтъ 20, уже въ такіе годы такъ свободно совершавшій такіе поступки.

къ маленькимъ способамъ и интригамъ, обратился ко мнѣ съ просьбой написать ему извинительное письмо, а кромѣ того, онъ написалъ ему самъ. Но Войновъ не удовлетворился этими холодными заглаживаніями своихъ ошибокъ и, пріѣхавъ въ Бухарестъ, былъ ужасно озлобленъ и огорченъ всѣмъ случившимся, и мнѣ стоило большого труда его успокоить.

Зассъ, возвратясь въ Kраіово, снова началъ свой грабежъ, но только съ еще большимъ нахальствомъ [1]).

Кутузовъ выказалъ намъ свою слабость и въ другомъ отношеніи.

Главную квартиру наводняли волонтеры всѣхъ родовъ оружія. Я уже описывалъ ихъ въ запискахъ 1810 г., но еще разъ повторю, что они вели ужасно распутную жизнь, устраивали оргіи и дѣлали долги, затѣмъ, имѣя постоянныя сношенія съ Петербургомъ, они передавали туда о всемъ, происходившемъ въ главной квартирѣ, легкомысленно осуждая генераловъ; но часто писали и не обдуманно, подъ первымъ впечатлѣніемъ, и потому ихъ сообщенія о людяхъ и событіяхъ были не всегда вѣрны [2]).

Государь зналъ о бездѣятельности и безполезности этихъ молодыхъ людей при главной квартирѣ и хотѣлъ исключить ихъ совсѣмъ со службы, но безпокоимый постоянными просьбами родителей, наконецъ, уступилъ, но повелѣлъ удалить ихъ изъ главной квартиры и раскомандировать по полкамъ.

Графъ Каменскій годами былъ не старше этихъ прикомандированныхъ, которые какъ бы составляли его свиту, не повиновался этому приказу, Кутузовъ же, прочитавъ приказъ Его Величества, приказалъ разослать этихъ господъ по полкамъ, но тутъ, въ главной квартирѣ произошла какая-то революція, ибо никто не хотѣлъ уѣзжать оттуда. Тогда Кутузовъ, вмѣсто того, чтобы наказать бунтовавшихъ и исполнить приказъ, не выдержалъ и уступилъ ихъ крикамъ, т. е. скорѣе тѣмъ опасеніямъ, которыя вселяли ему родители этихъ авантюристовъ, и, такимъ образомъ, они по-прежнему остались при главной квартирѣ.

---

[1]) Слухъ о томъ, что гр. Тизенгаузенъ помирилась съ г-жей Зассъ, надѣлалъ много шуму въ Бухарестѣ, тѣмъ болѣе, что этотъ миръ стоилъ имъ 7 или 8 тысячъ дукатовъ, которые г-жа Зассъ заплатила, по настоянію Кутузова, его дочери. Я не могу утверждать этого факта, потому что у меня нѣтъ никакихъ доказательствъ, но въ главной квартирѣ никто тогда не сомнѣвался въ этомъ.

[2]) 1827 г. Несмотря на мое предубѣжденіе противъ волонтеровъ, я не могу не перечислить между ними выдающихся личностей, какъ-то: Бенкендорфъ, Владекъ, Полторацкій и особенно Паскевичъ, теперь начальникъ Грузіи.

Сенаторъ Милошевичъ, по невѣрно разсчитанной экономіи, уничтожилъ въ Валахіи спатарію. Спатаръ—это начальникъ высшей полиціи; вся его дѣятельность заключалась въ томъ, что онъ собиралъ къ себѣ всѣхъ воровъ и разбойниковъ, подкупалъ ихъ деньгами и, такимъ образомъ, мѣшалъ имъ практиковать ихъ промыселъ. Когда уничтожили эту должность, то всѣ служащіе у спатара болгаре очутились безъ дѣла; тогда они раздѣлились на банды и стали разбойничать по всему краю вплоть до воротъ Бухареста. Чтобы уничтожить грабежи и убійства, Кутузовъ возстановилъ спатарію и поручилъ ее одному греку, по имени Понтосуглону, человѣку очень умному и дѣятельному, который началъ съ того, что собралъ у себя половину этихъ бунтовавшихъ разбойниковъ и съ ихъ помощью переловилъ другую половину. Это ему вполнѣ удалось, и разбои утихли.

Генералъ Кутузовъ сильно покровительствовалъ валахамъ и защищалъ ихъ отъ разоренья и убытковъ, которые могли причинить квартировавшія тамъ войска. Подъ страхомъ наказанія, онъ запретилъ полкамъ пользоваться какимъ-либо имуществомъ жителей, потому что злоупотребленія войскъ доходили до такой степени, что деревни, черезъ которыя проходили войска, оставались совершенно опустошенными. Кутузовъ сумѣлъ даже обойтись вовсе безъ сбора подводъ, для нуждъ полковъ, такъ какъ въ это время у жителей Валахіи наступила жатва. Чиновники, конечно, были опечалены этимъ, такъ какъ для нихъ это навѣрное было бы большимъ доходомъ. Когда обращались къ исправнику съ требованіемъ ста повозокъ, онъ наряжалъ 1000 и, отсылая 900 обратно, бралъ за нихъ большія суммы денегъ.

Принявъ мой планъ, генер. Кутузовъ размѣстилъ войска такъ, какъ я обозначилъ. На меня было возложено командованіе главными силами, собранными въ первыхъ числахъ мая, въ Синтешти, на Лазиберѣ, въ 25 мил. отъ Бухареста.

Какъ военная позиція, это мѣсто было прекрасно, тѣмъ болѣе, что оттуда можно легко попасть во всѣ нужные пункты. Относительно климата, эта мѣстность была очень здоровая только ранней весной, но съ іюня мѣсяца тамъ начинались страшныя жары, всѣ рѣки пересыхали, а илъ начиналъ гнить. Всѣ мосты были починены, дороги, ведущія къ Дунаю, исправлены, позиціи подняты, и мы только ожидали событій. По моему проекту и по приказанію Двора, Силистрія и Никополь были покинуты и разорены. Никополь былъ разрушенъ до основанія гр. С.-При, генералъ же Юзовъ не такъ безжалостно поступилъ съ Силистріей, гдѣ онъ оставилъ нѣсколько домовъ.

Я тоже получилъ приказаніе сжечь и опустошить весь край

между Ловчей, Плевной и Изворомъ, но я нашелъ такое распоряженіе варварскимъ и неполитичнымъ. Не только богатые турки кормили наши войска и хорошо обходились съ ними, но и простой народъ и правительство никогда не обходились съ ними дурно. Тѣмъ болѣе политическіе интересы требовали, чтобы съ ними не употребляли крутыхъ мѣръ, не разоряли ихъ страны и не отдаляли ихъ отъ насъ. Гр. С.-При былъ вполнѣ согласенъ со мной и тоже не исполнилъ этого приказанія. Дѣйствительно, оно было отмѣнено, но нашъ главнокомандующій, всегда добрый и слишкомъ слабый со своими подчиненными, если и не терпѣлъ, то и не наказывалъ ихъ за ихъ воровства, а позволяли себѣ такіе поступки многіе. Особенно отличился полковникъ Кутузовъ, служащій въ Выборгскомъ полку; его прямо можно назвать воромъ и разбойникомъ.

Сраженіе подъ Рущукомъ.

Генералъ Кутузовъ былъ правъ, говоря, что еслибы Карусафъ-паша остался великимъ визиремъ, то онъ не вышелъ бы изъ Шумлы, не собралъ бы 15 тысячъ, и наша армія не гуляла бы все лѣто напрасно по Болгаріи.

Отъ нынѣшней кампаніи мы ничего не ожидали и думали, что намъ не придется даже взяться за оружіе, но мы жестоко ошиблись, такъ какъ Ахметъ заставилъ насъ вести самую бурную и жестокую войну.

Въ общемъ у насъ было не болѣе 50 тысячъ вооруженныхъ солдатъ, но, вычтя отсюда независимые гарнизоны Киліи, Измаила, Браилова, Гирсова и Турно, корпуса и отряды, необходимые въ Сербіи и Валахіи, а также и тѣ, которые были назначены для охраны Туртукая, Силистріи и Мачина, тогда увидимъ, что собственно въ дѣйствующей арміи мы съ трудомъ могли собрать 15 тысячъ человѣкъ. Новый великій визирь, употребляя попеременно всѣ средства своего убѣжденія, энтузіазма и твердости, съумѣлъ добиться желаемаго. Вслѣдствіе довѣрія, а главное страха, который онъ вселялъ своимъ подчиненнымъ, онъ собралъ въ одинъ мѣсяцъ сильнѣйшую армію изъ тѣхъ, которую турки выставляли противъ насъ въ эту войну. Онъ призвалъ въ Шумлу всѣхъ вѣрныхъ слугъ султана, а также всѣхъ завзятыхъ мошенниковъ: Михмета-Чапинъ-Оглы, Коели-Ага, Измаила, Селина, Колендарь-пашу, Веслиса, сына знаменитаго Али-паши, янычаръ—всѣ они прибыли въ Шумлу, чтобы тамъ соединиться подъ знаменами Ахмета. Къ нему же присоединились разбойники: Безаніакъ-Ага, Азіакирхаленъ

и другіе. Такимъ образомъ, у него собралось около 50 тысячъ, при 78 орудіяхъ. Число янычаръ также было увеличено нѣсколькими ортами [1]), прибывшими изъ Константинополя, но послѣдніе не были тѣми солдатами, которымъ великій визирь особенно довѣрялъ.

Въ половинѣ іюня онъ со своей арміей двинулся на Разградъ. Мы были посвящены во всѣ его планы, относительно передвиженій, такъ какъ Кутузовъ превосходно организовалъ развѣдочную часть. Лучшими изъ шпіоновъ были болгаре, которыхъ ген. Эссенъ посылалъ изъ Рущука, а ген. Турчаниновъ—изъ Турно. Мы получали также свѣдѣнія отъ Манукъ-бея, армянина, бѣжавшаго отъ своего покровителя Мустафы Байрактара, во время одного морского путешествія.

Я часто уже говорилъ о немъ и зналъ его за двойного шпіона. Когда, однажды, къ нему пріѣхалъ какой-то важный турокъ, считавшій его за преданнаго своему отечеству. и откровенно разсказалъ о всѣхъ замыслахъ султана, то Манукъ выказалъ ему ложное сочувствіе и преданность, но вскорѣ Фонтонъ былъ извѣщенъ объ этомъ разговорѣ, а затѣмъ мы узнали всѣ подробности ихъ интригъ въ Константинополѣ, съ цѣлью помѣшать заключенію мира.

Изъ Разграда визирь двинулся къ Рущуку. Я совершенно не понималъ его цѣли, такъ какъ не могъ же онъ надѣяться взять Рущукъ приступомъ, а тѣмъ менѣе осадой. Онъ могъ бы заставить насъ оставить Рущукъ, если бы онъ, въ началѣ кампаніи, перебросился на правый флангъ, къ Гирсову, или къ Ольтѣ на лѣвый; но и этотъ разсчетъ, хотя и не совсѣмъ вѣрный, могъ бы дать ему только кратковременный успѣхъ.

Какъ только Кутузовъ узналъ о движеніи Ахмета, онъ тотчасъ же выступилъ на Гирсово, гдѣ я расположился бивакомъ за старыми ретраншаментами такъ, что мы не были замѣтны.

Ген. Войновъ съ 10-ю эскадронами Бѣлорусскихъ гусаръ и 3-мя баталіонами 39 Егерскаго полка (бывшаго Брянскаго) присоединился ко мнѣ, и ген. Турчаниновъ съ баталіономъ Олонецкаго полка успѣлъ прибыть въ Турно. Такимъ образомъ, я усилился до 12 тысячъ. Рущукъ былъ занятъ ген. Эссеномъ съ 12 баталіонами, выставившимъ на аванпосты 10 эскадроновъ Чугуевскихъ уланъ и 2 полка казаковъ Лыковкина и Астахова. Кромѣ того, ген. Энгельгардъ съ 4 баталіонами занималъ окрестности Рущука.

Великій визирь, вѣрный старымъ военнымъ привычкамъ своей націи, не дѣлалъ ни одного шага безъ окапыванья и, между Разградомъ и Писонцы, окружилъ укрѣпленіями всѣ возвышенности, лежащія надъ ущельемъ, образуемымъ р. Ломъ. Это дефиле, распо-

[1]) Орта—строевая единица, соотвѣтствуетъ ротѣ (примѣч. переводч.).

ложенное въ 25 вер. отъ Рущука, должно оказать сильное сопротивленіе нашему наступленію, такъ какъ достаточно было 100 человѣкъ, занявшихъ его, чтобы отчаянно сопротивляться. Затѣмъ, великій визирь, укрѣпивъ это дефиле, подошелъ къ с. с. Бузину и Кадыкіою, расположеннымъ въ 15 вер. отъ Рущука, и тамъ снова окопался.

Когда Кутузовъ постигъ всѣ замыслы визиря, то двинулся на Гирсово и тамъ рѣшилъ перейти Дунай а затѣмъ, дать генеральное сраженіе, которое успокоило бы насъ до конца этой кампаніи. Планъ Кутузова былъ превосходный, но насъ всѣхъ страшно удивило, что онъ былъ придуманъ самимъ Кутузовымъ, отъ котораго нельзя было ожидать такихъ быстрыхъ рѣшеній.

Ген. Войновъ, всегда недовольный своимъ положеніемъ, не находилъ нужнымъ скрывать этого; хотя это и очень безпокоило Кутузова, но онъ былъ въ большомъ затрудненіи, какимъ бы назначеніемъ удовлетворить самолюбіе Войнова. Наконецъ, онъ рѣшилъ передать ему командованіе всей кавалеріей, которую онъ отдѣлилъ отъ моего корпуса и отъ корпуса Эссена. Распоряженіе это было совершенно неправильно и могло повести къ печальнымъ послѣдствіямъ, такъ такъ, въ войнѣ съ турками, всякій генералъ, командующій какою-нибудь частью арміи, долженъ непремѣнно имѣть свою кавалерію, чтобы употребить ее въ дѣло, когда это представится необходимымъ. Часто успѣхъ всего сраженія зависитъ отъ своевременно произведенной атаки кавалеріи. Когда же начальство надъ всей кавалеріей поручено другому генералу, то успѣхъ дня можетъ сильно пострадать, такъ какъ, при слишкомъ длинной линіи фронта, одному лицу трудно слѣдить за ней, чтобы нигдѣ не пропустить каждаго момента для атаки.

Насъ было три генералъ-лейтенанта, и Кутузовъ могъ бы образовать три корпуса изъ всѣхъ родовъ оружія и мы бы съ Эссеномъ охотно уступили бы Войнову часть нашей пѣхоты, лишь бы сохранить при себѣ нашу кавалерію, которая была намъ такъ полезна.

Кутузовъ передалъ Войнову также начальство надъ аванпостами, что очень обидѣло Эссена, такъ какъ онъ завѣдывалъ ими всю зиму, проведенную въ Рущукѣ.

Съ 18 по 20 іюня, Войновъ, съ своею обычною безразсудностью, произвелъ нѣсколько развѣдокъ турецкаго расположенія и забралъ нѣсколько непріятельскихъ постовъ. Въ числѣ взятыхъ имъ плѣнниковъ находился одинъ польскій ренегатъ, гость великаго визиря, о которомъ послѣдній очень сожалѣлъ.

Кутузовъ имѣлъ намѣреніе, до начала сраженія, скрывать свои силы за укрѣпленіями Гирсова и только тогда ихъ выставить,

когда сраженіе станетъ неизбѣжнымъ. Это былъ великолѣпный планъ, тѣмъ болѣе, что великій визирь предполагалъ, что въ нашей арміи не болѣе 10 тыс. человѣкъ, тогда какъ у насъ было 18 тыс.

Но одно неожиданное обстоятельство помѣшало всѣмъ этимъ соображеніямъ главнокомандующаго.

19 іюня я перешелъ Дунай и засѣлъ на низкой равнинѣ, гдѣ находились въ прошломъ году наши траншеи. Такимъ образомъ, я былъ скрытъ отъ турокъ.

20 іюня, на разсвѣтѣ и при сильномъ туманѣ, когда нельзя было разсмотрѣть, что дѣлается въ 10 шагахъ, 5.000 отборныхъ всадниковъ турецкой конницы напали на наши аванпосты и, захвативъ ихъ, бросились на бивакъ Чугуевскихъ уланъ, которые едва только успѣли вскочить на лошадей. Этотъ полкъ никогда не пользовался хорошей репутаціей, но на этотъ разъ онъ превосходно велъ себя, имѣя во главѣ полковника Бенкендорфа, флигель-адъютанта Государя и волонтера нашей арміи. Это послѣднее обстоятельство очень важно, такъ какъ онъ доказалъ, что и волонтеры могутъ быть на что-нибудь годны.

Бенкендорфъ, хотя и не ожидалъ такого внезапнаго нападенія, однако не растерялся и, быстро собравъ полкъ, отбилъ нападеніе турокъ. Туманъ мало-по-малу разсѣялся, и на помощь Бенкендорфу прибылъ Энгельгардъ съ своимъ Старо-Ингерманландскимъ полкомъ и началъ довольно живое дѣло. Когда же Эссенъ, съ своими 12 баталіонами, занялъ возвышенности, то турки совсѣмъ отступили.

Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли 100 человѣкъ, турки же гораздо больше, такъ какъ у нихъ вовсе не было пушекъ, а у насъ ихъ было очень много.

Кутузовъ, также какъ и мы всѣ, вообразивъ, что мы атакованы всей арміей визиря, и что произойдетъ генеральное сраженіе, отдалъ мнѣ приказаніе выдвинуться съ моимъ корпусомъ, который я и расположилъ влѣво отъ Эссена.

Такимъ образомъ, турки открыли всѣ наши силы, которыя главнокомандующій хотѣлъ такъ тщательно скрыть.

20 іюня, къ 4 часамъ вечера, мы построились въ боевой порядокъ, какъ это видно изъ плана сраженія при Рущукѣ.

Городъ этотъ, какъ я уже описывалъ, былъ окруженъ возвышенностями, покрытыми лѣсомъ и виноградниками, а въ 4 верстахъ отъ города, по Разградской дорогѣ, находилась большая равнина, перерѣзанная нѣсколькими неглубокими оврагами. Вправо отъ этой равнины протекаетъ р. Ломъ, а влѣво идутъ дороги въ Герновиды и въ Туртукай. На этой равнинѣ могутъ свободно маневрировать 50 тысячъ человѣкъ, вплоть до дефиле Пизанцы.

21 іюня все было тихо, только 22 великій визирь собралъ свою армію и атаковалъ насъ.

Позиція наша была очень хороша, но она могла быть обойдена. Конечно, это большой недостатокъ, котораго мы всегда опасались въ дѣлахъ съ турками, такъ какъ ихъ конница, очень часто, окружаетъ со всѣхъ сторонъ армію противника.

Мы заняли совершенно ровную и открытую поляну. Направо отъ насъ шли виноградники, лѣса и овраги, а слѣва протекала р. Ломъ, черезъ которую былъ построенъ каменный мостъ.

Кутузовъ поставилъ здѣсь одинъ баталіонъ 29 Егерскаго полка, чтобы избѣжать обхода непріятеля съ этой стороны—предосторожность вполнѣ разумная.

Въ Рущукѣ было оставлено три баталіона 39 Егерскаго полка, а всѣ, оставшіеся тамъ, жители-христіане были вооружены. Равнину же, находящуюся у Туртукайской дороги, Кутузовъ занялъ тремя баталіонами Вятскаго полка, эскадрономъ Кинбургскихъ драгунъ и 50 казаками. Многіе трунили надъ этой предосторожностью, находя ее совершенно излишней, но они жестоко ошиблись, и первый же случай доказалъ все благоразуміе такой предусмотрительности Кутузова.

Главныя наши силы состояли изъ 9 пѣхотныхъ каре, изъ коихъ 5 было въ первой линіи и 4—во второй. Всѣ каре находились подъ командами прекрасныхъ начальниковъ.

На правомъ флангѣ стояло каре Старо-Ингерманландскаго полка, подъ командой ген. Энгельгарда и маіора Ивкова. Энгельгардъ командовалъ также Ливонскимъ драгунскимъ полкомъ и 150 казаками, вызванными мною изъ Зимницы. Затѣмъ слѣдовали каре: Архангелогородскаго и Шлиссельбургскаго полковъ, подъ начальствомъ полковника Ререка и волонтера маіора Энгельгарда. Позади этихъ трехъ каре были каре 3-го и 7-го Егерскихъ полковъ, подъ начальствомъ маіора Бакшеева, полковника Лаптева и общей командой генер. Гартунга. Эти 5 каре составляли корпусъ Эссена.

Въ моемъ распоряженіи было 4 каре, и я былъ на лѣвомъ флангѣ, хотя долженъ бы стоять на правомъ, но, прибывъ только 20 числа, послѣднимъ и, расположившись тогда на лѣвомъ флангѣ, я тамъ и остался.

Мои 4 каре занимали: первую линію: каре Старооскольскаго полка, подъ командою гр. Воронцова и полковника Шкайскаго; каре Выборгскаго полка и 29 Егерскаго, подъ командою генер. Сандерсъ, полковника Кутузова и полковника Емельянова. Во второй линіи стояли: каре, составленное изъ Олонецкаго и одного баталіона Выборгскаго полковъ подъ командою генер. Турчанинова и пол-

ковника Булгарина и каре Бѣлостокскаго, командованіе которымъ я вручилъ полковнику Владину, флигель-адъютанту Государя и волонтеру, отличившемуся при Рущукѣ, въ 1810 г.; подъ его начальствомъ состоялъ маіоръ Балбековъ. Всѣ эти начальники каре были мужественны, дѣятельны и привыкшіе къ войнѣ съ турками.

Артиллерія была также подъ прекрасной командой. Генер. Рѣзвый, прибывшій только наканунѣ сраженія, и въ помощники ему былъ назначенъ генер. Анжу. Новакъ остался командовать артиллеріей, находившейся на лѣвомъ флангѣ моего корпуса, и подъ его начальствомъ были подполковники: Веселишскій, Бушуевъ, Шульманъ, Риманъ и Кривцовъ.

По неправильному распоряженію, кавалерія была поставлена въ третьей линіи, тогда какъ она должна быть свернутой въ колонны и построена между каре, которыя, своимъ огнемъ, должны были защищать ее; а когда турки, утомленные своими безчисленными и неудачными атаками на пѣхоту, начнутъ уставать и начнутъ отступать, только тогда кавалерія должна быстро выдѣлиться изъ линій каре, наскочить на отступавшихъ турокъ и отнять у нихъ артиллерію. Если же нашу кавалерію поставить впереди каре, то она останется открытой для нападенія турокъ, конница которыхъ въ 20 разъ многочисленнѣе нашей, и тогда, не будучи въ состояніи выдержать натиска этихъ безчисленныхъ массъ, наша кавалерія, въ этомъ случаѣ, будетъ разбита и разсѣяна. Линія кавалеріи была очень растянута. Правый флангъ занималъ генер. Дехтеревъ съ 10-ю эскадронами своего Ольвіопольскаго гусарскаго полка; за нимъ помѣщался гр. Мантейфель съ 5-ю эскадронами Петербургскихъ драгунъ; далѣе генер. Лисаневичъ съ 10-ю эскадронами Чугуевскихъ уланъ; потомъ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, подъ начальствомъ Небольсина; затѣмъ 4 эскадрона Кинбургскихъ драгунъ съ ихъ командиромъ генер. Уманецъ и, наконецъ, казаки Грекова. Астаховскій казачій полкъ и Луковкина заняли правый флангъ общаго расположенія. Конная артиллерія была размѣщена между эскадронами, какъ обыкновенно въ сраженіяхъ противъ регулярныхъ армій.

Это также было необдуманное распоряженіе. Въ войнѣ съ турками кавалерія никогда не можетъ защищать артиллерію, которая часто не имѣетъ даже времени открыть огонь и можетъ быть легко захваченной непріятелемъ. Артиллеріи надо располагаться не иначе, какъ по-батарейно, около пѣхотныхъ каре, которыя, для турокъ, представляютъ единственно солидныя преграды.

Турецкая иррегулярная конница, не имѣющая правильнаго строя, никогда не можетъ прорвать пѣхотнаго каре, тогда какъ при первыхъ же выстрѣлахъ, поразившихъ хоть нѣкоторыхъ изъ нихъ,

прочіе всадники, встревоженные огнемъ, начинаютъ безъ толку крутиться и наскакиваютъ другъ на друга; вслѣдствіе этого возникаетъ безпорядокъ, и вся эта конная масса, конечно, уже не можетъ представлять собой грозной силы для пѣхоты, которая, будучи всегда въ порядкѣ, со всѣхъ сторонъ давала серьезный отпоръ.

Вотъ почему, распоряженіе поставить войска въ каре является необходимостью въ войнѣ съ турками.

Я уже говорилъ, что они имѣютъ обыкновеніе окружать непріятеля со всѣхъ сторонъ, поэтому слѣдуетъ строить каре на 4 фаса, обращая главное вниманіе на прикрытіе зарядныхъ и патронныхъ ящиковъ, лазаретныхъ линеекъ и имѣющагося при войскахъ обоза.

Въ прежнее время, при фельдмаршалѣ Минихѣ, вся армія представляла изъ себя только одно каре, остававшееся всегда неподвижнымъ. Фельдмаршалъ Румянцовъ раздѣлилъ это большое каре на нѣсколько малыхъ, но они все еще были слишкомъ велики и состояли каждое изъ 10—12 баталіоновъ. Во время переходовъ эти каре отдѣлялись интервалами, но послѣ, они были значительно уменьшены, что давало имъ возможность быть болѣе подвижными. Нельзя допустить, чтобы они были и слишкомъ малыми, такъ какъ тогда они легко могутъ быть сбиты артиллеріей. Лучшее дѣленіе арміи на каре, когда каждое изъ нихъ состоитъ изъ двухъ полковъ (4-хъ баталіоновъ), приблизительно изъ 1.800 человѣкъ, тогда всѣмъ есть мѣсто и при необходимости возможно принять и кавалерію.

Но все же эти каре имѣютъ и свою особую сторону. Они также, какъ и колонны, представляютъ большую цѣль, а потому даютъ возможность непріятельской артиллеріи производить въ нихъ страшныя опустошенія. Каждое турецкое ядро, если оно пущено по прямой линіи во флангъ, можетъ уничтожить массу людей [1]).

Раздѣленіе войскъ по каре представляетъ большое неудобство для дѣйствій артиллеріи, которая, будучи размѣщена по 4-мъ угламъ, можетъ дѣйствовать только половиною своего состава, другая же остается совершенно безполезной. Можно было бы, конечно, эту часть артиллеріи перенести къ атакованнымъ флангамъ, но это движеніе чрезвычайно опасно, такъ какъ оно непремѣнно, хоть на минуту, раскрываетъ каре и оставляетъ промежутки, которые всегда такъ заманчивы для турокъ. Когда каре начинаетъ движеніе, надо, чтобы фасы двигались не по-взводно, какъ предписываетъ уставъ, а рядами, потому что послѣ остановки взводы не такъ скоро могутъ выстроиться въ линію, какъ ряды; а въ войнѣ съ турками надо

---

[1]) Я былъ свидѣтелемъ, какъ въ сраженіи подъ Мачиномъ, въ 1791 г., однимъ ядромъ было убито 13 гренадеръ Екатеринославскаго полка.

дорожить каждой минутой. Движеніе по-взводно представляетъ еще и то неудобство, что, построенные для боя, они должны отступить на столько шаговъ, сколько человѣкъ во взводѣ, иначе они увеличатъ промежутки въ углахъ каре.

Въ войнахъ съ турками часто бываетъ, что при наступленіи турецкая конница, если мѣстность благопріятствуетъ, ведетъ за собой янычаръ, которые, прячась за кустарники и сады, при встрѣчѣ съ русскими открываютъ огонь и наносятъ потери. Для противодѣйствія имъ, намъ необходимо передъ фронтовымъ фасомъ каре имѣть по нѣсколько стрѣлковъ, построенныхъ въ 2 шеренги; но эти стрѣлки не должны отходить отъ фронта далѣе 50 шаговъ, иначе они могутъ быть убиты, какъ это было въ 1810 г. въ сраженіи при Дерикили.

Когда турецкая конница начнетъ приближаться къ намъ, стрѣлки должны быстро отойти въ каре и составить въ углахъ, позади артиллеріи, небольшіе резервы. Каре могутъ быть выстроены въ 2 ряда, какъ это было въ войну 1788 г., но лучше имѣть 3 ряда, чтобы представить больше сопротивленія.

Планъ нападенія задуманъ былъ великимъ визиремъ очень хорошо. Онъ имѣлъ намѣреніе съ своей пѣхотой и артиллеріей прорвать нашъ центръ, а своей многочисленной конницей окружить насъ со всѣхъ сторонъ. Въ то же время одна колонна, двигаясь по Туртукайской дорогѣ, направится на Рущукъ и, не встрѣтивъ тамъ никакого сопротивленія, какъ онъ предполагалъ, займетъ городъ.

Въ 6 час. утра мы увидали нашихъ казаковъ, занимавшихъ, въ $1^1/_2$ верстахъ отъ нашего лагеря, аванпосты, скачущихъ къ намъ съ криками: „турки, турки!“ И, дѣйствительно, вслѣдъ за ними показались скачущіе турки. Мы едва успѣли построить каре и разобрать стоявшія въ козлахъ ружья, какъ спѣшившіе начать атаку турки, вытащивъ свои пистолеты, начали стрѣлять по нашему фронту [1]).

Около 8 час. утра, центръ турецкой арміи, составленный большею частью изъ пѣхоты, развернулся передъ нашей первой линіей и открылъ пушечный огонь. Наша артиллерія, несмотря на превосходство въ численности, не могла заставить замолчать турецкія

---

[1]) При этомъ я едва избѣжалъ неминуемой опасности. Позавтракавъ вмѣстѣ съ гр. Воронцовымъ и другими офицерами Старoскольскаго полка, мы сидѣли и разговаривали, и у насъ возгорѣлся споръ о формированіи колоннъ. Чтобы доказать Воронцову, что моя система самая подходящая, а главное—быстрая, весь невооруженный полкъ отошелъ на 50 шаговъ и показывалъ графу мой способъ формированія, какъ вдругъ, обернувшись, увидалъ скачущихъ казаковъ и услышалъ ихъ крики. Съ трудомъ добѣжали мы до лагеря и разобрали ружья. Я даже не успѣлъ сѣсть на лошадь, какъ турки уже подскакали къ намъ.

батареи, наносившія намъ большія потери. Я слышалъ, впослѣдствіи, отъ самихъ турокъ, что у нихъ въ этомъ сраженіи было 60 пушекъ, но, вѣроятно, что часть орудій они оставили въ резервѣ и въ укрѣпленіяхъ, потому что я никогда не видѣлъ у нихъ больше 32 пушекъ, изъ коихъ 18 были выставлены противъ меня, и 14—противъ Эссена. И эти 32 пушки, надо отдать справедливость, стрѣляли прекрасно.

Часть турецкой артиллеріи была на сторонѣ Низимъ-Джадида, врага янычаръ, и эта часть была хорошо обучена военному искусству и прекрасно вооружена. Ихъ орудія, сдѣланныя по англійскому образцу, очень легки и хорошо дѣйствуютъ.

Какъ только турецкая конница развернулась, ихъ артиллерія должна была прекратить свой огонь, а затѣмъ конница турокъ начала свои атаки на наши каре и сдѣлала 4—5 довольно безуспѣшныхъ нападеній.

Въ 9 час. вся безчисленная масса непріятельской конницы, подъ предводительствомъ Вели-паши, несмотря на открытый мною отчаянный огонь, пронеслась мимо моего каре. Въ это время другая конная колонна турокъ дебушировала по Герновидской дорогѣ. Эти двѣ колонны, составлявшія вмѣстѣ массу, по крайней мѣрѣ, въ 15.000 коней, съ необыкновенною стремительностью и быстротой накинулись на лѣвый флангъ нашей кавалеріи и въ одинъ моментъ казаки Грекова и Кинбургскіе драгуны были смяты, разсѣяны и обращены въ бѣгство. Шесть орудій конной артиллеріи полковника Кривцова, не успѣвъ дать ни одного выстрѣла, очутились посреди турокъ. 5 пушекъ удалось намъ кое-какъ отбить, а одна пушка осталась въ обладаніи турокъ, вмѣстѣ съ двумя зарядными ящиками. Всѣ лошади, солдаты и офицеры этой батареи были изрублены.

Хотя этотъ моментъ былъ и несчастливъ для насъ, но я долженъ признаться, что никогда не былъ свидѣтелемъ такого чуднаго зрѣлища. Среди великолѣпной турецкой конницы развѣвались отъ 200 до 300 знаменъ различныхъ яркихъ цвѣтовъ, въ рукахъ офицеровъ, въ богатыхъ одеждахъ, сидѣвшихъ на богато убранныхъ чудныхъ коняхъ; золото, серебро и драгоцѣнные камни, украшающіе сбрую лошадей, ярко блестѣли на солнцѣ и, среди этой толпы враговъ, виднѣлись наши непоколебленныя каре, открывшія со всѣхъ сторонъ сильнѣйшій огонь, хотя и наносившій потери туркамъ, но не остановившій ни скорости, ни стремительности непріятеля.

Бѣлорусскій гусарскій полкъ стоялъ возлѣ Кинбургскихъ драгунъ; полковникъ Небольсинъ хотѣлъ сдѣлать перемѣну фронта налѣво назадъ, движеніе слишкомъ опасное вблизи непріятеля, а чтобы исполнить это перестроеніе, надо было сдѣлать заѣздъ на-

задъ, что и долженъ былъ сдѣлать Небольсинъ, но онъ не успѣлъ сдѣлать это построеніе, какъ былъ убитъ, его маіоръ Булгаковъ смертельно раненъ и въ этотъ же вечеръ скончался, весь полкъ былъ совершенно разбитъ и смятъ. Тогда всѣ казаки, гусары, драгуны и артиллеристы, смѣшавшись и перепутавшись, обратились въ бѣгство и имъ едва-едва удалось спастись отъ преслѣдовавшихъ ихъ турокъ и скрыться въ виноградникахъ и садахъ, окружающихъ Рущукъ, и добраться до городского вала.

Прорвавшіе нашъ центръ турки поскакали по Разградской дорогѣ, гдѣ наткнулись на нашихъ маркитантовъ съ нѣсколькими повозками, которыя они въ одинъ мигъ разграбили и расхитили все имущество. Маркитанты, не имѣя никакой возможности защищаться, такъ какъ имѣли при себѣ только пистолеты, а для прикрытія ихъ назначена была лишь небольшая команда піонеровъ, бѣжали въ виноградники, куда турецкая конница не могла проникнуть.

Это мѣсто маркитантскаго привала, по предположенію великаго визиря, должно было служить сборнымъ пунктомъ для обѣихъ кавалерійскихъ колоннъ турокъ.

Если бы дѣла лѣваго фланга были бы также неблагопріятны, какъ у праваго, то намъ пришлось бы очень скверно, но, къ счастью, мѣстность здѣсь менѣе благопріятствовала туркамъ, чѣмъ на нашемъ правомъ флангѣ. Кутузовъ отрядилъ одинъ баталіонъ егерей, подъ командою маіора Горбачева, который разсыпалъ стрѣлковъ на утесистыхъ возвышенностяхъ и въ виноградникахъ, идущихъ вдоль Разградской дороги, и ему удалось, съ двумя эскадронами Ливанскихъ драгунъ и казаками Меншикова, настигнуть турокъ и остановить скакавшую непріятельскую колонну Чиспонъ-Оглы.

Четвертая колонна турецкой конницы, имѣя цѣлью проникнуть въ Рущукъ, достигла Маріатинской равнины, что около Дуная, но, увидя равнину, занятую уже казаками, драгунами и Вятскимъ полкомъ, ради предосторожности, посланныхъ туда Кутузовымъ, повернула назадъ и исчезла. Безъ этой предосторожности, невозможно себѣ и представить, что бы случилось, потому что, съ захватомъ турками Рущука, мы бы совсѣмъ погибли.

Правда, турки не имѣли ни фашинъ, чтобы засыпать рвы, ни лѣстницъ, чтобы влѣзть на валы, но зато они имѣли возможность, по своей численности, защищать всю линію укрѣпленій, вытянутую на протяженіи 5 верстъ.

Во время этого ужаснаго натиска турецкой конницы, я находился въ самомъ центрѣ и хотѣлъ перейти на лѣвый флангъ, но это оказалось невозможнымъ, и я принужденъ былъ остаться при каре Бѣлостокскаго полка, которымъ былъ открытъ огонь съ трехъ

фасовъ. Вскорѣ это каре было все заполнено пушками, зарядными ящиками батареи Кривцова, ранеными или испуганными драгунскими и гусарскими офицерами, такъ что не въ силахъ было разобраться. Я видѣлъ этихъ несчастныхъ артиллеристовъ спѣшенныхъ, раненыхъ, отчаянно отбивавшихся отъ турокъ, насѣдавшихъ на нихъ со всѣхъ сторонъ, я видѣлъ открытый огонь, чтобы остановить или прорвать лавину непріятельской конницы; я видѣлъ, съ какою необыкновенною неутомимостью и храбростью, достойной лучшаго конца, они употребляли всѣ свои старанія, чтобы отнять пушки, и радовался, когда имъ удалось, безъ помощи лошадей, собственными руками, отнять 3 пушки и на себѣ отвезти ихъ въ каре.

Бенкендорфъ, стоявшій рядомъ съ Бѣлорусскимъ полкомъ, заставилъ 5 эскадроновъ Чугуевскихъ уланъ сдѣлать заѣздъ направо и атаковать турокъ съ тыла. Это движеніе, хорошо направленное, а главное, во-время совершенное, много помогло дѣлу. Къ сожалѣнію, остальныя части нашей кавалеріи остались совершенно безучастны.

Войновъ, увлекшись первой атакой турокъ, бросился въ самую середину ихъ, а безъ его приказаній ни одинъ изъ командировъ полковъ не хотѣлъ ничего предпринять. Всѣ потеряли головы. Тогда я поспѣшилъ къ Ольвіопольскому полку и послалъ приказаніе Петербургскому полку сдѣлать заѣздъ назадъ; но ни гусары, ни драгуны не двигались; только одинъ эскадронъ Петербургскихъ драгунъ исполнилъ мое приказаніе, но и тотъ, какъ только я отъѣхалъ, преспокойно занялъ свое прежнее мѣсто и болѣе не двигался.

Въ это время я хотѣлъ двинуться впередъ, чтобы атаковать центръ турокъ, и послалъ къ Кутузову полковника Липпо, чтобы предупредить его объ этомъ, но мнѣ посланный доложилъ, что мое намѣреніе не одобрено. Повидимому, дерзкое нападеніе турокъ напугало и изумило нашего главнокомандующаго, какъ и всю нашу кавалерію. Тогда Кутузовъ приказалъ генер. Гартингу съ каре 7-го Егерскаго полка отойти назадъ, занять виноградники и оттуда открыть смертоносный огонь, который и остановилъ турокъ.

Сообщ. Е. Каменскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 10 декабря 1909 г. по 3-е февраля 1910 г.

Алферовъ, А. и Грузинскій, А. Русская литература XVIII вѣка. Хрестоматія. М. 1910. Изд. Сотрудника школъ, 3-е, испр. и доп. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. пер., св. д.). 8° (17×25). VIII+507 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 6.000 экз.

Бѣлявскій, Е. Русскіе писатели, по ихъ происхожденію и воспитанію. Спб. 1909. Изд. К. Б. Тип. Биркенфельда (В. О., 8 л., 1). 8° (17×25). 112 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 16 л. 600 экз.

Веселовскій Алексѣй. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. М. 1910. Изд. 4-е, доп. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименов., св. д.). 8° (17×25). VIII+267 стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 30 л. 1.800 экз.

Иконописный Сборникъ. Вып. III. Спб. 1909. Изд. Попечит. о русской Иконописи. Тип. Голике и Вильборгъ. 8° (19×27). 121 стр. Съ 1 портр. Ц. 1 р. Вѣсъ 20 л. 600 экз.

Исторія русской литературы. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 3. М. 1908. Изд. т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. И. Кушнеревъ и К° (Пименовская, св. д.). 8° (19×22). 162—240 стр. Съ портр. Вѣсъ 20 л. 2.000 экз.

Кауфманъ, Л.-фонъ. Красный Крестъ въ тылу арміи въ Японскую кампанію 1904—1905 годовъ. (Сибирскій районъ). Томъ I (часть I и II). Спб. 1909. Изд. Главн. Упр. Росс. Общества Краснаго Креста. Тип. Редакціи період. изданій Мин. Финансовъ. 4° (24×34). 1.137+405 стр. и 109 рисунковъ. Вѣсъ 14 ф. Каждой части по 1.000 экз.

Корфъ, С. А., баронъ, проф. Административная юстиція въ Россіи. Книга I. Очеркъ историческаго развитія власти надзора и административной юстиціи въ Россіи. Спб. 1910. Тип. Тренке и Фюсно (Максимиліан. пер., 13). 8° (18×26). VII+528 стр. Ц. за два тома 5 р. Вѣсъ 2 ф. 29 л. 800 экз.

Кузнецовъ, Я. Положеніе членовъ крестьянской семьи по народнымъ пословицамъ и поговоркамъ. Изъ журн. Мин. Юстиціи. Спб. 1909. Тип. сенатская. 8° (16×24). 47 стр. Вѣсъ 6 л. 160 экз.

Лѣтопись Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ. 1910 г. Вып. 2 и 3. Вильна. 1909. Тип. Губернская. 8° (18×26). 105 стр. Вѣсъ 24 л. 350 экз.

Памятники исторіи крестьянъ XIV—XIX в.в. Подъ ред. А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, А. И. Яковлева. М. 1910. Изд. Н. Н. Клочкова (Моховая, 20). Тип. Вильде (М. Кисловка, св. д.). 8° (18×27). VII+260 стр. Ц. 1 р. 60 к. Вѣсъ 28 л. 2.200 экз.

Пановъ, К. Исторія Россіи отъ начала до нашихъ дней. Книга четвертая. Спб. 1909. Тип. К. А. Четверикова (Караванная, 4). 8° (16×23). 478—637 стр. Вѣсъ 14 л. 10.000 экз.

Рождественскій, С. В. Изъ исторіи учебныхъ реформъ Императрицы Екатерины II. Спб. 1909. Тип. Сенатская. 8⁰ (16×24). 97 стр. Вѣсъ 9 л. 100 экз.

Сборникъ матеріаловъ по русско-турецкой войнѣ 1877—78 г.г. на Балканскомъ полуостровѣ. Вып. 69. Спб. 1909. Изд. Воен. Истор. Коммиссіи Главн. Упр. Ген. Штаба. Тип. Штаба Петерб. Округа. 8⁰ (19×28). XX+376 стр. Вѣсъ 2 ф. 19 л. 1.200 экз.

Годовой отчетъ Высочайше утвержденнаго особаго комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 года за 1908—9 г. М. 1909. Тип. А. И. Снегиревой (Савеловскій, св. д). 8⁰ (17×25). 78 стр. Вѣсъ 9 л. 1.200 экз.

Ильинскій, Г. А. Македонскій Глаголическій Листокъ. Отрывокъ Глаголическаго текста Ефрема Сирина XI вѣка. Памятники Старо-славянскаго языка. Т. I вып. 6. Спб. 1909. Изд. Отдѣл. рус. яз. Академіи Наукъ. Тип. Академіи Наукъ. 8⁰ (20×26). 31 стр. и 2 таб. Ц. 65 к. Вѣсъ 8 л. 613 экз.

Каталогъ выставки въ память А. В. Кольцова въ Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1909. Тип. Акад. Наукъ (В. О. 9 л., 12). 8⁰ (16×22). 32 стр. Вѣсъ 6 л. 313 экз.

Матеріалы по археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Имп. московскаго археологическаго общества, снаряженными на Высочайше дарованныя средства. Вып. XII. Подъ ред. гр. Уваровой. М. 1909. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж., св. д.). 4⁰ (27×36). XII+164 стр. Съ рис. и 26 таб. Вѣсъ 2 ф. 28 л. 625 экз.

Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. Выпускъ третій. Спб. 1909. Тип. Имп. Академіи Наукъ. 8⁰ (17×25). 466 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 715 экз.

Радловъ, Э. Л. Характеръ творчества Вл. С. Соловьева. Спб. 1909. Тип. Сенатская. 8⁰ (16×24). 18 стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Яворскій, Ю. А. Два замѣчательныхъ карпато-русскихъ сборника XVIII-го в., принадлежащихъ Университету св. Владиміра. Описаніе рукописей и тексты. Кіевъ. 1909. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговск., 6). 8⁰ (17×25). 95 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 10 л. 300 экз.

Архивъ Раевскихъ. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго, т. II. Спб. 1909. Изд. II. М. Раевскаго. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ (18×25). XVI+666 стр.+5 таб. Вѣсъ 4 ф. 18 л. 600 экз.

Бертье-Делагардъ, А. Л. Къ исторіи христіанства въ Крыму. Мнимое тысячелѣтіе. Одесса. 1909. Тип. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 4⁰ (20×26). 113 стр. Вѣсъ 18 л. 50 экз.

Дистерло, Н. А., баронъ. Офицерская кавалерійская школа (1808—1909). Историческій очеркъ. Спб. 1909. Тип. Т-ва Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8⁰ (18×26). 142 стр. Съ портр. и рис. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 550 экз.

Добронравовъ, В. Введенская Островская пустынь, Владимірской епархіи. Историческое описаніе. Владиміръ. 1909. Тип. И. Копиль. 8⁰ (18×27). 63 стр. Съ рис. Вѣсъ 9 л. 1.000 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Т. XIV, кн. 2. Спб. 1909. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8⁰ (16×24). 392 стр. Съ таб. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 813 экз.

Содержаніе: I. Адріанова, В. Евангеліе Өомы. II. Кудрявскій, Д. И. Къ статистикѣ глагольныхъ формъ въ Лаврентьевской лѣто-

писи. III. Яворскій, Ю. А. Византійскія сказанія о Львѣ Премудромъ въ спискахъ XVII—XVIII в.в. IV. Миллеръ, В. Ѳ. Къ сказкамъ объ Иванѣ Грозномъ. V. Кашинъ, Н. П. Неизданныя произведенія Н. Ѳ. Щербины. VI. Грушевскій, А. С. Исторія украин. этнографіи. VII. Беличъ, А. И. Замѣтки по чакавскимъ говорамъ. VIII. Яцимирскій, А. И. Къ исторіи апокрифовъ и легендъ въ южно-славянской письменности. IX. Бенешевичъ, В. Н. Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 29. Спб. 1909. Изд. Гранатъ (Загородный, 14). Тип. Кушнерева (Фонтанка, 117). 4° (9×27). 80 стр. Съ 5 рис. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 20 л. 15.000 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Н. Овсянико-Куликовскаго. М. 1910. Изд. т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская св. д.). 8° (19×28). 241—320 стр. Съ портр. Вѣсъ 20 л. 2.000 экз.

Миропольскій, С. Очеркъ исторіи церковно-приходской школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго времени. Спб. 1910. Изд. 2-е. Тип. Глазунова (Казанская, 8). 8° (19×26). X+222 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 27 л. 2.400 экз.

Отечественная война 1812 года. Отд. I. Томъ XII. Подготовка къ войнѣ въ 1812 г. Май м-цъ. Матеріалы Воен.-Учен. Архива Генерал. Штаба. Спб. 1909. Изд. Главн. Упр. Генеральн. Штаба. Тип. Бережливость (Невскій пр., 139). 8° (18×27). XXIII+318+XXXVIII стр. Съ таб. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 510 экз.

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1906 годъ. Спб. Изд. Археологич. Ком. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (28×38) 166 стр.+4 таб. Съ рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 16 л. 650 экз.

Пузыревскій, А. И. Императорское русское музыкальное общество въ первыя 50 лѣтъ его дѣятельности (1859—1909). Спб. 1909. Изд. Рус. Музык. общества. Тип. Мильштейна (Нижегородская, 14). 8° (19×27). 47 стр. Вѣсъ 9 л. 2.000 экз.

Пушкинъ и его современники, матеріалы и изслѣдованія. Вып. XII. Спб. 1909. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8° (16×24). 175 стр.+2 табл. Вѣсъ 24 л. 713 экз.

Романовскій, Ю. и А. фонъ-Шварцъ. Оборона Портъ-Артура (Часть II). Спб. 1910. Тип. В. Безобразова и К° (В. О., Бол. просп., 61). 8° (19×28). 672 стр. Съ 6 картин., 162 рис. и 54 черт. Складъ: Сѣвер. книгоиздательство, Садовая, 18, кв. 19. Ц. 6 р. Вѣсъ 4 ф. 15 л. 3.000 экз.

Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Подъ ред. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Томъ I. М. 1909. Изд. Учебн. книгоизд. (Тверская, д. Обидиной). Тип. П. Люндорфъ (М. Спасская, 2). 8° (16×23). IV+607+V стр. Съ рис. и 2 картами. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 5.000 экз.

Семидесятипятилѣтіе Имп. археографической коммиссіи 1834—24/XII—1909. Спб. 1909. Изд. Археографич. ком. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (17×26). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 550 экз.

Собраніе писемъ А. П. Чехова. Подъ ред. и съ комментаріями Владиміра Брендера. Вступительная статья Ю. Айхенвальда. Томъ I. Чеховская библіотека. М. 1910. Изд. к-ва Соврем. Творчество. Тип. т-ва А. А. Левенсонъ (Мамоновскій, св. д.). 8° (15×21). X+288 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 2.500 экз.

Степановъ, Н. В. Единица счета времени (до XIII в.) по-

Лаврентіевской и 1-й Новгородской лѣтописямъ. М. 1909. Изд. Имп. о-ва исторіи и древн. Россійскихъ. Тип. Синодальная. 8° (18×28). 74 стр. Вѣсъ 12 л. 100 экз.

Тарасовъ, Н. Г. и Гартвигъ, А. Ѳ. Изъ исторіи русской культуры. Въ усадьбѣ князя вотчинника. М. 1909. Изд. В. Думнова (Мясницкая, д. Обидиной). Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., св. д.). 8° (16×23). 24 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Тарасовъ, Н. Г. и Гартвингъ, А. Ѳ. Изъ исторіи русской культуры. На службу Государеву. М. 1910. Изд. В. Думнова (Мясницкая, д. Обидиной) Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п. св. д.). 8° (16×23). 23 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Уманецъ, Ф. М. Александръ и Сперанскій. Историческая монографія. (Фрагментъ вмѣсто объявленія). Спб. 1910. Тип. Винеке (Екатерингофскій, 15). 8° (14×22). 27 стр. Вѣсъ 3 л. 1.200 экз.

Финдензейнъ, Ник. Очеркъ дѣятельности Спб. Отдѣленія Имп. Русскаго Музыкальнаго Общества (1859—1909). Спб. 1909. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (16×24). 112+119 стр. Съ рис. 4 табл. Вѣсъ 27 л. 1.600 экз.

Хронологическій указатель военныхъ дѣйствій русской арміи и флота. Томъ II (1801—1825 г. г.). Спб. 1909. Тип. Бережливость (Невскій пр., 139). 8° (17×26). 232 стр. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 1.010 экз.

Шумаковъ, Сергѣй. Сотницы, грамоты и записи. Вып. 5. М. 1909. Изд. Имп. о-ва Истор. и древн. Россійскихъ. Тип. Синодальная. 8° (18×28). VII+115 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 18 л. 200 экз.

Агринскій, А. С. Симбирская (гимназія 1809—1909 г.г.). Историческая записка. Симбирскъ. 1909. Тип. А. Т. Токарева. 8° (15×22). 146+19 стр. Вѣсъ 16 л. 600 экз.

Варнеке, В. Б., проф. Исторія русскаго театра. Часть 2-я: XIX вѣкъ. (Опытъ изложенія). Казань. 1909. Изд. и тип. университетская. 8° (17×25). IV+432 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 400 экз.

Залѣскій, В. Ф. Изъ Казанской старины. Казань. 1909. Изд. Духов. Академіи. Тип. Центральная. 8° (16×24). 23 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Записки сенатора Якова Григорьевича Есиповича. Спб. 1909. Тип. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (16×25). 142 стр.+1 портр. Вѣсъ 17 л. 300 экз.

Ключевскій, В., проф. Курсъ Русской Исторіи. Часть IV. Единственный подлинный текстъ. М. 1909. Изд. автора. Тип. А. И. Мамонтова (Леонтьевскій, 5). 8° (15×23). 481 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 25.000 экз.

Матеріалы этнографическіе. Частушки — „припѣвки". (Изъ села Гусихи, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи). Казань. 1909. Изд. Общ. археологіи. Тип. Университетская. 8° (16×24). 10 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Миртовъ, Д. Первые профессоры философіи въ С.-Петербургской Духовной Академіи—іером. Евгеній и Игн. Фесслеръ. (Къ столѣтію Академіи). Спб. 1909. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 8° (15×22). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 30 экз.

Поливановъ, В. Н. Матеріалы къ исторіи Симбирскаго дворянства 1781—1909. Симбирскъ. 1909. Изд. автора, 2-е, доп. Тип. А. Т. Токарева. 8° (17×25). 196 стр. Вѣсъ 20 л. 310 экз.

Слабченко, М. Е. Малорусскій полкъ въ административномъ от-

ношеніи (Историко-юридическій очеркъ). Одесса. 1909. Тип. Техникъ (Успенская, 56) 8° (18×26). 436+III стр. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 300 экз.

Соболевскій, А. Библіографическія замѣтки. Кіевъ. 1909. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская). 3° (18×26). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 30 экз.

Стеллецкій, Б. Бѣлгородка (древній Бѣлгородъ). Опытъ военно-историческаго изслѣдованія древне-русскихъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Кіевъ. 1909. Тип. Окружн. Штаба (Банковая, 11). 8° (17×26). 24 стр. Вѣсъ 6 л. 300 экз.

Стороженко, А. Къ исторіи войска Запорожскаго при Сагайдачномъ. Кіевъ. 1909. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская). 8° (18×26). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 25 экз.

Толстой, Л. Н. Жизнь и творчество (1828—1908 гг.). Вып. II. Подъ ред. А. Л. Волынскаго, при сотрудничествѣ Н. Г. Молоствова и П. А. Сергѣенко. Художественный отдѣлъ находится въ вѣдѣніи Е. П. Самокишъ-Судковской и М. В. Добружинскаго. Спб. 1909. Изд. и тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 4° (23×30). 69—116 стр. Съ 56 портр. и рис. Ц. по подпискѣ 12 р., съ доставкою 14 р. Вѣсъ 22 л. 5.000 экз.

Александровскій, Г. Историческая записка о состояніи Кіево-Фундуклеевской женской гимназіи въ теченіе перваго пятидесятилѣтія ея существованія. 1860—1910 г. Кіевъ. 1910. Тип. Русская Печатня (Михайловскій, 20). 8° (17×26). 156 стр. Вѣсъ 16 л. 800 экз.

Арцимовичъ, Е. В., Имшенецкая, М. В., Капица, О. І., Кнатцъ, Б. Г., Кнатцъ, Е. Э., Страхова, М. И. Указатель книгъ по исторіи и общественнымъ вопросамъ. Подъ ред. Н. А. Гредескула, С. Ф. Знаменскаго и С. А. Князькова. Съ Приложеніемъ: 1) Обзора библіографическихъ указателей. Сост. А. Капица и 2) Указателя литературы по исторіи музыки. Сост. А. Рачинскій. Спб. 1910. Изд. Имп. Рус. Техническаго общества. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (16×23). VIII+555+56+7 стр. Складъ: Прилукская, 10. Ц. 2 р. 60 к. Вѣсъ 2 ф. 2.000 экз.

Баіовъ, А., проф. Курсъ исторіи военнаго искусства. Вып. V. Эпоха Императрицы Екатерины II. Спб. 1909. Тип. Г. Скачкова (Итальянская, 16). 8° (16×25) 231 стр. 17 плановъ. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 600 экз.

Барриве, Л. Освободительное движеніе въ царствованіе Императора Александра II. Историческіе очерки. М. 1909. Изд. Образованіе (Долгоруковск., 87). Тип. „Рус. т-ва“ (Мыльниковъ, св. д.). 8° (18×26). 180 стр. Съ портр. и рис. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 14.000 экз.

Веретенниковъ, В. И. Исторія тайной канцеляріи Петровскаго времени. Харьковъ. 1909. Тип. Печатное дѣло (Клечковская, 5). 8° (18×25). IV+306 стр. Ц. 2 р Вѣсъ 1 ф. 6 л. 3.000 экз.

Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 15. М. 1910. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. И. Кушнеревъ и К° (Пименовская, св. д.). 8° (19×28). 273—352 стр. Съ портр. Вѣсъ 18 л. 9.000 экз.

Матеріалы для исторіи древне-русской духовной письменности. I—II. „Поученіе Петра митрополита“. III. Посланіе Нила, епископа Тверскаго къ нѣкоему Вельможѣ Георгію Дмитріевичу о воздвиженіи Пресвятыя и о артусѣ. IV—VI. Неизданныя посланія преп. Максима Грека и Ѳ. И. Карпова. Извлечено изъ журн. „Христіанское Чтеніе“, 1909 г.

Спб. 1909. Тип. М. Меркушова (Невскій, 8). 8° (16×24), 18 стр. Вѣсъ 3 л. 150 экз.

Николаевъ, А. Исторія русскаго крестьянства. Въ 4-хъ популярныхъ лекціяхъ. Безпл. прил. къ № 11—12 „Вѣстн. знанія". Спб. 1909. Тип. Т-ва худож. печати (Ивановская, 14). 8° (16×23). 71 стр. Вѣсъ 7 л.

Никольскій, Николай. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и его устройство до 2-й четверти XVII вѣка (1397—1625). Т. 1-й. Вып. II. О средствахъ содержанія монастыря. Спб. 1910. Изд. автора. Тип. Синодальная. 8° (18×26). 2 нен.+267+XCIII+CCCXX+VI стр. Ц. 5 р. Вѣсъ 2 ф. 29 л. 600 экз.

Опытъ родословнаго словаря русскаго древняго дворянства. Родословныя записи Леонида Михайловича Савелова. Вып. 3-й. М. 1910. Изд. автора (Трубниковскій пер., св. д.). Тип. С. П. Яковлева (Салтыковскій пер., 9). 8° (18×27). 248 стр. Ц. 4 р. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 365 экз.

Покровскій М. Н. Русская Исторія. Часть I. Вып. 1-й. М. 1910. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. Т-ва Чичеринъ (Марьинскій, св. д.). 8° (19×27). 15 стр. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Стенографическій отчетъ Портъ-Артурскаго процесса (Выпускъ VI). Подъ общей редакціей Ксидо, К. И. и Соколовскаго, М. К. Спб. 1910. Изд. К. И. Ксидо (Фонтанка, 18). Тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 4° (22×28). 95 стр. Съ 4 рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 18 л. 1.000 экз.

Указатель выставки въ память двухсотлѣтія Полтавской побѣды. М. 1910. Изд. Историч. музея. Тип. О-ва распр. полезн. кн. (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (13×19). 28 стр. Вѣсъ 4 л. 600 экз.

Фатѣевъ, Ар. Н. М. М. Сперанскій (1809—1909). Біографическій очеркъ. Харьковъ 1910. Тип. Печатное дѣло (Клочковская, 5). 8° (18×26). 80 стр. Вѣсъ 20 л. 400 экз.

Частная опера С. И. Мамонтова. Ко дню, посвященному памяти 25-лѣтія открытія Русской частной оперы въ Москвѣ. 9 января 1885 года. М. 1910. Тип. А. А. Левенсонъ (Мамоновскій пер., св. д.). 8° (16×24). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 5.000 экз.

Эпоха Николая I. Подъ ред. М. О. Гершензона. М. 1910. Изд. Образованіе (Долгоруковск., 87). Тип. Рус. Т-ва (Мыльниковъ, св. д.). 8° (18×26). VIII+187+II стр. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 14.000 экз.

Андреевъ, Ник. Кіевская Русь. Культурно-историческіе очерки Россіи № 3. Спб. 1910. Изд. В. И. Яковенко. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (14×20). 88 стр. Съ 26 рис. и 3 карт. Ц. 25 к. Вѣсъ 7 л. 5.100 экз.

Барковъ, И. В. Мотивы русскаго орнамента XI, XII, XIII, XIV, XV и XVI вѣковъ. М. 1910. Тип. М. Г. Грамакова. (Газетный пер., д. Романова). 8° (12×20). 107+3 нен. стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 17 л. 300 экз.

Васильевскій, В. Г. Труды. Томъ II. Вып. 1. Спб. 1909. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., № 12). 8° (17×25). 295 стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 613 экз.

Голицынъ, Б. Б., кн., академикъ. Отчетъ о дѣятельности Имп. Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1909 годъ. Спб. 1909. Изд. и тип. Имп. Акад Наукъ. 8° (17×24). 261+6 стр. Вѣсъ 1 ф. 638 экз.

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ. Сборникъ. Матеріалы для біографіи и статьи по теоретическимъ вопросамъ. Ко дню 25-лѣтія со дня

жончины. Подъ ред. гр. П. С. Уваровой. Т. Ш. М. 1910. Тип. А. И. Мамонтова (Леонтьевскій, 5). 4⁰ (24╳31). 374 стр. Съ портр. и рис. Вѣсъ 2 ф. 20 л. 625 экз.

Гудзь, И. К. Матеріалы для исторіи Тверского Губернскаго Земства 1886—1908 гг. Томъ VI. Подъ ред. А. Н. Полтева. Тверь. 1910. Изд. и тип. губ. земства. 8⁰ (18×27). XVI+XXIV+1983 стр. Съ портр. Вѣсъ 5 ф. 20 л. 750 экз.

Джонсонъ, И. Чеховъ и его творческій путь. Кіевъ. 1910. Изд. кн. маг. Трудъ (Фундуклеевская, 5). Тип. Наслѣд. В. К. Меленевскаго (Нѣжинъ). 16⁰ (13╳18). 130 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 8 л. 2.000 экз.

Заболотскій, П. А. Гоголевскія юбилейныя празднества (1809—1909) въ Нѣжинѣ. Нѣжинъ. 1910. Тип. Насл. В. К. Меленевскаго. 8⁰ (18×27). 1. стр. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Записки неофилологическаго общества при Имп. Спб. Университетѣ. Вып. IV подъ ред. проф. Д. К. Петрова и прив.-доц. К. Ѳ. Тіандера. Спб. 1910. Тип. Винеке (Екатерингофскій, 15). 8⁰ (17×25) 177 стр. Вѣсъ 2 л. 2450 экз.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 30. Спб. 1910. Изд. Бр. Гранатъ (Загородный, 14). Тип. Рус. скоропечатня (Екатеринин. кан., 94). 8⁰ (20╳27). 241—272+81—128 стр. Съ 3 портр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 19 л. 15.400 экз.

Кондаковъ, Н. П., академикъ. Отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ за 1909 годъ. Спб. 1909. Изд. и тип. Имп. Акад. Наукъ. 8⁰ (17╳24). 38 стр. Вѣсъ 6 л. 638 экз.

Къ столѣтію Гвардіи Уланъ Его Величества 1809—1909. Варшава. 1909. Тип. Окруж. Штаба (Саксонская пл., 7). 8⁰ (18×36). 9 стр.+2 портр. Вѣсъ 3 л. 1.500 экз.

Отчетъ о 49 присужденіи наградъ графа Уварова. Записки Имп. Академіи Наукъ, VIII серія по историко-филологич. отдѣленію. Т. X. № 1. Спб. 1909. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8⁰ (21×30). 647 стр. Ц. 4 р. 70 к. Вѣсъ 3 ф. 14 л. 600 экз.

Покровскій, Н. Б., проф. Памятники церковной старины въ Костромѣ. Изъ Вѣстника Археологіи и Исторіи, XIX вып. Спб. 1910. Изд. Археологич. Института. Тип. Синодальная. 8⁰ (20╳28). VI+58 стр.+32 таб. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 200 экз.

Сборникъ матеріаловъ по русско-турецкой войнѣ 1877—78 г.г. на Балканскомъ полуостровѣ. Выпускъ 70. Дѣйствія на восточномъ фронтѣ съ 1 по 19 января 1878 г. Спб. 1909. Изд. Воен.-Истор. коммис. Главн. Упр. Генер. Штаба. Тип. Т-ва Художеств. Печати (Ивановская, 14). 8⁰ (19×29). XII+263 стр. Вѣсъ 2 ф. 1.200 экз.

Архивъ Юго-Западной Россіи. Часть 8-я. Томъ III. Акты о брачномъ правѣ и семейномъ бытѣ въ Юго-Западной Руси въ XVI—XVII вв. Кіевъ. 1909. Изд. коммис. для разбора древнихъ актовъ. Тип. Акц. общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8⁰ (18×28). 120+708+XXX стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 3 ф. 13 л. 540 экз.

Венгеровъ, С. А. Источники словаря русскихъ писателей, т. II. Гогоцкая—Карамзинъ. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л. 12). 8⁰ (17+24). 598 стр. Ц. 7 р. 40 к. Вѣсъ 2 ф. 6 л. 512 экз.

Воронежская старина. Вып. 8-й. Воронежъ. 1909. Изд. Церк.-археол.

комит. Тип. т-ва Н. Кравцовъ и К° (Б. Дворян., д. Столль). 8° (19×27). II+213 стр. Съ портр. и рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 450 экз.

Довгялло, Дм. И. Страничка изъ исторіи православнаго Богоявленскаго братства въ гор. Бѣльскѣ (1633—1636). Отт. изъ № 48 и 50 „Гродн. Епарх. Вѣдом.". Гродно. 1909. Тип. Губернская. 8° (14×21). 14 стр. Вѣсъ 2 л.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Ч. I. М. 1910. Тип. В. Рихтеръ (Мамоновскій пер., св. д.). 8° (16×23). II+309 стр. Ц 1 р. Вѣсъ 26 л. 1.200 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. V. М. 1910. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 13). Тип. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, св. д.). 8° (19×27). 321+400 стр. Съ портр. Вѣсъ 19 л. 2.000 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. М. 1910. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 13), Тип. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, св. д.). 8° (19×27). 353—432 стр. Съ портр. Вѣсъ 20 л. 9.000 экз.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Т. III. М. 1910. Изд. Образованіе (Долгоруковская, 85). Тип. Русскаго товарищества (Мыльниковъ, св. д.). 4° (26×39). 121—138+110 стр. Съ портр. и рис. Вѣсъ 2 ф. 26 л. 8.000 экз.

Памятная книжка Вятской губерніи и календарь на 1910 годъ. Вятка. 1909. Изд. губ. статистич. ком. Тип. Губернская. 8° (17×25). 134+197+V+181 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 17 л.

Памятная книжка Гродненской губерніи на 1910 годъ. Гродно. 1909. Изд. Гродн. губ. статист. ком. Тип. Губернская 8° (17×22). 1 нен.+420+96×18 нен. стр. Ц. 1 р. 30 к. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 1.200 экз.

Порфирьевъ, И. Исторія русской словесности. Часть I. Древній періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра В. Казань. 1909. Изд. автора (2-я Солдатская, 2). 8-е. Тип. Университетская 8° (17×25). 724+IV стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 3.600 экз.

Резановъ, А. С. Хронологическія и генеалогическія таблицы по всеобщей и русской исторіи. Спб. 1910. Изд. и тип. М. О. Вольфъ (В. О., 16 л., св. д.). 8° (21×16). 47 стр. Съ 8 таб. Ц. 75 к. Вѣсъ 15 л. 2.000 экз.

Село Рождествено, Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи. Краткое историко-археологическое описаніе. М. 1909. Тип. И. С. Ефимова (Б. Якиманка, св. д.). 8° (15×23). 31 стр. Съ рис. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Суриковъ, Іоаннъ Матвѣевичъ. Жизнеописаніе подвижницы и прозорливицы, блаженной старицы Евфросиніи, Христа ради юродивой княжны Вяземской, фрейлины Императрицы Екатерины II. М. 1909. Изд. автора. Тип. Обществ. Польза (Тверская-Ямская, 26). 8° (15×22). 45 стр. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Третьяковъ, Н. 5-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ на Кинджоу и въ Портъ-Артурѣ. Спб. 1909. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (16×24). 225 стр. Съ рис. Вѣсъ 22 л. 1.000 экз.

Трифильевъ, Е. П. Въ ссылкѣ. Къ біографіи Василія Назаровича Каразина. Харьковъ. 1910. Тип. Печатное Дѣло (Клочковская ул., 5). 8° (17×26). 11 стр. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

мысли, категорическій императивъ Канта, философское ученіе Гегеля легко усвоивалось даровитымъ юношей".

12 іюня 1864 г. Наслѣдникъ съ своей свитой выѣхалъ изъ Царскаго Села въ заграничное, роковое для него, путешествіе въ Германію, Голландію, Данію и Италію. Передъ отъѣздомъ Великій Князь отправился на охоту, гдѣ простудился и схватилъ lumbago. Доктора не нашли ничего серьезнаго. Великій Князь казался бодрымъ и здоровымъ, и никто не подозрѣвалъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его не станетъ.

Чичеринъ изображаетъ такими словами это путешествіе: „Мы путешествовали, какъ кружокъ друзей, разныхъ возрастовъ, различныхъ положеній, но всѣ соединенные общимъ чувствомъ и общими стремленіями. Центромъ этого маленькаго міра былъ прелестный юноша, съ образованнымъ умомъ, съ горячимъ и любящимъ сердцемъ, веселый, привѣтливый, обходительный, принимающій во всемъ живое участіе, распространяющій вокругъ себя какое-то свѣтлое и отрадное чувство".

Въ Копенгагенѣ Наслѣдникъ былъ помолвленъ съ прелестной принцессой Дагмарой. По этому поводу Чичеринъ выражается такъ: „Мы встрѣтили молодую чету въ корридорѣ, отправляющуюся вдвоемъ, подъ руку въ свои апартаменты. Это была одна изъ самыхъ радостныхъ минутъ моей жизни. Оба были молоды, красивы, влюблены другъ въ друга. Оба сіяли счастьемъ. Будущее представлялось въ самомъ радужномъ свѣтѣ, не только для нихъ самихъ, но и для всей Россіи. Мы съ неудержимымъ порывомъ бросились ихъ поздравлять".

Вюртембергская королева Ольга Николаевна старалась всячески сдѣлать пребываніе въ Штудгартѣ своего племянника насколько возможно пріятнѣе. Это была та королева, которую державный отецъ назвалъ безприданною, ибо самъ цѣнилъ ее за наружныя качества и внутреннія достоинства ея; и признавалъ, что другого приданаго ей не нужно. Въ Италіи занесены Оомомъ въ записки три встрѣчи Цесаревича съ принцемъ Гумбертомъ (впослѣдствіи королемъ Италіи), съ королемъ Викторомъ Эммануиломъ и генераломъ Ламармора.

За обѣдомъ у принца Гумберта — Цесаревичъ, интересуясь конституціей Италіи и желая узнать отъ принца нѣкоторыя подробности, между прочимъ по судебной части, которая подлежала введенію у насъ, по образцу италіанской, предлагалъ принцу Гумберту вопросы, на которые, повидимому, принцъ не желалъ или не въ состояніи былъ отвѣчать и переходилъ на другіе предметы преимущественно же на разсказы о жизни своей, довольно разгульной. Цесаревичъ не уступалъ, однако, и вновь возвращался къ тѣмъ же вопросамъ. Тогда принцъ, видя, что отдѣлаться ему было невозможно иначе, какъ откровеннымъ сознаніемъ своего невѣдѣнія, отвѣчалъ: „Vous me demandez des choses dont je n'ai pas la moindre idée. Chez vous, dans un pays monarchique, les princes sont obligés de connaître les lois et la constitution du pays; chez nous c'est l'affaire des chambres".

О представленіи королю Виктору-Эммануилу сообщается слѣдующее: „Цесаревичъ былъ въ парадной формѣ Л.-гв. гусарскаго Е. В. полка; вся свита также въ парадныхъ мундирахъ. Король вообразилъ, что incognito Цесаревича устраняетъ оффиціальные визиты, а потому былъ крайне пораженъ, когда, при выходѣ изъ внутреннихъ покоевъ въ пріемную залу, увидѣлъ всѣхъ въ мундирахъ. Самъ въ коротенькомъ пиджакѣ, съ открытой шеей, въ свѣтлыхъ, широкихъ панталонахъ, онъ дотого смутился, что вырвалъ изъ рукъ своего дежурнаго камергера складную треугольную шляпу и быстрымъ движеніемъ сунулъ ее подъ мышку; какъ будто шляпа эта придавала болѣе оффиціальности его костюму и пріему гостей. Поздоровавшись съ Цесаревичемъ, онъ поспѣшно удалился съ Его Высочествомъ въ сосѣдніе апартаменты".

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга Цесаревичу были представлены записки посланниковъ всѣхъ странъ, черезъ которыя пролегалъ путь, съ разными свѣдѣніями объ учрежденіяхъ, правительственныхъ лицахъ, выдающихся и извѣстныхъ по какимъ бы ни было причинамъ личностяхъ. Такимъ образомъ, вопросы дня, наиболѣе интересные въ данную минуту въ той или другой странѣ, должны быть извѣстными Его Высочеству.

„Юный, обворожительный по молодости и свойственной ему застѣнчивости, онъ однако, какъ оказалось, такъ умѣло и съ такимъ тактомъ велъ разговоръ, что изумилъ всѣхъ представлявшихся; а Ламармора, съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться въ день пріѣзда нашего въ Туринъ, подошелъ ко мнѣ послѣ аудіенціи министровъ и сказалъ незабвенныя для меня слова: „Il faut rendre justice à Monseigneur le Grand-Duc, c'est un jeune homme accompli. Comme vous devez être fier de lui".

Провидѣнію не угодно было сохранить жизнь такъ высоко одаренному Великому Князю. Въ Берлинѣ Цесаревичъ сталъ жаловаться на боли въ спинѣ,—въ Венеціи боли эти въ сильной степени повторились, причемъ одинъ италіанскій докторъ поставилъ діагнозъ, оказавшійся впослѣдствіи вѣрнымъ, нарывъ въ спинной кости. Скоро Наслѣднику сдѣлалось легче, но все-таки онъ двигался съ трудомъ и ходилъ сгорбленный. Больного перевезли въ Ниццу.

„Одно время, казалось, пишетъ Чичеринъ, что Великому Князю стало лучше.— Знаете ли, сказалъ онъ мнѣ однажды, недѣли за двѣ до послѣдней болѣзни—я сегодня посмотрѣлъ на себя въ зеркало и увидѣлъ, что моя спина почти совсѣмъ выпрямилась.— Онъ самъ нѣсколько повеселѣлъ. По вечерамъ у него обыкновенно собирались нѣкоторые изъ насъ, и онъ откровенно бесѣдовалъ о себѣ и братьяхъ. Мнѣ врѣзалось въ память одно его изреченіе": У насъ всѣхъ нѣсколько лисья натура; у одного брата Александра хрустальная душа. Это былъ его любимый братъ, съ которымъ онъ въ дѣтствѣ былъ неразлученъ.

„Въ концѣ марта Великому Князю стало хуже... На святой недѣлѣ у него сдѣлался мозговой припадокъ. ...У него оказался туберкулезный менингитъ, отъ котораго не было спасенія".

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей: 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подьяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ.

